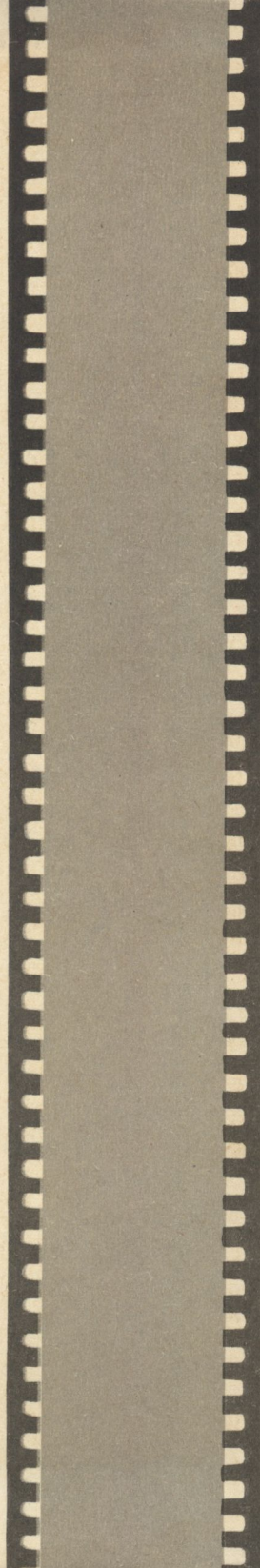

НЕОБЫЧНЫЕ КИНОАРТИСТЫ

Г. БРУССЕ

Г. БРУССЕ

НЕОБЫЧНЫЕ КИНОАРТИСТЫ

Рисунки Е. Бианки

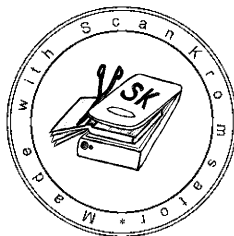
ИЗДАТЕЛЬСТВО „ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА“
ЛЕНИНГРАД 1971

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ

«Необычные киноартисты» — повесть о том, как создаются фильмы о жизни животных. Дело это не такое простое, каким кажется на первый взгляд.

Сколько надо знать о повадках волка или кабана, каким надо быть изобретательным, ловким и смелым, чтобы заснять фильм, где главное действующее лицо — серый хищник или дикий кабан.

О работе кинорежиссёров, кинооператоров, натуралистов, дрессировщиков, охотников, декораторов, плотников, шофёров — расскажет вам эта книга.

Scan AAW

ПОЕЗД ПОДОШЁЛ К ПЕРРОНУ

Наша электричка подошла к платформе «Леоновское» ровно в одиннадцать тридцать. Ещё на ходу помощник режиссёра Андрей выскочил на перрон и побежал к машинисту предупредить, чтобы тот задержал отправку, пока мы не выгрузимся.

И началось: чемоданы с киносъёмочными камерами, два штатива на длинных и один на коротких ножках, кассетники, чемодан с объективами, ящик с химикалиями, три больших ящика с реквизитом; а в них: костюмы, обувь, ружья, капканы, грим, пиротехнические шашки, ножи, топоры, верёвки — не счесть всего, что может понадобиться при киносъёмках.

Наконец 10 000 метров киноплёнки — в семи железных ящиках и шесть чемоданов с нашими личными вещами.

Носильщиков на этой маленькой платформе не было, и поэтому мы все взялись за работу.

Двое подают ящики и чемоданы из тамбура вагона, трое принимают груз на платформе и двое... зря суетятся и только мешают. Это Прасковья Сергеевна, помощник директора нашей киногоруппы, и Джульбарс — огромная овчарка, удивительно похожая на волка — наш актёр и всеобщий любимец. Её, собственно, и называли Джульбарсом в честь знаменитой собаки, которая снималась в главной роли одноимённого приключенческого фильма.

Но вот выгрузка окончена.

Андрей «посемафорил» машинисту, тот помахал нам рукой; поезд отошёл, и мы остались одни.

На платформе возвышалась гора беспорядочно сложенных вещей, из которой, как рога, торчали острые ножки штативов.

Вокруг не было ни единого жилого дома, только вдалеке, почти на горизонте, чуть виднелись крыши деревни Леоновской, однако мальчишки уже были тут как тут.

— Скажите, ребята, — обратился я к ним, — ну, а если бы наша киноэкспедиция приехала, скажем, в пустыню Сахару или на Южный полюс, — вы и там бы уже нас поджидали?

— А как же! — сказали мальчишки.

Всё ли мы выгрузили? Не забыли ли чего-нибудь в поезде? Пётр Михайлович, директор и главный распорядитель нашей экспедиции, уже в третий раз начинает пересчитывать количество мест. Должно быть тридцать два места (так на языке железнодорожников называется каждый отдельно упакованный тюк, чемодан, ящик), а получается то тридцать одно, то тридцать три. Наконец выяснено — в наличии только тридцать одно место.

— Андрей, — взволнованно кричит Пётр Михайлович, — а где же портфель со сценариями, с монтировками, со сметой?

Портфеля нет! Решено с ближайшим поездом послать Прасковью Сергеевну в погоню за портфелем; его, наверное, проводник сдаст на следующей станции. Как вдруг мы видим Джульбарса, который, успев добежать до конца платформы, теперь возвращается обратно. Во рту он держит злополучный портфель. Джульбарс не любит оставаться без дела, когда все остальные работают. Таскать в зубах портфель для него не впервой.

Ну вот, всё в порядке. Теперь надо добираться до зообазы.

Нас не встретили. Мы должны были приехать с утренним поездом, но задержались и приехали с дневным.

Мы знаем — до зообазы километра полтора-два, но куда? В какую сторону?

Выручили мальчишки:

— Дяденьки, давайте мы вас проводим! Вам в звериный питомник?

— Ведите, ребята!

Пётр Михайлович, я и Джульбарс отправились вслед за мальчишками на зообазу. Наши операторы, Андрей и Прасковья Сергеевна, остались на платформе у вещей.

Мы пришлём за ними машину или телегу.

Через двадцать минут мы были уже у питомника, и в награду я предложил нашим проводникам на выбор: конфеты или моток уже снятой киноплёнки, случайно оказавшейся у меня с собой. Конечно, они единогласно выбрали плёнку, — ведь её можно разглядывать, из неё можно сделать щелкунчиков, трещоток... да мало ли что ещё сулил им этот заманчивый моток.

Директора зообазы, Ивана Макарыча Жданова, мы не застали — не дождавшись нас, он зачем-то утром выехал в Москву.

Иван Макарыч будет во время съёмок нашим главным советчиком — консультантом. В прошлом он знаменитый охотник, следопыт и зверолов.

Сегодня на базе нас уже никто не ждал, поэтому не оказалось ни одной свободной грузовой машины, и для перевозки нам дали молодую лошадку Катьку с телегой.

Рассказывали: когда Катька впервые появилась здесь на базе, то первое время, проходя мимо клеток с хищниками, она в ужасе шарахалась от них.

Особенно лошадка боялась проходить мимо клетки барса — Пуша.

Молодой и резвый Пуш сразу заметил, какое впечатление он производит на Катьку, и не упускал случая, чтобы её не пугнуть. Бывало, как только она идёт мимо, он обязательно рыкнет, чтобы посмотреть, как лошадь, а вместе с ней и телега галопом уносятся вдаль. Пробовал озорник и сегодня пугнуть Катьку, но ничего не вышло, — она уже привыкла к его баловству и только повела ушами.

Чтобы перевезти наши тридцать два места, Катьке пришлось сделать два рейса. Шла она неохотно,— видимо, не очень-то любила упряжку, а предпочитала ходить под седлом. Но ничего не поделаешь — работа есть работа.

Джультбарса, чтобы он не перетревожил зверей, мы в обход, леском, отвели в бревенчатый дом на опушке леса. Здесь нам предстоит жить. Я строго-настрого приказал ему никуда не отходить от дома. Он пёс умный и учёный; думаю, что приказ мой будет выполнен.

Не успела Катька обернуться второй раз, как к дому подкатили две наши машины, прямо из Ленинграда.

На автобусе прибыли: совсем ещё молодой, безусый шофёр Коля, только что окончивший шофёрские курсы, и два работника декоративного цеха — пожилой и опытный бригадир плотников, Трофим Афанасьевич, и рабочий на все руки, так называемый «универсал» — Митя. Краснощёкий Митя был незаменимым помощником Трофима Афанасьевича; он всё умел, был расторопен, услужлив и всегда весел. У нас в группе его так и прозвали: «Митя — на все руки».

Сразу же под руководством Петра Михайловича все взялись за выгрузку — прибыло ещё семь «мест», да каких!

Во-первых, аквариум: огромный, в рост человека, на металлическом каркасе, из толстых корабельных стёкол, которые могут выдержать колоссальный напор воды в три — четыре тонны. Его не только что трое приехавших, его и восемь-то человек едва-едва сгрузили.

Затем так называемая операторская тележка и к ней четыре отрезка дутых металлических рельсов. Такие рельсы легко укладываются в любом месте на поле, в лесу и даже через болотные кочки. Во время съёмки один человек может по ним, без особых усилий, толкать тележку вместе с киноаппаратом, оператором и его помощником, если что-нибудь нужно снять в движении — с ходу.

Наконец мы выгружаем холодильник. Он нужен для того, чтобы всегда иметь свежую пищу — приманку для животных.

Лето ожидается жаркое, — мясо и всякое варёво будет быстро портиться; а ведь хорошо «работают» только голодные звери, в ожидании вкусной подкормки.

Холодильник и нам не повредит — как будет приятно в жару освежиться прохладным квасом или даже просто холодной водой!

Ну, а из второй машины выгружать было нечего. Собственно, это даже не машина, а «операторский кран».

Он немного напоминает строительный кран, но меньше по размерам, и на нём высоко вверх поднимают и опускают вниз до самой земли не строительные материалы, а кинооператора с аппаратом и кинорежиссёра.

Если понадобится, то на нём можно делать длинные круговые повороты и осматривать всё вокруг.

Ну вот, наконец, выгрузка окончена. Все в сборе.

Всё распределено по местам — и люди, и оборудование.

Ехавшие всю ночь на машинах Коля, Трофим Афанасьевич и Митя идут отсыпаться.

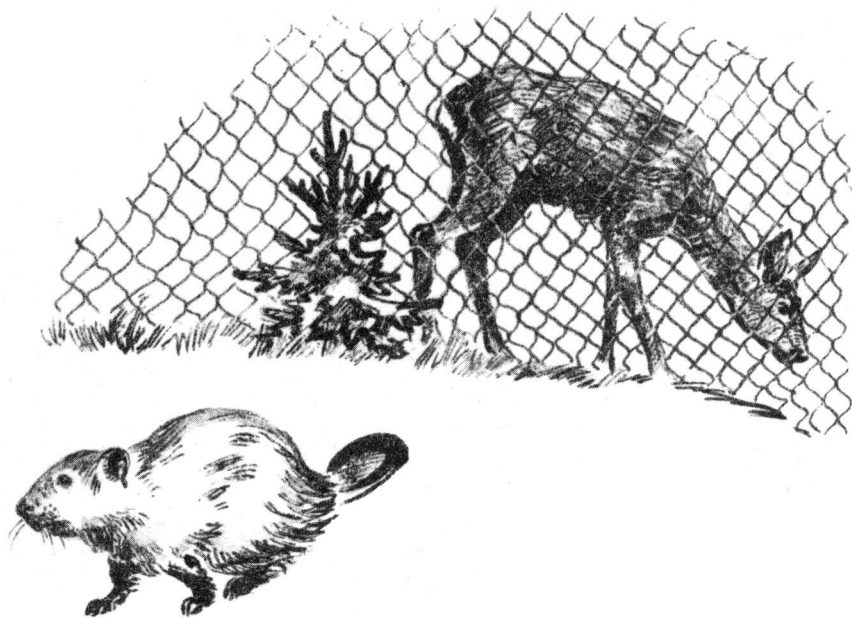
Прасковья Сергеевна осталась хлопотать по хозяйству и позаботиться об ужине. А мы впятером, то есть Пётр Михайлович, Андрей, я и два наших оператора, после небольшого отдыха пошли знакомиться с зообазой и её обитателями. Джульбарса мы, конечно, с собой не взяли.

ГДЕ НАШИ ЗВЕРИ?

Зообаза мало похожа на зоопарк. Здесь всё рассчитано не на зрителей, а для удобства киносъёмок. Звери содержатся в больших вольерах, огороженных решётками и сетками, почти невидимыми за кустарниками и деревьями. Они живут здесь под открытым небом, чувствуют себя как на воле, однако убежать никуда не могут. Сюда приезжают со всех киностудий нашей страны. Здесь выращивают, воспитывают, а иногда даже дрессируют животных — будущих артистов.

Когда приходит время съёмок, то зверей переселяют в другие вольеры, которые строятся в окрестных лесах, полях, болотах, на реках или озёрах.

«Наших» зверей здесь ещё мало, ну а «чужих», то есть предназначенных для других фильмов, — уже порядочно.

Кроме знакомого нам барса Пуша, в клетках и вольерах питомника мы увидели и многих других хищников: рысь и соболя, горностая и ласку, семейство хорьков и семейство лисиц. Смешные маленькие лисята, очень похожие на щенков, выглядывали из норы, грелись на солнышке и дрались из-за куриного крыла. Мелькают меж кустарников силуэты ланей, маралов, изюбров, лосей.

На ручье выстроили небольшую плотину бобры. А вот в стороне, чтобы не пугать других обитателей, в большом вольере — стая волков.

Пора рассказать, зачем мы сюда приехали и что собираемся снимать.

Мы приехали из Ленинградской киностудии снимать фильм — «Сила инстинкта». В нашу задачу входит посмотреть и снять, как ведут себя дикие и домашние животные в самых различных условиях. Нам надо показать, насколько различны инстинкты, скажем, у волка и у его сородича — собаки, у дикого кабана и у его родственника — домашней свиньи.

Рассказывать содержание фильма не стоит, вы его увидите на экране; пока скажу лишь, что нашими главными героями будут самые различные звери и птицы; это, наверное, вы уже и сами поняли.

Надолго ли мы приехали сюда, мы ещё не знаем, — может быть, на всё лето, а может быть, справимся и раньше. Работая со зверьми, никогда нельзя заранее знать, как они будут себя вести, как удадутся съёмки.

Ведь это не люди; им не объяснишь и не прикажешь, поэтому для удачных съёмок требуется много времени, терпения, смекалки и изобретательности.

Простой пример: нам нужно снять, как белка шелушит лапками шишки, готовя себе запасы на зиму; вдруг она чувствует приближение врага и, спасаясь от него, перепрыгивает — перелетает огромное расстояние между двумя деревьями, распушив хвост, который служит ей в воздухе и парашютом и рулём. Кажется, просто? А как это снять?

Пробовали мы целыми днями бродить с аппаратом по лесу, ожидая, когда, наконец, какая-нибудь белка при нас перепрыгнет с ветки на ветку. Однажды такой случай был, но это произошло так неожиданно и быстро, что оператор, конечно, не успел снять.

Нет! На случайности рассчитывать нельзя! Все съёмки нужно заранее подготавливать.

Как же снять прыгающую белку?

Нужно ещё подумать! Я уверен, — нам это удастся.

А как снять каждодневную жизнь и охоту лисицы, волка, медведя в лесу? Жизнь диких уток и цапель в воздухе и на воде? Семейство кабанов на водопое и в диких зарослях тайги?

Надо снять сцены охоты человека на птицу, на оленя, на волка. Да всего и не перечислишь!

Но труднее всего, наверное, будет снимать такие сцены, как бой между волком и кабаном, как нападение волков на отару овец в горах, как смертельная схватка между волком и кавказскими овчарками.

Подловить и подглядеть такие сцены в природе едва ли удастся.

Поэтому придётся их организовывать и подготавливать.

Эти эпизоды мы будем снимать уже в другом месте, — наверное, в горах Северного Кавказа или где-нибудь под Ставрополем.

Как нам всё это удастся?

Посмотрим! И расскажем в этой книжке.

Мы углублялись всё дальше в лес, то здесь, то там останавливаясь у замаскированных вольеров.

— А где же наши звери? — спросил помощник оператора, Лёва, обращаясь к Петру Михайловичу. — Пока что всё «чужие» да «чужие».

— А наши ещё не прибыли, — ответил Пётр Михайлович. — Некоторые из них уже в дороге, но многих охотники и звероловы зооцентра только ещё будут для нас отлавливать.

— Расскажите подробнее, Пётр Михайлович.

— Едут к нам из лосиного заповедника республики Коми в специальном вагоне три лося и лосёнок. На днях должны были отгрузить из Беловежской Пуши семейство кабанов — папу, маму и шесть штук детишек. Думаю, что они скоро придут. Оленей и лисиц можно

подобрать и на зообазе, — их здесь много. Хуже обстоит дело с волками.

— Но волков же здесь тоже много, — перебил Лёва.

— Те волки, которых мы здесь видели, объединены в стаю и специально дрессируются для картины «Человек и зверь»; нам их, конечно, не уступят. Попытки звероловов поймать для нас взрослых волков пока не удались.

Но зато я получил вчера извещение, что в степях Казахстана на днях будет произведено массовое усыпление волков, и нам, в случае удачи, обещали переслать несколько штук.

— То есть, как это «усыпление»?

— Вот как: выследят большую стаю волков да на их пути, на волчьей тропе, и бросят приваду, то есть тушу телёнка или поросёнка, начинённую снотворным порошком.

Как волки ни хитры и ни осторожны, а человек умнее. Чтобы волк не почувал обмана, звероловы работают в специальных сапогах и рукавицах, которые предварительно натирают сосновой хвоей или другими пахучими растениями. Звероловы стараются не оставлять после себя никакого предательского запаха и замечают за собой следы ветками или степными травами.

Голодное зверье рано или поздно клюнет на приманку. Конечно, не сразу. Волк сперва долго будет ходить вокруг привады — высматривать опасность. Бывают случаи, когда волки не трогают приваду, пока не увидят, что её клюют птицы.

Значит, опасности нет! Голод, говорят, не тётка. Пожрут телятинки, да и заснут. А там бери их голыми руками. Проснутся они, наверное, уже в поезде. Маршрут «Казахстан — Леоновское».

— Ловко!

Мы проходили в это время мимо большого пруда. Высокий тростник, рогоз, осока и другие водолюбивые растения густо покрыли берега. Мы присели на брёвнышко и закурили.

— Почти такой же пейзаж и там, в Киргизии, у озера Иссык-Куль, недалеко от границы Китая, — задумчиво

сказал Андрей. — Там живут сейчас недавно вылупившиеся из яиц цапли, предназначенные для наших съёмок. Скоро их отловят и пришлют сюда к нам.

— А ты откуда знаешь? — спросил Лёва.

— По долгу службы.

Андрей мой ассистент, и поэтому он, как будущий режиссёр, конечно, больше Лёвы знает о всех наших подготовках к съёмкам и о животных, которых мы будем снимать. Андрей чуть постарше Лёвы. Он высокого роста, строен и ловок. Вьющиеся белокурые волосы постоянно спадают ему на лоб, и он всё время отбрасывает их назад, встряхивая головой.

А Лёва — ассистент оператора Леонида Матвеевича. Он учится сейчас на втором курсе Государственного института кинематографии. Лёва чуть пониже Андрея, зато плотнее и мускулистее его. Глаза Лёвы всегда чуть прищурены, и потому кажется, что он всё время посмеивается.

Оба они ещё очень молоды. Им ещё нет и по двадцати. Через несколько лет Лёва будет оператором, а когда-нибудь — таким же опытным и знающим, как Леонид Матвеевич. Но до этого ещё далеко!

— Ребята, дело идёт к вечеру, а Лёве ещё нужно зарядить плёнку для завтрашней съёмки. Давайте собираться, — сказал Пётр Михайлович.

Все встали. Подошёл Леонид Матвеевич, и мы пошли домой.

— С чего же мы начнём завтра съёмку, если наши звери ещё не прибыли? — опять задал вопрос Лёва.

— Ну, кое-какая мелочь найдётся и здесь, на базе: змеи, зайцы, белки, дикие утки, лесные грызуны и мелкие птицы. С них можно и начать, — ответил Пётр Михайлович.

— Мы с Леонидом Матвеевичем решили завтра провести съёмку в аквариуме, — сказал я. — Сперва начнём снимать дикую утку, а потом, если успеем, то и белку.

— Белку в аквариуме? Зачем?

— Завтра увидите!

СПОЁМ, МАЛЕНЬКИЕ

Солнце уже опустилось за горизонт.

Закончив свои дела, Лёва, Андрей и Прасковья Сергеевна пошли куда-то погулять, захватив с собой Джульбарса.

Я сижу на крыльце, покуриваю, гоняю комаров, вспоминаю прошедший хлопотливый день и слушаю тишину.

Тихо! Но если сидеть совсем неподвижно, то вскоре ухо начинает улавливать много далёких и близких звуков. Беспрерывно трещит вдалеке кузнечик, трещит настолько однообразно и ритмично, что я уже перестаю его слышать, так же как иногда перестаёшь слышать привычное тиканье комнатных часов.

Прожужжал у самого уха ночной жук, пропел свою басовую арию и замер вдали. Из дальней деревни донёсся приглушённый лай собаки, и опять всё стихло.

Но вот в кустах, у речки, разлился звонкой песней соловей, и все остальные звуки исчезли, пропали. Как хорошо!

Но это чарование длилось недолго, жизнь зоологической базы напомнила о себе зловещим, ухающим криком филина. И соловей замолк. Глупый! Зря испугался. Ведь этот филин заперт в высоком, закрытом сеткой вольере.

И сразу, как бы отвечая филину, с другой стороны раздался лай и подвывание шакалов.

Потом снова тишина. Только кузнечик трещит да слышен тонкий, надоедливый комариный писк. Хорошо бы ещё посидеть, но проклятые комары совсем одолели.

Я уже собирался было встать, как из дома вышли и подсели ко мне Леонид Матвеевич и Пётр Михайлович.

— Борис Александрович, да вас здесь совсем комары заедят! Нате-ка, возьмите! — И заботливый Пётр Михайлович протянул мне флакон. Это была жидкость от укусов комаров с длинным и трудным названием «ди-ме-тил-фто-лат».

Такой же флакон он дал и Леониду Матвеевичу.

— Смажьте себе руки, лицо, шею, — сказал он. — Это

прекрасное средство! В течение трёх — четырёх часов комары будут шарахаться от вас, так же, как вы сейчас от них. Я сделал большие запасы на весь комариный сезон.

Поблагодарив Петра Михайловича, для проверки я сперва смазал жидкостью только левую руку, выставил её на съедение комарам и стал наблюдать.

Действительно, жидкость оказалась чудодейственной: подлетит комар, понюхает и давай бог ноги, — вернее, давай бог крылья. После этого научного опыта мы с Леонидом Матвеевичем густо намазались, радуясь, что ночью теперь будем спать спокойно. Но пойти спать удалось не так-то скоро. В эту ночь состоялось ещё одно знакомство.

Вот как это случилось. Посидев минут пять и послушав песнь соловья, который, ободрившись, вновь защёлкал у ручья, мы уже собрались было по домам, как вдруг услышали волчий вой. Сперва завыл один волк, затем к нему прибавился второй голос, потом третий, а через минуту ночную тишину покрыл разноголосый вой уже целой стаи волков.

Ночью этот концерт звучал довольно жутко. Мы переглянулись. В чём дело? Что там случилось в волчьей стае? Вой то нарастал, то затихал, и вдруг нам показалось, что сквозь заунывные звуки мы различаем женский голос.

Я вскочил.

— Пойдём, товарищи, посмотрим, в чём дело.

И мы быстро пошли, почти побежали по направлению к волчьим вольерам, по дороге прислушиваясь к вою волков и к женскому голосу. Когда мы приблизились к вольеру и остановились в тени деревьев, то увидели странную картину — семь волков сидели полукругом на залитой лунным светом лужайке, а перед ними, одна среди волков, стояла высокая женщина в белом платье.

Здрав голову, волки выли на луну. Вот они начали затихать, умолкая один за другим, и тогда в наступившей тишине снова раздался женский голос, высокий и певучий:

— Споём, маленькие... споём, маленькие... споём... споём...

И при звуках этого напева, чем-то отдалённо напоминавшего по тональности волчий вой, волки снова завyli.

— Чертовщина какая-то, — пробормотал Пётр Михайлович. И действительно, в этой непонятной сцене было что-то фантастическое и страшноватое — семь волков, освещённая лунным светом женская фигура и это заунывное «споем, маленькие, споем, споем!»

Когда мы осторожно подходили к вольеру, волки не слышали наших шагов, заглушаемых их воем. Но вот они затихли и сразу почуяли присутствие людей.

Сперва один, наиболее крупный волк, а за ним и все остальные, очерившись, подскочили к решётке.

Вслед за ними подошла к решётке и женщина.

— Кто там? Вы мешаете нам работать! — крикнула она в темноту.

— Простите, — выступил я вперёд, — жаль, что мы вам помешали, но мы только сегодня приехали из Ленинграда и ещё не освоились с вашими порядками. Услышав вой волков и женский голос, мы поспешили сюда, думая, что, может быть, нужна наша помощь.

Женщина рассмеялась:

— Ну, вы здесь ещё и не такого насмотритесь. Давайте знакомиться. Меня зовут Ольга Антоновна, я дрессировщица волков; это мои питомцы. А вас мы уже давненько поджидаем.

Я представился Ольге Антоновне, познакомил её с моими спутниками, и между металлическими прутьями вольера протянулись руки для рукопожатия.

Всё объяснилось очень просто: Ольга Антоновна дрессирует стаю волков для кинофильма «Человек и зверь». Воспитывать эту стаю она начала уже давно, почти два года назад, когда они родились здесь, в неволе, от волчицы Машки и могучего волка Багира. По ходу действия фильма, волки должны выть. Дождаться, когда они завоют сами, по собственному желанию, конечно, невозможно. Ведь волки, как правило, воют только зимой, в одиночестве, в холодную и голодную лунную ночь; а нужно заставить их выть при людях, при свете прожекторов, во время съёмки.

Вот Ольга Антоновна их и тренирует, вызывая вой своей песнью: «Споём, маленькие, споём, споём!»

Мы проводили Ольгу Антоновну и расстались с ней друзьями.

Домой пришли поздно, в 12 часов ночи.

Прасковья Сергеевна, Андрей и Лёва уже спали. На крыльце нас радостно встретил Джульбарс. Надо скорее ложиться и нам. Завтра рано вставать. Завтра первый съёмочный день.

И ПРОСТОЕ БЫВАЕТ СЛОЖНЫМ

Казалось бы, всё очень хорошо, но... в воздухе опять неподвижно повисли крупные капли воды!

В глазок аппарата виден красивый пейзаж: чуть поблёскивает на солнце водная гладь лесного озера, плавают листья кувшинок, на лёгком ветерке колышутся тростники. Между тростниками проплывает дикая утка, как вёслами загребая воду переночными лапами.

Всё очень хорошо, но... в воздухе опять повисли крупные капли! Снимать нельзя!

Так неудачно началась съёмка первого кадра.

В чём же дело? Что это за капли?

Первый день мы решили начать с наиболее лёгких и простых съёмок.

Снять плавающую на озере дику утку — казалось делом несложным, — нужно только хорошо подготовиться.

И вот, ранним утром, Трофим Афанасьевич с бригадой рабочих передвинул на катках прибывший вчера аквариум к берегу озера.

Здесь они подняли и установили аквариум на козлы так, чтобы сквозь его стёкла в аппарат хорошо были бы видны и озеро, и дальний лес, и небо. Насосом аквариум до половины наполнили водой.

За это время Андрей и Лёва нарвали в озере различные водоросли и тростники, конечно, не упустив случая попутно искупаться.

Когда в аквариуме выросли тростники и лёгкие подвижные водоросли, Трофим Афанасьевич выпустил туда утку и сверху прикрыл сеткой, чтобы она не улетела.

Может возникнуть вопрос: почему утку не снимали в настоящем озере? Зачем такая сложная подготовка?

Во-первых, на воле снять дику утку очень трудно — она не подпустила бы к себе близко и сразу улетела бы.

А во-вторых, в аквариуме можно хорошо разглядеть всё, что находится и на поверхности воды, и под водой — стоит только поставить аппарат чуть-чуть пониже уровня «озера».

Казалось бы, подготовка окончена, но тут произошла первая неприятность — Леонид Матвеевич неожиданно заявил:

— Всё очень хорошо, но снимать нельзя — вода мутная!

— Что же вы, дорогой мой, сразу об этом не подумали, — возмутился я. — Ведь этак мы потеряем ещё добрых полтора — два часа!

— Я надеялся, что муть осядет на дно, но вот прошло уже больше часа, а сквозь воду по-прежнему плохо видно. Нужно сменить воду и взять её не из этого озера, а из чистого ручья.

Ничего не поделаешь! Сачком поймали в аквариуме утку и пересадили в корзину.

Пока Пётр Михайлович добывал пожарные рукава длиной в двести метров, чтобы дотянуть их до ближайшего ручья, пока перетаскивали насос, пока выпускали из аквариума озёрную воду и накачивали ключевую, — прошло полтора часа.

Солнце поднималось всё выше, становилось жарко.

Снова в аквариум выпустили утку и снова приготовились снимать. Леонид Матвеевич в последний раз тщательно наводит на фокус.

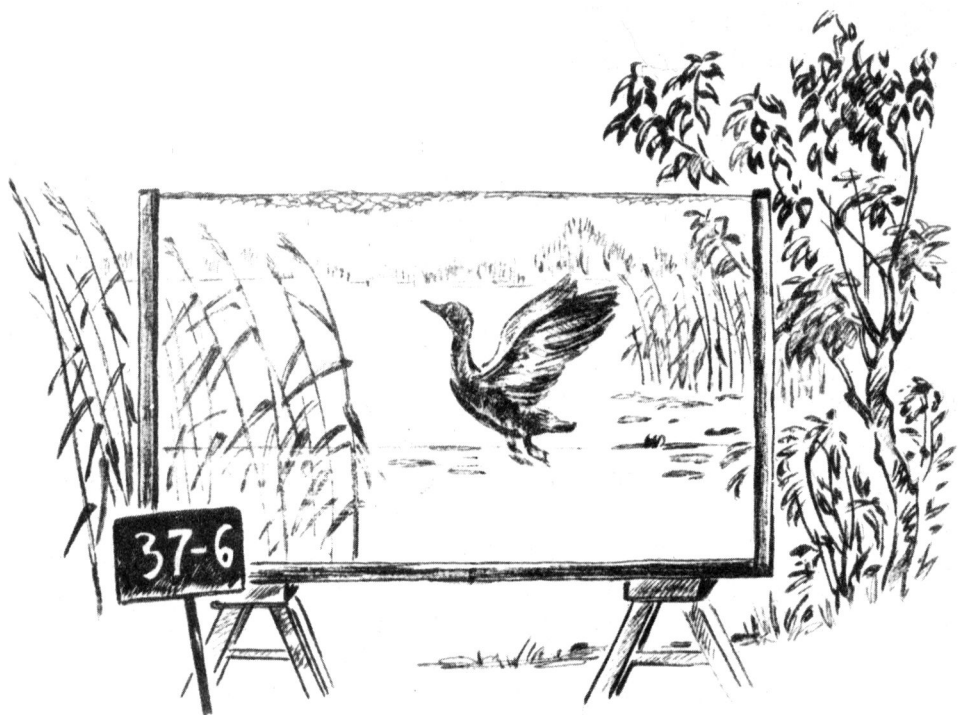
— Вы готовы? — спрашиваю я.

— Одну секунду, — отвечает он. — Андрей, номер.

Андрей пишет мелом на чёрной грифельной доске номер 37-1 и ставит его перед объективом камеры.

Леонид Матвеевич включает на секунду мотор и снимает номер. Перед съёмкой любого кадра обязательно надо снимать номер, тот самый номер, под которым этот кадр записан в сценарии. В дальнейшем эти номера очень облегчат работу по монтажу фильма, работу по подбору и склейке многих сотен снятых кадров, из которых складывается фильм.

Ведь картина снимается не в том порядке, в каком вы увидите её на экране, а вразброд — в зависимости от того, как удобнее и быстрее. В один день могут сниматься кадры и из середины фильма, и из конца, и из начала.

Мы начали с номера 37!

— Готов! — говорит Леонид Матвеевич.

Я слежу за уткой и ловлю момент, когда она подплывает к передней стенке аквариума. Вот утка проплывает совсем близко от аппарата. Я уже хочу дать команду: «Мотор!» — как вдруг утка делает попытку взлететь и взмахом крыльев забрызгивает стенки аквариума.

Вот тогда-то в воздухе и повисли крупные капли воды! Это капли, осевшие на стеклянных, невидимых стенках аквариума.

— Будь ты неладна! — сердится Трофим Афанасьевич и по маленькой лестнице, приставленной к аквариуму, взбирается наверх. Приподняв сетку, он тряпкой стирает капли со стенок. С другой стороны аквариума то же самое проделывает Андрей.

Так начались неудачи первого дня съёмки, — только мы успеваем приготовиться, как утка опять взлетает и забрызгивает стенки!

Несколько раз мы даже уже начинали снимать, но... не успевали окончить, — утка забрызгивала аквариум! Совершенно непредвиденное затруднение!

Раз за разом, опять и опять повторяется всё сначала.

— Андрей, номер! — и Андрей снова и снова ставит номера: № 37-2; № 37-3; № 37-4; № 37-5...

— Нет, так работать нельзя! Только плёнку зря переводим, — с досадой говорю я. — Давайте сделаем перерыв!

Солнце припекало всё сильнее.

Тем временем утка ещё несколько раз пыталась взлететь, но, наконец, видимо, поняла, что это безнадежно, и уgomонилась.

Через полчаса начали снова:

— Приготовились!

— Готов!

— Мотор!

На этот раз, кажется, всё идёт хорошо — утка не пытается взлететь.

Леонид Матвеевич следит в аппарат, медленно поднимая объектив из-под воды — наверх, на утку. Вот в кадре появляется уже весь пейзаж озера, как вдруг... (действительно — будь она неладна)... утке вздумалось нырнуть! Всплеск воды — и... в воздухе опять повисли неподвижные крупные капли!

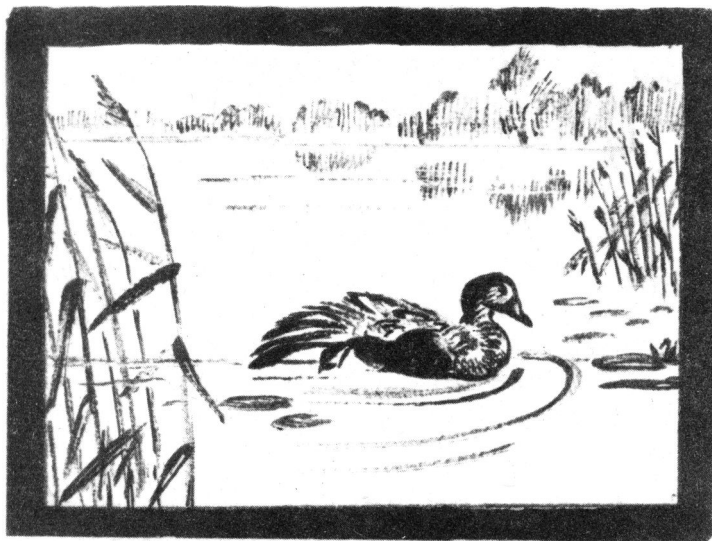
Фу ты, пропасть!

Но всё на свете имеет свой конец; пришёл конец и нашим неудачам с уткой.

Мы уже были близки к отчаянию, когда Андрей поставил на доске очередной номер — № 37-13; это означало, что мы начинаем снимать уже в тринадцатый раз. Однако, вопреки всем приметам, № 37-13 оказался для нас счастливым номером.

Утка не взлетала и не ныряла, она проплыла так, как это было нужно, и наконец-то я мог скомандовать: «Стоп! Кончили съёмку!» Леонид Матвеевич облегчённо вздохнул. И было от чего!

— Лёва! Сколько метров сняли? — спрашиваю я.
— Пятьдесят семь, Борис Александрович!
— Ой-ё-ёй! А в картину войдёт всего только пять.
Так был снят первый кадр нашего фильма.

— Поздравляю с удачным началом, — и Пётр Михайлович протянул мне руку.

— Какая же это удача — провозиться с одним кадром добрых пять часов? С такой удачей далеко не уедешь.

— Ничего, всё идёт правильно, по пословице: «Лиха беда — начало». Дальше пойдёт легче.

НЕБЛАГОДАРНЫЙ ПУСЕНЬКА

Но нашим неудачам ещё не суждено было кончиться.
На этот раз уже по моей вине.

После маленького отдыха начали готовить аквариум для съёмки белок. Помните, Лёва спрашивал: «Белок в аквариуме? Зачем?»

Да! В аквариуме, и всё по той же причине — чтоб белки никуда не удрали. . . Пока рабочие выпускали из аквариума воду, мыли и протирали стёкла, я задумался: как сделать, чтобы белки к моменту съёмки сидели на суку, а не бегали бы по дну аквариума?

— Стойте! Не спускайте всю воду!

Кран закрыли, и на дне аквариума осталась вода глубиной примерно в пять сантиметров.

— Хорошая мысль,—подтвердил Леонид Матвеевич.— Теперь наши белки волей-неволей будут сидеть на суку!

Поменяли «декорацию». К задней стороне аквариума подставили несколько сосенок, а внутрь его поместили большой, увешанный шишками развилстый сук сосны. Для лучшей приманки, под чешуйки шишек запахали ещё кусочки кедровых орешков.

Когда всё было готово, Трофим Афанасьевич надел брезентовые рукавицы, вынул из клетки двух пушистых белочек и выпустил их на сук в аквариуме.

Без рукавиц нельзя — у белки острые, как иголки, мелкие зубы; их укус очень болезнен.

Белки, конечно, не сразу принялись за шишки. Они должны были сперва осмотреться и привыкнуть к новой обстановке, а главное — они не были достаточно голодны: я забыл предупредить Андрея, чтобы их со вчерашнего дня не кормили.

Но зато мы-то были уже порядком голодны; два часа дня — время обедать! Не успел я об этом подумать, как послышался шум приближающегося автобуса — это Прасковья Сергеевна привезла нам обед. И вовремя!

Будем обедать! А белки пусть попривыкнут к аквариуму и, может быть, тоже немного проголодаются. Шофёр Коля и «Митя — на все руки» помогли выгрузить обеденное оборудование: судки, бидоны, тарелки, стаканы. . . Устроились тут же на лужайке, в тени двух кудрявых дубков, «накрыв стол» на листе фанеры.

Пока мы обедали, Прасковья Сергеевна пошла к аквариуму полюбоваться на белок. Она очень любит животных; вокруг неё постоянно вьются всякие собаки и кошки,

которых она подкармливает и ласкает, «цацкается» с ними, как говорят Андрей и Лёва, подсмеиваясь над ней.

Вот и сейчас со стороны аквариума раздался её голос:

— Ох вы мои лапушки! Ох вы мой пусеньки! Мои дорогие! Так бы и расцеловала!

— Интересно,— сказал Лёва,— а когда придут наши лапушки-кабаны, Паша и с ними будет целоваться?

В эту минуту раздался испуганный крик Прасковьи Сергеевны:

— Скорей, скорей, они тонут!

Мы вскочили и бросились к аквариуму.

Оказывается, Прасковья Сергеевна, поднявшись на лесенку, приподняла сетку и попыталась погладить «лапушек».

Потревоженные белки, забыв, что внизу вода, одна за другой попрыгали с сука и теперь барахтались в воде.

Утонуть, конечно, они не могли — было очень мелко, но сразу намокли и от их пушистости не осталось и следа.

Трофим Афанасьевич сачком выловил из воды обоих зверьков и осторожно вытряхнул их на лист фанеры.

Несмотря на жаркий день, белочки дрожали и чихали.

За ними тянулись мокрые крысиные хвосты.

Нужно было видеть в эту минуту расстроенную Пашеньку. По её курносому и краснощёкому лицу катились слёзы:

— Маленькие мои, пусеньки,— шептала она и закутывала в вату дрожащих, облезлых белок.

Конечно, Прасковья Сергеевна не надела защитных рукавиц и тут же была наказана за свою неосмотрительность.

— Ой! — вдруг вскрикнула она и отдёрнула руку: одна из белок укусила её за палец.

— Какой неблагодарный пусенька! — вскричал Лёва, вынимая из чемодана походную аптечку. Палец забинтовали, и теперь белками занялся уже Андрей. Он посадил их в клетку, выставил на солнце и заслонил фанерой от ветра.

Зачем я оставил в аквариуме воду? Вот тебе и хорошая мысль?! Удастся ли сегодня продолжить съёмку? Пожалуй, нет! Нужно дать белкам обсохнуть и согреться, а то ещё простудятся. Лучше продолжить съёмку завтра, а сегодня их не надо кормить, чтобы, проголодавшись, они завтра сразу принялись за шишки.

Так мы столкнулись с важным правилом — к моменту съёмки зверь должен быть голоден! Только пищевой приманкой можно заставить животное делать то, что нам нужно.

А впереди ведь ещё самое трудное — как заставить белку перепрыгнуть с одного дерева на другое в заранее выбранном месте? Мои размышления прервало гудение машины.

К месту съёмки подъехал на газике Иван Макарович.

НЕКОМПЛЕКТНЫЕ КАБАНЫ

Иван Макарович — человек среднего роста, сухощавый и очень мускулистый. Ему около пятидесяти лет, но на вид никак не больше тридцати пяти — сорока.

С юношеских лет жизнь его полна приключений и происшествий, о которых можно было бы рассказать много интересного.

Отец Ивана Макаровича, известный путешественник и естествоиспытатель, рано овдовев, взял с собой двенадцатилетнего Ваню в длительное путешествие по странам Азии. Где они только не побывали!

За годы странствий Ивану пришлось кочевать по степям и пустыням, пересекать высокие горные хребты, углубляться в трудно проходимую тайгу.

От проводников и охотников он перенимал тайны их профессий: искусство разводить костры, строить шалаши и другие убежища, ориентироваться в степях и в тайге, познал секреты выслеживания и ловли зверей. К шестнадцати годам он мог уже поспорить с опытным охотником-следопытом.

Во время долгих странствий отец следил за воспитанием сына и, несмотря на трудности кочевой жизни, обучал его всем школьным наукам.

Несколько запоздало, уже после революции, начались для Ивана годы регулярного учения в школе и в университете. Сибирь, Дальний Восток, нехоженые тропы тайги продолжали неудержимо притягивать к себе; и, едва закончив курс, молодой зоолог снова отправляется в дальнюю поездку. Возобновились годы странствий и путешествий.

К тридцати годам Иван Макарович становится опытным зоологом-исследователем и известным звероловом.

Неоднократно ему предлагают работать в научных институтах, но он не соглашается, предпочитая свободно бродить по просторам нашей страны. Жданов никогда не расставался с фотоаппаратом, а за последние годы увлёкся и киносъёмкой.

Оно и понятно, — ведь охота с кинокамерой не менее интересна, чем охота с ружьём. Подчас даже увлекательнее.

Постоянная связь Ивана Макаровича с киноработой началась с того момента, когда однажды ему предложили сопровождать киногруппу в Уссурийском крае. В тайге он должен был вывести группу кинооператоров на тигриный след. Не только подвести к тиграм, но и охранять операторов во время съёмки — такова была его задача.

С этой задачей он прекрасно справился. Когда операторы вышли к тигриному логову, в котором находилась тигрица с тигрятами, один из них, увлёкшись съёмкой, несмотря на предупреждение Жданова, подкрался к тиграм слишком близко. Тигры обыкновенно уходят от людей, но если у них тигрята, то они становятся опасными.

Тигрица, охраняя тигрят, бросилась на неосторожного оператора — она сделала огромный прыжок, но в ту же секунду раздался выстрел Ивана Макаровича, и огромная полосатая кошка перевернулась в воздухе.

Пуля попала ей под левую лопатку.

После этого случая Жданова стали часто приглашать на киносъёмки и как зверолова, и как консультанта.

Это и привело его, в конце концов, к должности директора кинозообазы. . .

— Здравствуйте, дорогие друзья! С приездом! — выскакивая из газика, приветствовал нас Иван Макарович.

— Вы уже за работой? Молодцы!

Мы радостно встретили его и тут же рассказали о сегодняшних трудностях и неудачах.

— Слава богу — первый кадр снят, а дальше должно пойти легче! — Он почти повторил слова Петра Михайловича.

— Вы ещё не раз убедитесь, как часто простые вещи при работе с животными оказываются сложными. И, наоборот, то, что вам кажется сложным и трудным, на самом деле может оказаться очень простым. Давайте присядем — хочу вам кое-что рассказать о своей поездке в Москву.

Мы снова уселись за «обеденный стол» и наперебой угощали Ивана Макаровича вкуснейшей жареной картошкой, шпиком, свежим хлебом и парным молоком.

— Знаете, зачем я вчера выехал в Москву, не дождав-шись вас? Я ведь ездил туда по вашим же делам. Мне позвонили из зооцентра и сообщили, что в адрес базы прибыли из Беловежской Пущи кабаны. Когда я узнал, какие кабаны и сколько, то заподозрил что-то неладное и спешно выехал в Москву. Так оно и оказалось — кабаны-то ведь некомплектные!

— Как это — некомплектные? Что это значит? — спросил я.

— Некомплектные! Не из одного, значит, семейства, а сборные: взрослый кабан, пять кабанят от другого отца, а вместо кабанихи матери — подросток-кабанёнок.

— Вот те и фунт с изюмом! — возмутился Пётр Михайлович. — Ведь это же безобразие! Заказ был дан совершенно точно на семейство кабанов, а не на сборную команду. Как же их снимать? Ведь кабан задерёт и подраста и чужих поросят. Нет, я буду протестовать; пусть зооцентр точно выполняет свои обязательства!

— Протестовать-то протестовать, — а сниматься надо уже в ближайшее время, пока кабанята ещё полосатые. Пока будут добывать новое семейство, — пройдут все сроки, — заметил я.

Нужно сказать, что после рождения кабанята некоторое время имеют продольные полосы на шерсти. Полосатость делает их почти невидимыми в густых зарослях, и это часто спасает их, таких беззащитных, маленьких и неопытных, от хищников. Нам нужны были кабанята обязательно с такой полосатой защитной окраской шерсти.

— Что-нибудь выдумаем, — ответил Иван Макарович. — В крайнем случае, объединим привезённого кабана с кабанихой, которая есть у меня на базе. А потом попробуем подсунуть им приёмышей-кабанят. Я не теряю надежды, что удастся снять всё задуманное.

— Как же это всё-таки случилось с кабанями? — спросил я.

— Вот что рассказали мне в зооцентре. В заповеднике были намечены для нас кабан и кабаниха. Кабаниха весной должна была опороситься, после чего их собирались отловить и отправить сюда. Однако незадолго до этого парочка исчезла из заповедных мест, — объездчики потеряли их след.

Вскоре на территории одного пограничного с Польшей колхоза, примерно в пятидесяти километрах от заповедника, произошёл следующий случай. Один из колхозников вечером возвращался с охоты домой. Когда он вышел на опушку дубового леса и вдали уже показались силосная башня и крыши колхозных построек, из-под стога сена вдруг выскочила кабаниха. Низко опустив голову и издавая грозное хрюканье, кабаниха бросилась на охотника.

Огромная чёрная туша со свисающими клочьями прошлогодней шерсти была от него уже в нескольких шагах. В последний момент растерявшийся колхозник бросил ружьё, ухватился за сук дуба и быстро подтянулся на дерево. Хорошо ещё, что дело происходило на опушке

леса. Колхозник был в безопасности, но разъярённый зверь не уходил.

Часа два продолжалась осада, пока, наконец, кабаниха не отправилась обратно к стогу сена: из-под стога доносилось требовательное похрюкивание кабанят.

Улучив момент, колхозник соскочил с дерева, успел схватить ружьё, но тут же снова должен был забраться на сук, так как кабаниха опять бросилась на него. Просидев на дереве ещё часа полтора и убедившись, что помощи ждать неоткуда, колхозник зарядил ружьё медвежьими патронами, которые, к счастью, случайно оказались у него с собой (ведь шёл-то он охотиться на лисицу).

Двумя выстрелами охотник покончил с кабанихой, соскочил с дерева и обнаружил под стогом восемь поросят. Колхозники забрали поросят и вместе с тушей кабанихи сдали их в управление заповедником. Пять из этих кабанят заповедник выслал нам, так как другого семейства кабанов наготове не было. Кабан-папа куда-то бесследно исчез; поэтому нам и выслали случайных кабанов, которых удалось поймать вместо ранее намеченного семейства. Хорошо ещё, что мы получили самое для нас важное — полосатых кабанчиков. — Так закончил свой рассказ Иван Макарович.

— Ну, а теперь, поскольку ваши белки всё ещё похожи на мокрых крыс, поедemте-ка искать место, где мы будем строить вольеры для съёмки кабанов!

КАБАНЫ ВОЛЬЕРЫ

Отъехав от базы на несколько километров, мы часа три бродили по лесу и по берегам реки Клязьмы, выискивая места, удобные для съёмок и для постройки вольеров.

С помощью Жданова, который отлично знает все окрестности, мы довольно быстро нашли оба места: и для эпизода — «кабаны на водопое», и для эпизода «бой кабана с волком».

Бой кабана с волком будет происходить в дубовом лесу. Площадка, которую мы выбрали для этой съёмки, очень удобна: семейство кабанов и нападающий на них волк будут хорошо видны между редкими деревьями лесной поляны, и в то же время решётки вольера можно легко замаскировать в густых зарослях дикой малины и орешника.

Трофим Афанасьевич и Митя вбили колышки в тех местах, где решётка вольера должна изгибаться, следуя за естественными изгибами кустарника.

Завтра бригада рабочих приступит здесь к постройке вольера.

Тут же недалеко, примерно на расстоянии километра, мы нашли прекрасное место для водопоя кабанов. Густые заросли леса почти подступают к самой воде и кончаются звериной тропой, которая ведёт к пологому илистому берегу.

— Тут и грязи, сколько хочешь, — сказал Иван Макарович. — Есть, где кабанам заняться своим туалетом; ну, а густой тростник отлично будет маскировать полосатых кабанят.

Отметили колышками в лесу и по берегу, где нужно будет устанавливать решётки вольера.

— Ну, а что, если кабанам вздумается переплыть реку? Ведь их не остановишь — уплывут — и поминай как звали! — обратился я к Жданову. — Хорошо, если бы это было дружное семейство, — не бросили бы тогда родители своих кабанят, а тут ведь играть будет «сборная» Бело-вежской Пущи.

— Что-нибудь придумаем, — как всегда уверенно, ответил Иван Макарович.

Солнце уже стояло низко над лесом.

Устав после хлопотливого дня и долгих блужданий, мы расположились отдохнуть на лужайке у берега.

Ни ветерка, ни шелеста листьев, только дятел настойчиво стучит на соседней сосне.

И сразу же налетели комары; казалось, они только и ждали, когда мы присядем.

— Пётр Михайлович, — спросил я, — есть у вас с собой этот, как его, ди-ме-тил. . .

— Есть, есть! Только я вам советую: будьте впредь осмотрительнее и всегда носите его с собой.

Все намазались жидкостью, и сразу стало спокойнее — комары отступили. Один только Иван Макарович не стал мазаться, — то ли он привык к комарам, то ли просто был невкусным, как предположил Андрей.

— Вот что! — сказал после некоторого раздумья Иван Макарович. — В реке надо будет установить невидимое для аппарата препятствие. — И он пояснил нам свою мысль. — Окружив решёткой часть леса и берега, её надо будет продолжить по мелководью, скрыв за высокими прибрежными тростниками. Однако вид на середину реки должен остаться совершенно открытым, иначе нельзя будет снимать ни с берега на реку, ни с плота на берег — решётка будет видна.

На этой открытой части реки нужно уложить под водой решётки в лежащем положении, укрепив их на сваях. От верхней части решёток мы протянем к берегу канаты, наматывающиеся на барабан.

Если кабаны попробуют переплыть реку, то, быстро вращая барабан, мы натянем канаты и поднимем лежащую под водой решётку. Перед кабанами вырастет неожиданное препятствие.

Если же кабаны не будут пытаться переплывать реку, то решётки так и останутся лежать под водой; ну что ж, — значит, труд наш был напрасен. Ничего не поделаешь! Меры предосторожности необходимы, — ведь в нескольких километрах отсюда находится пионерлагерь.

Предложение Ивана Макаровича всем понравилось, только Пётр Михайлович немного поморщился — уж больно хлопотно и дорого!

Над рекой потянулся тонкий, призрачный слой тумана.

Желтовато-розовые блики играли на воде и мягкими тонами окрашивали лица. Настал час недолгого вечернего затишья перед наступающим ночным концертом.

Тихо.

Только по-прежнему настойчиво и упорно долбит кору дятел. Он спустился ниже и хорошо виден сейчас на ближайшей сосне.

Лёва успел уже вздремнуть. Проснувшись, он огляделся сонными глазами, взглянул на дятла и насмешился нас:

— Наверное, у этого дятла скоро будет сотрясение мозга!

Мы поднялись и пошли к поджидавшей нас машине. Когда выбрались из леса и вышли на лужайку, нас оставил Леонид Матвеевич.

— Стойте! Кажется, мне пришла идея! Здесь мы сможем снять, как белка перепрыгивает с дерева на дерево!

В середине лужайки возвышалась одинокая сосна.

— Да ведь для такого прыжка нужно хотя бы два дерева, а здесь только одно! — сказал Андрей.

— Вот это-то и хорошо, что одно!

По дороге домой Леонид Матвеевич рассказал нам, что он задумал; мы одобрили.

Жёлто-розовый шар солнца опускался за безоблачный горизонт — завтра опять будет хороший день!

А СЛОЖНОЕ ОКАЗЫВАЕТСЯ ПРОСТЫМ

На следующий день с утра мы начали съёмку на озере. Впустили в сухой аквариум проголодавшуюся белку, и она сразу же взобралась на сук.

— Андрей, номер!

Андрей пишет № 42-1, и других номеров на этот раз ему писать не понадобилось.

Через десять минут белка уже вовсю шелушила шишки и мы начали снимать.

В нужную минуту я напугал её, громко хлопнув по стенке аквариума ладонью, и испуганная белка выскочила из поля зрения аппарата. Как она перепрыгивает

на соседнее дерево, мы будем снимать сейчас на той самой лужайке, которую вчера облюбовал Леонид Матвеевич.

Лёва, с помощью рабочих, стал грузить аппаратуру в наш автобус.

Наш маленький автобус УАЗ очень удобен для перевозки людей и аппаратов. Он легко проходит по просёлочным дорогам, по рытвинам и кочкам полей и лесов, так как его кузов поднят на высоком шасси и с одинаковым успехом тянут и передние, и задние колёса. Коля хорошо им управляет и ловко пробирается между деревьями и кустарниками леса.

К десяти часам автобус подъехал к поляне с одинокой сосной. Здесь уже с раннего утра кипела работа. Ещё вчера вечером Трофим Афанасьевич и Митя получили от главного оператора точные указания, что надо сделать.

На расстоянии примерно пяти метров от сосны они построили восьмиметровое сооружение из брёвен и досок. К площадке этой вышки был прибит толстый сосновый сук, который свешивался в сторону одинокого дерева.

Аппараты установили вниз, на земле, так, чтобы хорошо можно было видеть конец прибитого сука и стоящую невдалеке сосну. Вышка, конечно, в кадр не попадала. Создавалось впечатление, что рядом с этой одинокой сосной растёт ещё и другая.

Трофим Афанасьевич поднялся по лесенке на вышку и поставил клетку с белкой на толстый конец сука, дверкой по направлению к сосне. В аппарат ни его, ни клетки тоже не было видно.

Расчёт был прост: если открыть дверцу, то белка выскочит на сук и у неё будет только одна дорога — вперёд по суку, по направлению к сосне.

Прыгнуть вниз на землю она не сможет — слишком высоко, назад тоже нельзя — там стоит человек, а впереди свобода — стоит только перепрыгнуть на сосну.

На своём газике приехал посмотреть, как пройдёт съёмка, Иван Макарович и с ним, освободившаяся от хозяйственных хлопот, Прасковья Сергеевна.

— Я советую приготовить сачки и окружить сосну. Вдруг при первом прыжке у вас что-нибудь не получится и понадобится повторить съёмку. На всякий случай белку нужно будет поймать! — сказал Иван Макарович.

— Но у нас ведь есть запасная белка.

— Всё равно! Ещё не известно, какая из них будет лучше прыгать.

Ивана Макаровича горячо поддержала Прасковья Сергеевна, которой я обещал подарить любую из белок, если они не убегут во время съёмки.

— Конечно, нужно ловить! — вскричала она.

Приготовились снимать.

Операторы за камерами, Трофим Афанасьевич на вышке, Митя притаился на верхушке сосны, чтобы после прыжка согнать белку вниз; я, как всегда, сзади операторов, остальные внизу под сосной с сачками в руках.

По моему сигналу Трофим Афанасьевич открыл клетку. Завертелись аппараты. Белка пробежала по суку, добежала до тонких веточек, посутилась, поглядела на сосну, но прыгнуть не решилась — расстояние показалось слишком большим.

— Стоп! Не вышло! — Не успел я сказать, чтобы белку заманили обратно, как она бросилась по суку назад и сама вскочила в клетку. Иван Макарович был прав — эту трусиху надо заменить другой белкой.

Вторая белка оказалась более решительной. Когда начали снимать и открыли дверцу клетки, — она быстро пробежала по суку, на секунду остановилась, прицелилась и, распушив хвост, прыгнула на одну из нижних веток сосны. На фоне неба было отлично видно, как её пышный хвост изгибается во время полёта, исполняя одновременно роль руля и парашюта.

Я уже радовался, что всё прошло так удачно, как вдруг услышал смущённый шёпот Лёвы:

— Борис Александрович! Плёнка кончилась.

— Когда, Лёва? В какой момент?

— Как раз во время прыжка.

Надо сказать, что из всех неполадок, недосмотров и неудач меня всегда больше всего огорчает и раздражает, когда в самый неожиданный и, как правило, почему-то в самый ответственный момент кончается в аппарате плёнка.

— Лёва! Сколько раз я вас просил предупреждать меня, когда в аппарате остаётся мало плёнки. Это безобразие!

Лёва молча, виновато начал перезаряжать аппарат.

Правда, Леонид Матвеевич своим аппаратом удачно снял всю сцену прыжка, но мне обязательно нужно было иметь также и Лёвин кадр.

Лёва снимал белку очень крупно, а Леонид Матвеевич снимал всю сцену общим планом. Мне нужно было и то, и другое.

За это время уже всю развернулась охота на белку. Митя с верхушки сосны постепенно спускался вниз, пугал белку и заставлял её тоже спускаться всё ниже и ниже.

А внизу ждали её с сачками.

Больше всех суежилась и всем мешала Прасковья Сергеевна, — она считала, что эта белка уже принадлежит ей.

Спустившись на нижнюю ветку сосны и видя, что ей уже некуда больше деться, белка неожиданно сделала гигантский прыжок, далеко перепрыгнув стороживших её внизу охотников. Очутившись на земле, она быстро побежала к лесу. Охотники с сачками бросились за ней в погоню.

Впереди всех бежала Прасковья Сергеевна с криком: «Пусенька! Пусенька!» — но Пусенька уже достигла леса,

молниеносно взобралась на ближайшее дерево и скрылась в листе.

— А Пусеньку, как говорится, «Митькой звали»! — ехидно сказал Лёва.

Я сердито обернулся на него. Шутка мне показалась неуместной, особенно со стороны Лёвы, по вине которого мы не сняли прыжок белки крупно. Одна белка отказалась прыгать, а вторую мы упустили, — нашёл чему радоваться!

Но Лёва улыбался во весь рот и был подозрительно весел. В руках он держал лёгкую ручную камеру «Конвас».

— Всё в порядке, Борис Александрович! — бодро отрапортовал он. — Прыжок крупным планом снят!

Оказывается, Лёва, увидев, что белка спускается всё ниже, схватил ручную камеру, подбежал к сосне и с рук, без штатива, успел снять момент, когда белка совершала свой головокружительный прыжок через охотников.

Так Лёва искупил свою вину!

— Молодец, — похвалил я его, — из вас выйдет толк!

Довольны были все: и мы, и убежавшая белка.

Огорчена была только Прасковья Сергеевна, — убежала именно та белка, которая ей больше нравилась.

Но и Пашенька утешилась вскоре после того, как ей была торжественно вручена клетка с уцелевшей Пусенькой.

КРИК ПЕТУХА

Время мчится быстро; вот уже две недели как мы здесь работаем и много успели снять.

Всё шло удивительно гладко, и потому я расскажу вам только про один случай, когда мы стали в тупик и уже почти потеряли надежду на успех съёмки.

Согласитесь: когда ничего не случается, то и рассказывать нечего; ну что тут интересного — поставили аппарат, подождали, когда зверь или птица «сыграют» то, что нам нужно, сложили аппарат и ушли домой.

А вот когда что-нибудь не ладится, когда сталкиваешься с неожиданными препятствиями, вот тогда-то становится и интересно работать, и есть о чём рассказать.

Случай, о котором сейчас пойдёт речь, прекрасно иллюстрирует поговорку: «Ум хорошо, а два лучше» — и раскрывает черты находчивости и смекалки простого русского человека.

Нам нужно было снять, как ранним утром на забор вскакивает петух и кричит: «Ку-ка-ре-ку».

Для этой съёмки мы выбрали один из двориков в деревне Леоновское.

Казалось бы, очень просто, даже проще, чем заставить белку перепрыгнуть с ветки на ветку. Подумаешь! .. Крик петуха!

Прежде всего нужно было заставить вскочить петуха на забор. И не где-нибудь, где он захочет, а в заранее выбранном, в определённом месте, на которое мы нацелились киноаппаратом. Настроили аппарат. По другую сторону дощатого забора выпустили петуха. Петух ходит себе, поклёвывает, а на забор — никакого внимания.

Нельзя же сидеть днями и ждать, когда петух сам захочет взлететь на забор. Пробовали заманивать петуха: «Петя, Петя... цып, цып, цып...» — никакого внимания.

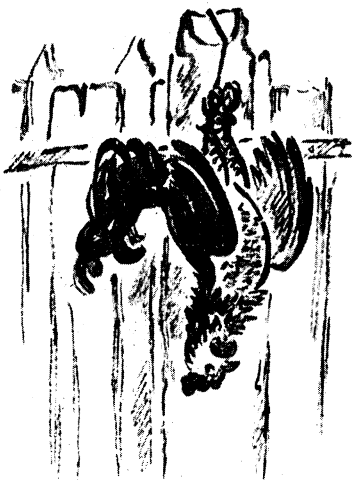
Андрей догадался: так же как и белку, петуха нужно денёк не кормить, и тогда, если на забор насыпать крупы, он сразу взлетит. Съёмку отложили на следующий день.

С утра снова начали. Настроились.

Принесли голодного петуха. Насыпали на перекладину забора крупы (так, чтобы это видел петух) и снова заманивали его: «Петя, Петя, Петя... цып, цып, цып...»

Петух смотрит косым взглядом, а на забор не летит. Промучались с ним целый день. Взлёт на забор не получается!

Подумали, подумали и решили снимать петуха уже сидящим на заборе. Поймали. Посадили в нужном месте на забор.

Но не тут-то было: не хочет сидеть — сразу слетает вниз. Кто-то посоветовал: чтобы не улетел, надо привязать его к забору. Вбили в забор мелкие гвоздики и тонкими нитками привязали к ним лапы петуха. Врёшь! Теперь не слетишь! Посуетился петух, посуетился, подёргал лапами, но постепенно успокоился, так как его крепко придерживали руками. Потом отпустили. Сидит! Можно снимать!

Но тут произошёл первый конфуз. Только начали снимать, как петух от звука мотора покачнулся, потерял равновесие, не удержался и повис с забора вниз головой.

Зрители вокруг дружно рассмеялись. Да и было от чего! Смешнее всего, что петух висел совершенно равнодушно, не хлопал крыльями, не шумел и только презрительно посматривал на нас немигающим глазом.

Казалось, что так висеть ему даже нравится.

Но нам-то было не до смеха.

Отвязали петуха и отпустили на волю. Собирались уже сложить оружие, то бишь, — киноаппарат, как вдруг видим — петух к чему-то прислушивается, всё больше косится на забор и подумывает, — не взлететь ли обратно?

В чём дело? Оглядевшись, мы поняли: сзади нас паслись курицы. Они рылись в земле и кудахтали. Ага! Понятно!

Тут же мои помощники, с разрешения владельца, поймали с десяток куриц и посадили их в клетку. Клетку поставили рядом с аппаратом, по нашу сторону забора.

Результат сказался быстро.

Услышав возню и кудахтанье, петух прицелился, взлетел и сел на забор, точно на то же место, где сидел и до этого. Снять его мы успели, но мне захотелось повторить съёмку.

И всё пошло как по маслу!

С этого момента, сколько раз мы его ни сгоняли, петух через несколько секунд опять взлетал на забор. Теперь мы могли с ним и репетировать, и снимать его, сколько нам угодно, и на далёком расстоянии, и очень крупно.

Эх! Если бы сразу догадались, не потеряли бы мы даром два дня!

Но впереди оставалось ещё самое главное — петух должен пропеть своё «Ку-ка-ре-ку». А он и рта не открывает — взлетит на забор, смотрит на нас боком, одним глазом, и всё.

На следующий день начали снова. Принесли куриц. Петух сразу же занял свою позицию. Сидит, смотрит на нас да на куриц — даже не сгонишь с забора. Сидит... но молчит!

Крик петуха мы, конечно, могли бы записать на плёнку и отдельно, в другом месте, но ведь нельзя же, чтобы с экрана прозвучало «Ку-ка-ре-ку», а клюв у петуха был бы в это время закрыт!

Когда петух кричит, то он всегда высоко задирает голову и широко разевает клюв. Нет! Обязательно надо, чтобы он сам пропел!

И снова начались мученья. Чего-чего только мы не перепробовали! Пробовали сзади щипать нашего артиста. Кричали петухом, чтобы вызвать его на ответ. Пробовали близко к нему подносить куриц. Пробовали даже дразнить его другим петухом — никакого результата. Молчит, как рыба!

Получился даже небольшой скандал. Когда Андрей слишком близко поднёс к забору большого белого петуха, то наш сорвался с забора и прямо с лёту спикировал на противника. От неожиданности мой помощник выпустил своего петуха, и тут же, перед аппаратом, разыгрался петушиный бой. Да ещё какой! Только перья полетели! Опасаясь за судьбу нашего героя, мы бросились разнимать драчунов. Да и вовремя! Ещё через минуту он оказался бы так ощипан, что и снимать его было бы нельзя.

Как и всегда при съёмках в населённом месте, недалеко на пригорке собралось несколько зрителей. Это были, видимо, местные дачники и колхозники.

И вот после того как у нас передрались петухи, ко мне подошёл один из зрителей, этакий невзрачный человечек лет под семьдесят, в брезентовом плаще и в высоких сапогах — то ли колхозный сторож, то ли пастух.

— Вижу я, милоч, бьётесь вы тут уже третий день, а всё без толку! Каждый должен знать своё дело, а коли не знаешь, так и не берись. Вы нам тут всю птицу перепортите, а петь у вас петух всё едино не будет!

— Ну, а вы-то знаете, как можно заставить петуха петь? — смущённо сказал я. — Если знаете, так посоветуйте!

— Да я-то знаю! Только мне вот недосуг с вами возиться!

Наш директор — Пётр Михайлович — всё понял.

— Послушайте, товарищ! — вмешался он. — Если вы заставите запеть петуха, я заплачу вам десять рублей. Бьёмся мы действительно долго, и всё без толку. Время идёт, а это стоит нам больших денег. Выручайте!

Колхозник ухмыльнулся.

— Ну уж и десять! За что? Делов-то на десять минут! Дай рубля два, с меня и хватит. Ладно уж, выручу!

— Готовься сымать! — вскричал он, неожиданно оживившись, и начал скидывать свой брезентовый балахон.

Подойдя к забору, он ловко схватил петуха, посадил к себе на колени и накрыл балахоном.

— Через пять минут петь будет! Готовься, ребята! — крикнул он нам.

Но мы были готовы и с интересом ожидали, что́ будет дальше.

Старичок со всех сторон подоткнул балахон и теперь сидел спокойно, придерживая притихшую птицу и хитро поглядывая на нас.

Время, нам казалось, тянется очень медленно.

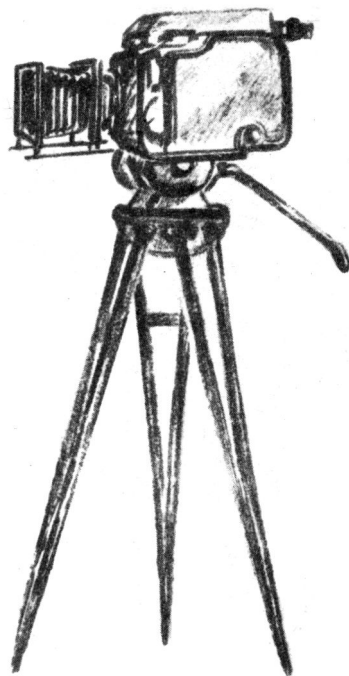
— Ну, срок вышел — давай сымай! «Мотор!» — крикнул он, вынул из-под плаща петуха и поставил его на забор.

Леонид Матвеевич начал съёмку; и — что вы думаете? — оглядевшись по сторонам, петух закинул голову и громко, во всё своё петушиное горло, прокричал долгожданное «Ку-ка-ре-ку».

Да и не один раз, а целых три! Публика на пригорке смеялась. Мы радостно поблагодарили неожиданного помощника, и он гордо ушёл, унося с собой честно заработанные два рубля.

Теперь только догадались мы, в чём дело. Петухи-то ведь поют главным образом на рассвете, когда встаёт солнце и ночь сменяется днём! Наш советчик как бы создал петуху искусственную ночь; и, появившись из темноты на яркий свет, петух запел, приветствуя солнышко.

— Так-то вот! — сказал Пётр Михайлович. — Не зная броду, не суйся в воду. В дальнейшем перед каждой съёмкой надо будет советоваться с опытными людьми, как бы просто нам заранее всё ни казалось.

ОСТОРОЖНЕЙ СО ЗВЕРЬМИ

Опять дождь — уже третий день.

По привычке, я проснулся в 6 часов утра, — в семь мы обыкновенно выезжали на съёмку. Ещё не открывая глаз, услышал — дождь по-прежнему барабанит по железной крыше и ветер бросает пригоршни капель в окно.

Дождик не сильный, но надоедливый и ровный, как осенью; такой обычно продолжается долго.

Кто-то скребётся в дверь. Это, конечно, Джульбарс — он знает, что в 6 часов я уже на ногах — привык за эти две недели. Джульбарсу я не открываю — лень вставать в такую погоду. Поворачиваюсь на бок и снова дремлю.

Но в дверь теперь уже раздаётся осторожный, но настойчивый стук. Неужели это опять Джульбарс? Нет, глупости. Собака не может стучать — такое может померещиться только спрсонок! Хотя... от него всего можно ожидать: пёс он очень умный; ведь открывает же он лапой двери, и не только открывает, а и закрывает за собой...

— Войди, Джулька!

Входит Пётр Михайлович.

— Вы спите?

— Фу-ты! А мне померещилось, что это Джулька стучит; видимо, я опять заснул. — Я вскакиваю и начинаю делать зарядку.

— Вам это не совсем померещилось — Джуль на самом деле сидит у ваших дверей, но, из деликатности, без разрешения не решается войти.

— Войди, Джулька! — ещё раз крикнул я. Дверь открылась, и вошёл Джульбарс. Приветливо помахав хвостом, он спокойно улёгся под столом.

Пётр Михайлович, как всегда, встал раньше всех и уже успел побриться. Ему лет тридцать пять; держится он всегда молодцевато, бодро. Однако сегодня он мрачноват, — видимо, дождь портит настроение.

— Ну, что будем делать? Стоит будить молодых?

— Да чего уж будить, пусть поспят: погода, мне кажется, беспросветная.

Поговорили о ближайших делах: надо послать в город за мясом и крупой, надо предупредить лесника Шушника, чтобы не выезжал на съёмку до нашей телеграммы. Надо узнать прогноз погоды, — долго ли ещё мы будем бездельничать. Надо отправить в Москву в кинолабораторию проявить весь снятый материал.

За эти недели мы сняли более тысячи метров плёнки. Пора бы на экране посмотреть результаты.

И, наконец, надо решить, как быть с Прасковьей Сергеевной — она никак не может понять, что животные здесь не для развлечения, что это не игрушки!

Всех-то она жалеет, всех-то ласкает, всех балует. А животным нужен строгий режим и в пище, и в уходе. Их нельзя баловать. Это же звери! И в большинстве — опасные звери! С ними надо всегда быть настороже. Как бы не пришлось отстранить Прасковью Сергеевну от работы.

Когда Пётр Михайлович вышел, забрав с собой Джульку, я задумался, вспоминая, как прошли последние дни.

Во-первых, прибыли почти все наши звери: и проснувшиеся по дороге из Казахстана волки, и «некомплектные» кабаны, и лоси и ряд других, более мелких.

Вот тут-то, когда привезли кабанов, и произошла по вине Прасковьи Сергеевны первая неприятность.

В этот день наша группа снимала лесные пейзажи.

Жданов и Ольга Антоновна тоже отсутствовали: они были заняты по картине «Девочка и медведь».

Когда из зооцентра прибыли на грузовиках клетки с кабанами, на базе находились только служители и Прасковья Сергеевна.

Вместо того, чтобы послать за Ждановым, она решила сама распорядиться и разместить вновь прибывших «актёров».

Взрослого кабана она приказала поместить в вольер к местной кабанихе. Кабанят водворили в заранее подготовленные для них клетки.

Что же касается кабанчика-подростка, то Прасковья Сергеевна помнила только одно: его надо поместить отдельно, а куда, — не знала! Ни с кем не посоветовавшись,

она дала указание выпустить его до нашего возвращения в свободную клетку рядом с загонем яка.

Вы знаете, что такое як? Это огромный тибетский бык, с длинной, свисающей до земли шерстью, с острыми полуметровыми рогами.

Як в Тибете считается домашним животным, но когда он приходит в ярость, то становится страшным и опасным, так же как и наш бык, — тем более, что он долгое время содержался в вольере, не общался с людьми и одичал.

Расстояние между прутьями клетки было около двадцати пяти сантиметров, а кабанчик был шире сантиметров на десять.

Прасковья Сергеевна прикинула на глазок, что кабанчик не сможет проникнуть в загон к яку, — и ошиблась!

Как только кабанчика выпустили в клетку, як сразу пришёл в ярость — чем-то этот новый сосед ему не понравился.

Своими могучими, широко расставленными рогами он ударял по прутьям клетки, пытаясь дотянуться до кабанчика, и копытами взрывал землю.

Несчастный свинёнок испуганно прижался в угол — он боялся и яка, и собравшихся у клетки грузчиков.

Чтобы его успокоить, сердобольная Паша велела служителю поставить в его клетку большое корыто с отрубями.

Но эффект получился совершенно неожиданный. Кабанчику показалось, что вошедший служитель — это новый враг; он заметался по клетке и вдруг каким-то чудом протиснулся между прутьями и оказался в загоне у яка.

Дальнейшее произошло очень быстро: як моментально бросился на кабанчика и загнал его в угол клетки. Здесь, в углу, он не мог достать свою жертву: ему мешали собственные, широко расставленные рога.

Вместо того, чтобы использовать удобный момент и проскользнуть обратно в свою клетку, глупый кабан проскочил между ногами яка и заметался по загону.

Як бросился за ним, догнал, подцепил рогами и высоко подкинул в воздух.

Всё могло бы кончиться трагически, но, на счастье кабана, як не проткнул его рогом, а только подхватил снизу под брюхо.

Мощный взмах рогов был настолько силен, что кабанчик взлетел метра на три кверху, перелетел через решётку клетки и снова оказался у себя «дома». Упал он случайно прямо в корыто с отрубями и потому только чудом уцелел.

Через день он уже бодро похрюкивал в другой клетке, по соседству с обыкновенной, домашней свиньёй.

Я не был при этой «трагедии», но отлично представляю себе переполох, вызванный столь необдуманным поведением Прасковьи Сергеевны.

Её слёзы и переживания были совершенно искренни, но, несмотря на это, она получила очень серьёзный выговор от Петра Михайловича, и уже не в первый раз.

Да! Подпускать её к животным рискованно.

Это стало особенно ясно позавчера, когда из-за её излишней чувствительности и ненужной доброты чуть не погиб новорождённый лосёнок.

Дело было так: среди прибывших лосей оказался совсем маленький, только что родившийся лосёнок-сосунок.

Лосиха во время длительного переезда сильно нервничала и потеряла молоко.

Ветеринарный врач велел Клаве (это заведующая кухней, где готовят пищу для животных) постепенно приручать лосёнка к искусственному питанию, подкармливая его из соски коровьим молоком. Он точно указал:

— Кормить надо часто, но очень понемногу, обязательно от одной и той же коровы, парным или подогретым молочком. Остерегайся перекормить и ни в коем случае не давай ничего жирного!

Это было сказано при Прасковье Сергеевне.

Вы, наверное, знаете, что у малышей, будь то люди или животные, из-за всякого пустяка может начаться расстройство желудка — то слишком много поел, то слишком жирно; да мало ли причин, — я в этом не очень разбираюсь!

Ввиду начавшейся плохой погоды, Клава взяла лосёнка к себе на кухню и там устроила ему в углу лежанку на старом полушубке. Прасковья Сергеевна окрестила лосёнка «Бэмби», часто бегала к нему на кухню и ласкала его.

Маленький Бэмби действительно был очень мил; он ещё едва стоял, покачиваясь на широко расставленных ножках, и принимался сосать всё, что ему попадалось, будь то палец, халат или даже сапог. Он, видимо, был всё время голодноват.

Прасковья Сергеевна безуспешно уговаривала неумолимую Клаву не морить лосёнка голодом и покормить его «как следует». Клава не соглашалась. И вот позавчера вечером ветеринар заметил на кухне огонёк в неурочное время, когда все уже разошлись по домам.

Он зашел на кухню и застал Прасковью Сергеевну в тот момент, когда она кормила лосёнка сливками, и, видимо, уже не в первый раз.

У лосёнка на следующий день начался сильный понос. Его и сейчас ещё не совсем отходили.

Опять был крупный скандал. Ох, уж эта Прасковья! Действительно, не пришлось бы нам расстаться с ней. Пётр Михайлович хочет отослать её в Ленинград. А жаль: в остальном ведь она очень хороший и старательный работник.

Что же ещё случилось за эти две недели?

Снимали различные пейзажи, затем, при участии Ольги Антоновны, волчицу Машку в лесу, на свободе.

Машка почти ручная, хорошо слушается свою дрессировщицу, и потому мы рискнули не строить для неё вольера.

Снимали и рысь, но уже в вольере, так как этот хищник очень трудно приручается и довериться ему никак нельзя.

Зверей нам нужно было снять в общении с людьми, показать, как человек может приручить любое дикое животное.

Машка выбегала из леса и бросалась к сидящей на пеньке Ольге Антоновне. Сперва могло показаться, что она нападает на женщину, но Машка тут же начинала ластиться к своей хозяйке и даже виляла хвостом.

Да! Не удивляйтесь — волки, оказывается, тоже иногда виляют хвостами — почти как собаки.

Но гораздо сложнее оказалось снять рысь.

В специально построенный для этой съёмки вольер рысь пошла на цепочке за Иваном Макаровичем довольно охотно.

В вольере нужно было снять, как рысь бросается с дерева на спину человека. Поначалу тоже должно было показаться, что это нападение, но... затем рысь спокойно усаживается к Ивану Макаровичу на плечо, он её поглаживает, и они вместе мирно продолжают прогулку.

Под костюм Иван Макарович надел очень прочную кожаную тужурку (на всякий случай, — вдруг рысь выпустит когти). На голове у него была такая же шапка. Воротник был поднят. Жданов заранее подкармливал рысь кусочками мяса, а потом, во время съёмки, клал такой же кусочек себе под воротник.

Рысь прыгала за мясом к нему на плечо несколько раз, и всё прошло очень удачно — она даже не порвала его костюм.

Было жутковато смотреть, как человек едва удерживается на ногах от броска этой огромной кошки.

Иван Макарович действительно мужественный человек. Не всякий решился бы на подобный трюк.

Вот съёмка окончена и нужно рысь водворить обратно в клетку. Но это оказалось не так-то просто.

Иван Макарович тянет её за цепочку, заманивает мясом и ласково зовёт: «Рысенька, рысенька». Не тут-то было!

Рысь упирается... и вдруг поджимает уши.

Ого! Это уже опасно! Она может и броситься!

Пришлось пойти на хитрость.

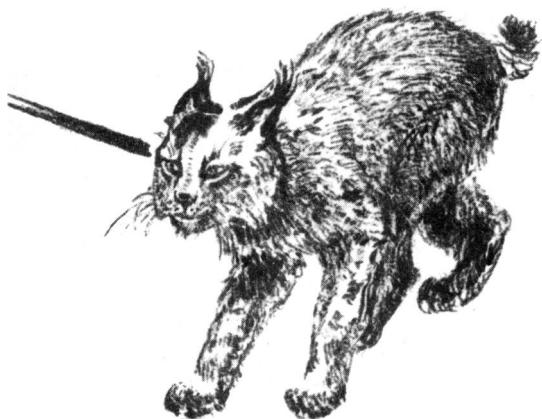
Успокоив рысь, Иван Макарович незаметно защёлкнул на её ошейнике кольцо, прикреплённое к трёхметровой крепкой палке, и взялся за другой её конец. Теперь рысь была в его власти — он мог её тащить за собой, и в то же время она не могла на него броситься — палка удерживала её на расстоянии.

Но тащить рысь оказалось тоже не так-то просто.

Животное упиралось всеми четырьмя лапами, бросалось из стороны в сторону, рычало, шипело и выглядело очень грозно.

Мне как-то пришлось видеть обыкновенную домашнюю кошку, которая случайно разбила флакон с валерьянкой, выпила её и взбесилась. Она бросалась на стены, на мебель, разбила лампу и вазу, изодрала занавески, а взрослые люди, бывшие в комнате, в том числе и я, спешно спаслись бегством, оставив комнату на разгром страшному врагу.

То была маленькая кошка, а сейчас рвался и бесновался большой дикий зверь.

Рысь бегала на расстоянии вытянутой палки вокруг Ивана Макаровича, валялась по земле, и я с ужасом представлял себе, что будет, если палка сломается или рысь вырвет её из рук Жданова.

Невдалеке валялся лист кровельного железа, брошенный строительными рабочими, которые разбежались при виде рассвирепевшего зверя.

Я схватил этот лист и какой-то железный прут, приблизился сзади к извивавшейся по земле рыси и изо всех сил забарабанил по железу. Раздался ужасный грохот, и в ту же секунду всё изменилось: рысь вскочила, поджала хвост и со всех ног бросилась бежать по направлению к своей клетке, волоча едва поспевающего за нею Ивана Макаровича.

Они поменялись ролями: теперь упирался он, а рыска тащила его за собой к открытой дверце своей клетки. Сзади, потрясая листом железа, со страшным шумом и лязгом бежал я.

Ну что ещё? Больше, кажется, никаких особых происшествий не было.

Да! За это время сняли ещё кабанов на водопое. Кабан быстро сдружился с местной незнакомой кабанихой, а неделю тому назад было закончено также строительство заграждений и подъёмного устройства на реке.

В готовый вольер выпустили кабана и кабаниху.

Осмотревшись и убедившись, что он со всех сторон окружён решёткой вольера, кабан бросился в воду и поплыл к противоположному берегу. Вслед за ним бросилась и кабаниха. Наши опасения оправдались.

Трофим Афанасьевич и Митя изо всех сил завертели рукоятки барабана, и вдруг из воды на пути кабанов неожиданно поднялось непреодолимое препятствие — решётка с острыми зубьями.

Кабаны повернулись направо, налево — видят, дело безнадежное, и вернулись обратно на топкий илистый берег, где и залегли в грязи, получая, видимо, огромное удовольствие.

Я был даже рад, что кабаны пытались удрать, — всё-таки не зря пропали труды Петра Михайловича, вложившего немало энергии, изобретательности и денег в это подводное устройство.

Дальше тоже всё было удачно. Когда кабаны окончательно свыклись с новыми условиями, они успокоились и перестали обращать внимание на людей и на киноаппараты.

Леонид Матвеевич прочно обосновался со своей камерой на плоту, установленном сразу за подводной решёткой на реке, а Лёва с лёгким «Конвасом» приготовился снимать из любого места на берегу, просовывая объектив своей камеры между прутьями решётки.

Оставалось только впустить в вольер наших полосатых кабанят.

Это был довольно опасный момент — вдруг кабан бросится на маленьких пришельцев и растерзает их? Такие случаи известны.

Но всё произошло неожиданно как нельзя лучше.

Увидев, что взрослые кабаны очень мирно настроены и благодушествуют, купаясь в грязи, я дал команду впустить к ним кабанят.

Когда с весёлым визгом кабанята разбежались по вольеру, кабан даже не привстал. Но тут вдруг, уверенно и нахально, к нему подбежал самый маленький и храбрый кабанёнок и, похрюкивая, начал обнюхивать его ухо.

Кабан повернул к нему свою страшную, клыкастую

морду — (мы уж думали — сейчас тебе конец, поросёнок), — но кабан только презрительно оттолкнул малыша своим мощным пяточком.

Кабанёнок взвизгнул, но тут же опять вернулся. Кабан обнюхал его, в свою очередь, и больше уже не трогал.

В тот же день нам удалось снять на водопое и игры кабанят, и их купание в прибрежном иле, и уход всего семейства обратно в лес. Именно «семейства», так как под вечер сборная команда выглядела уже дружной семьёй.

Пока я пишу эти строки, дождь всё не перестаёт. Всем надоело вынужденное безделье и хочется скорее приступить к работе. Как только установится погода, мы начнём снимать волка, который попадает в капкан.

Один из прибывших «сонных волков» вот уже неделю как обживается в дремучем лесу, в большом длинном и узком вольере.

Невдалеке за решёткой всю эту неделю постоянно, и днём, и ночью, жужжит и стрекочет скрытый в кустарниках мотор. Когда начнётся съёмка, то звук включённых аппаратов сольётся с шумом мотора, и волк не обратит на него внимания. Волка почти не кормят; он голоден и зол. Это нужно для того, чтобы он легче соблазнился приманкой и попался в капкан. Волк хитёр и осторожен, — капкан надо установить по всем правилам охотничьего искусства; вот для этого нам и нужен старый и опытный охотник Шушник. Мы вызовем его, как только наладится погода.

КОГДА ИДЁТ ДОЖДЬ

Прошёл ещё день, а дождик всё идёт и идёт!

Действительно кажется, что уже наступила осень.

Ну если бы ещё сильный дождь, с ветром, с градом, или гроза с молнией, с громом, — тогда была бы надежда, что вот-вот выглянет солнце.

А этот моросящий дождь так уныл и безнадежен; он мокрым туманом охватывает со всех сторон и, кажется, даже пробирается под одежду.

Из моего окна видны грядки с поникшими цветами, лужи на дорожках и лес, едва различимый за туманом, хотя он всего только в полсотне шагов от нашего дома.

В доме уже все встали — слышны голоса, хлопают двери.

Вот, голый по пояс, выбежал с полотенцем через плечо Андрей и, вприпрыжку через лужи, помчался к речке умываться.

Бр-р-р! Отчаянный парень!

Из нашей гостиной-столовой слышен стук тарелок и ложек; там Прасковья Сергеевна готовит завтрак.

Вдруг раздаётся звон стекла, что-то полетело и разбилось. Видимо, Прасковья Сергеевна нервничает после истории с лосёнком и выговора Петра Михайловича.

А тут ещё этот дождь. Надо будет её успокоить, — жалко её.

Когда я вышел на веранду, то застал там Андрея. Он был уже помыт, побрит, одет, сидел на перилах, и прислонившись головой к столбу, уныло напевал:

Не осенний мелкий дождичек
Брызжет, брызжет сквозь туман...

— Андрей! Бросьте разводить нюни, — давайте что-нибудь повеселее!

— А я лучше знаю! — вдруг раздался за спиной звонкий детский голосок.

Это прибежала к нам Машенька — героиня картины «Девочка и медведь».

На зообазе мы уже не одни, — недавно приехали и разместились по соседству в лесу ещё две киногоруппы; с одной из этих групп приехала и Машенька. Эта черноглазая шустрая девчушка восьми лет успела очень привязаться к нашему коллективу, особенно к Андрею и Лёве.

Когда её отпускает воспитательница, — она всё свободное время проводит с нами.

— А ну давай, Машенька!

Дождик, дождик, веселей!
Капай, капай, не жалеи!
Только нас не замочи,
К нам в окошко не стучи!

— Молодец, Машенька! А ну пойдём с нами завтракать!

— По случаю дождя завтрак ещё не готов, Борис Александрович, — говорит Андрей. — У Паши сегодня что-то не ладится. Она успела опрокинуть бидон с молоком и кастрюлю с картошкой; сейчас пошли на кухню, спешно доваривают новую порцию.

— А где Лёва? — спрашиваю я. — Что-то его не видно и не слышно!

— А он ещё спит!

Андрей перегнулся через перила и начал барабанить в окно комнаты, где они жили вдвоём с Лёвой.

— Лёва! Вставай, детка! Пора на съёмку — солнце светит всюду!

Из комнаты послышалось неясное мычание.

— Лёва, вставай! Завтрак кончается!

Из окна раздались более внятные звуки, и уже можно было разобрать.

— погоди, дай досмотреть сон!

— Ох и горазд же Лёвочка поспать, — сказал Андрей и, захватив с собой Машеньку, пошёл будить Лёву.

Лёва действительно был «горазд поспать»; он мог заснуть крепким сном в любое время и в любой позе, а когда его будили, он даже сквозь сон отшучивался и острил. Он всегда весел и жизнерадостен, на его настроение даже дождь не действует.

А вот остальные что-то начали хандрить и киснуть. И Андрей со своими песенками, и Прасковья Сергеевна посуду бьёт, и даже Пётр Михайлович — все приуныли.

Затянувшийся тоскливый дождь, а главное — безделье действуют всем на настроение. Нужно что-то придумать, чем-то занять людей.

Ну, будь у нас картина с участием актёров, — мы,

конечно, не теряли бы даром времени, а заполнили бы его репетициями. Репетициями?..

Не устроить ли нам репетицию с Джульбарсом?

Завтрак проходил довольно мрачно.

Хмурый Пётр Михайлович давал какие-то указания шофёру Коле и Мите, которые сразу после завтрака поедут на нашем УАЗе в Москву сдать в лабораторию снятую киноплёнку и получить на мясокомбинате корм для наших питомцев (ни в коем случае не брать мостолыжек и требухи, а только первосортное мясо, в том числе и тушу телёнка для привады волка в капкан).

Андрей, глядя в окно, задумчиво отхлёбывал молоко.

Прасковья Сергеевна молча раскладывала по тарелкам горячую ароматную картошку и временами искоса посматривала на Петра Михайловича.

Только Лёва с Машенькой искренне веселились. Они поглядывали на высыхающее пятно от пролитого молока, фыркали и, подталкивая друг друга, в свою очередь, косились на Прасковью Сергеевну.

Я их прекрасно понимаю — ужасно трудно удержаться от смеха, когда смеяться нельзя.

Завтрак окончен.

— Машенька, — говорю я, — а ну-ка, пока дождь стих, сбегай за Ольгой Антоновной, попроси её, если она не занята, прийти к нам. Скажи ей, что я хочу устроить репетицию с Джулькой.

Все немного оживились.

Лёва с Машенькой побежали за Ольгой Антоновной, Андрей очнулся от задумчивости, бодро вскочил — и через секунду за окном послышался голос: «Джулька! Джулька!»

Из леса выскочил мокрый и весёлый Джульбарс.

«Репетиция» длится уже больше часа.

Джульбарс играет волка. Ольга Антоновна заставляет его подкрадываться, осторожно выглядывать из-за стола, прятаться под диван, а главное — ползти на брюхе «по-

пластунски». По её безмолвным сигналам, подчиняясь только движениям её рук, Джульбарс демонстрирует все эти волчьи повадки.

Ольга Антоновна напоминает дирижёра: вот она обеими руками делает подманивающее движение, и Джульбарс на брюхе ползёт к ней; вот её ладони повернулись к Джульбарсу и застыли — застыл, припав к земле, и Джулька.

Вот Ольга Антоновна делает движение ладонями сразу вверх точно так же, как дирижёр приглашает оркестр встать на овации зала, и умный пёс приподнимается, как будто для того, чтобы лучше высмотреть добычу.

Движение рук вниз... и Джулька опять залёг.

Собственно, это, пожалуй, даже не репетиция, а публичный показ достижений Джульбарса.

Вы спросите, — почему команды Джульбарсу подавались жестом, а не голосом? А потому, что во время съёмок будет участвовать не один Джульбарс, а другие животные не должны слышать никаких лишних звуков и голосов.

Умница Джульбарс ещё раз покори́л всех своей понятливостью и сообразительностью.

Когда волчья программа была исчерпана, Ольга Антоновна при участии Андрея продемонстрировала ещё ряд различных трюков, фокусов и «штук», на которые оказался способен Джулька.

Для начала он показал своё знакомство с русским языком — он хватал и приносил различные предметы, которые ему называла Ольга Антоновна.

— Джуль, подай спички! — он хватает со стола спички и кладёт на колени Ольге Антоновне.

— Джуль, принеси книгу! — он хватает газету.

— Не газету, а книгу! — секунда нерешительности, затем пёс отнимает из рук Андрея книгу и несёт Ольге Антоновне.

— Джуль, — трубку! — это уже просит заинтересовавшийся Леонид Матвеевич. Трубка моментально схвачена со стола и положена ему на колени.

— Джулька, принеси туфли! — просит Прасковья Сергеевна. Джульбарс бросается к двери (он знает, что в столовой туфли бывают только на ногах), открывает её, на несколько секунд пропадает, затем торжественно возвращается, держа в зубах старые, потёртые шлёпанцы Петра Михайловича, с дыркой на носке, и кладёт их на колени Прасковье Сергеевне.

Все смеются. Прасковья Сергеевна и Пётр Михайлович немного смущены.

— Нахал ты, Джулька! — говорит Пётр Михайлович. — И меня сконфузил, и даме платье запачкал.

Он вскакивает, берёт свои шлёпанцы с колен Прасковьи Сергеевны и салфеткой помогает отряхнуть пыль с платья.

— Что вы, что вы, Пётр Михайлович, они ведь вовсе не грязные!

Оба улыбаются. Отношения, кажется, налаживаются.

Позднее я видел, как Пётр Михайлович прогуливался под руку с Прасковьей Сергеевной по веранде и что-то горячо ей доказывал. Она соглашалась, сокрушённо покачивая головой и, видимо, обещая исправиться.

Потом от Джульбарса прятали в самые укромные места различные предметы, предварительно дав ему понохать.

Джулька отыскивал эти вещи моментально. Он даже чуть не порвал мне пиджак, когда я вздумал спрятать себе в карман чайную ложку. Чтобы сбить его с толка, я с чайной ложкой в кармане переходил по комнате с места на место, держась подальше от Джульки, как вдруг он неожиданно сзади подбежал ко мне и ухватился зубами за пиджак, зажав во рту чайную ложку вместе с карманом.

И отпускать не хотел — дескать, вот она! Сами просили найти! Едва уговорили его отпустить карман.

Джульбарс был очень возбуждён, и я решил прекратить наше развлечение.

— Друзья! Джулька выдержал экзамен на волка на пять с плюсом. Но вот с внешним обликом у него не всё благополучно. Очень похож на волка; слов нет, — живот поджарый, морда острая, лоб широкий, уши и хвост поджимает совсем по-волчьи. Вот только не выдаёт ли его собачья масть? Как по-твоему, Машенька?

— У него спина очень тёмная!

— Молодцом! Сразу видно, что ты нагляделась здесь на волков. Волк должен быть ровно серым, а у Джульки спина черновата, как говорят собаководы, — он «чапачный». К тому же и на нижней челюсти у него две чёрные подпалины. Это тоже выдаёт собаку. Давайте гримировать Джульку!

— Давайте! Давайте! — закричала Машенька.

На спине у Джульки чёрными были только самые кончики волос, а ниже шерсть была уже серого цвета.

Решили подстричь Джульке спину и подпалины на морде. На должность парикмахеров вызвались Андрей и Машенька. Руководил работами Леонид Матвеевич.

Джульбарс уткнул морду в колени Андрея. Леонид Матвеевич, попыхивая трубкой, давал указания, где и как стричь, а Машенька бегала вокруг с гребёнкой, причёсывала Джульку и уговаривала его «быть умницей и не бояться».

Джульбарс не понимал, что от него хотят и что с ним делают. Он повизгивал, скулил, а Андрей придерживал его за ошейник.

Когда операция была закончена, Джульбарс предстал перед нами во всём своём волчьем облике. Для полного впечатления Андрей ещё чуть смочил его шерсть и припудрил тёмные места. Джулька стал великолепным волком.

Во время обеда настроение уже было совершенно иное, чем за завтраком. Ольга Антоновна и Машенька обедали у нас. Пообедав, все перешли на веранду, где сразу же состоялась партия в домино.

Дождь затих. Заметно потеплело. Облака уходили на восток, и на горизонте образовался большой просвет.

Кажется, нашему вынужденному безделью всё же приходится конец!

Я присел на ступеньки, и мне невольно вспомнился тот вечер, в день нашего приезда, когда мы втроём вот так же сидели на веранде, давили комаров, слушали соловья и вдруг слышали далёкий волчий вой.

Прошло всего около месяца, а кажется, это было давным-давно. И, как будто угадав мои мысли, Ольга Антонова лукаво посмотрела на меня и предложила:

— А может быть, споём, маленькие? ..

Предложение вызвало смех и сочувствие.

Домино было отложено; все собрались в кружок, и вскоре раздались довольно слаженные звуки импровизированного хора. Пели «Подмосковные вечера», «Под окном черемуха колышется» и многие другие хорошие, душевные песни.

Вечерело.

Пётр Михайлович сходил в контору базы, чтобы позвонить в Москву в бюро прогнозов погоды. Он принёс хорошие известия — завтра ожидается ясная погода.

Тут же решили немедленно дать телеграмму Пушкину, чтобы завтра к утру обязательно приехал на съёмку. Спать разошлись рано. Попрощавшись, Лёва сказал:

— Спокойной ночи! Интересно, что сегодня будут показывать во сне? Пойду, чтобы не опоздать к началу!

В ЧЕЛЮСТЯХ КАПКАНА

Шушник сидит на пенёчке и с интересом рассматривает себя в осколке зеркала. Он себя едва узнаёт, — настолько изменил его искусно наложенный грим.

Шушнику на вид лет пятьдесят, хотя на самом деле значительно больше; он не носит ни усов, ни бороды и поэтому выглядит очень моложаво, а тут из зеркала на него вдруг смотрит бородатый и усатый, сухопарый и крепкий старик.

В шапке-треухе, в длинном, перепоясанном верёвкой армяке, с топором за поясом, со старинным ружьём за плечами, он с помощью гримёра и костюмера преобразился в старого охотника сибиряка.

Пока Шушник любовался собой и охорашивался, Андрей заканчивал подготовку декорации — «Охотничья изба в лесу».

На опушке леса наши декораторы выстроили небольшой домик из грубо обтёсанных брёвен. Рядом на шестах сушатся звериные шкуры и висят капканы различных устройств и размеров.

Леонид Матвеевич смотрит в глазок аппарата и семафорит то правой, то левой рукой.

— Правее! — кричит он. — Теперь чуть налево! На шаг ближе ко мне. — Это он указывает Андрею, где установить на кольях медвежьих черепа.

Две собаки лайки по приказу Шушника улеглись на полянке недалеко от разведённого костра.

— Митя! Подбросьте сухих веток! Сейчас будем снимать!

На двух крепко вбитых в землю рогатках подвешен большой чугунный котёл. Ярко разгорелся костёр, и из котла повалил горячий пар.

— Ну-с, Фёдор Степанович, — обращаюсь я к Шушнику, — у нас всё готово! Действуйте по всем правилам вашего искусства. Разок репетируем, и будем снимать.

Фёдор Степанович надевает брезентовые рукавицы и, отложив в сторону топор и ружьё, закладывает в котёл охапку разлапистых еловых веток.

— Подождём ещё пару минут, пока не заварится мой чайёк! — так он называет этот хвойный настой.

— Чтобы не терять времени, давайте пока репетировать, — предлагаю я.

Мы репетируем. Я даю Шушнику указания, как нужно держать себя перед аппаратом, однако моё вмешательство оказывается излишним. Во-первых, он лучше меня знает охотничье дело, а во-вторых, неожиданно проявляет большие актёрские способности.

Он не суетится, не пытается взглянуть в сторону аппарата, как это обыкновенно делает большинство новичков; движения его размеренны и неторопливы. В них нет ничего лишнего. Шушник очень естественно играет роль старого лесника — словом, прирождённый талант.

Репетиция нас полностью удовлетворяет, и через пять минут мы начинаем съёмку.

Помните рассказ Петра Михайловича о том, как опытные звероловы уничтожают у своих вещей и оружия запахи человека и железа? Как раз это мы сегодня и снимаем.

Надев прокипячённые в хвойном настое рукавицы, Шушник берёт несколько капканов и опускает их в котёл, в котором виднеются распаренные еловые ветки.

Через несколько минут он вынимает вываренные в хвое капканы и тут же развешивает их для просушки на сучковатых кольях, вбитых рядом с котлом (в избу вносить теперь капканы ни в коем случае нельзя, чтобы они вновь не пропитались запахом человека). Высохшие капканы Шушник складывает в мешок, затыкает за пояс топор, вскидывает ружьё и отправляется в лес устанавливать ловушки на волчьей тропе.

Съёмка у охотничьей избушки окончена, и мы перебираемся на нашем УАЗе к оврагу, где установлен волчий вольер.

К этому времени, как было заранее условлено, Иван Макарович успел со своими помощниками загнать волка из вольера в небольшую клетку, которую они затем отнесли подальше в лесок, чтобы волк не видел людей и не чувял их приготовления.

Замаскированные решётки тянулись по обе стороны овражка метров на двести вдоль волчьей тропы.

— Где будем ставить капканы? — посоветовался Иван Макарович с Шушником. Он и сам был опытным звероловом, но, видимо, хотел проверить своё решение и заодно польстить старику.

— Неужто сам не видишь? Чай, не маленький!

— Да я уже наметил место; не знаю только, правильно ли.

— Здесь будем ставить. На бугорок положим приваду, а под ним разбросаем капканы. Лучшего места не найти!

— Вот-вот. Я тоже так думаю, — сказал Иван Макарович, — но вам-то виднее.

Сквозь наклеенную бородку и усы я уловил довольную улыбку Шушника.

— Устраивай свои аппараты! — крикнул он Лёве.

Иван Макарович распорядился уложить тушу телёнка на указанное место, и двое рабочих в прокипячённых рукавицах и войлочных туфлях по хвойному настилу подошли к бугорку и уложили там «приваду».

Леонид Матвеевич и Лёва установили камеры с подветренной стороны так, чтобы ветер относил в сторону от волка все запахи. Затем они тщательно замаскировались в кустах. Только заранее зная, где расположились операторы, можно было с большим трудом разглядеть сквозь зелень чуть поблёскивающие линзы объективов.

Волк обыкновенно выходит на охоту в сумерках, а сейчас было едва четыре часа и совсем ещё светло, — нужно немного подождать. Чтобы заполнить время, мы не торопясь сняли, как Фёдор Степанович устанавливает на волчьей тропе капкан.

Нарубив охапку еловых ветвей, он бросал их перед собой и по ним, как по ковру, подошёл к месту, где надо было установить западню. Вырыв вокруг привады три неглубокие круглые ямки, он уложил в них капканы и развёл в стороны их мощные железные дуги-челюсти. Сверху он засыпал капканы землёй, прошлогодними листьями и хвоей.

Достаточно волку наступить на натянутое в днище капкана полотно, как отскочит сдерживающая пружинка и металлические челюсти сомкнутся на волчьей лапе.

Теперь волк далеко не уйдёт: капкан тонкой, но прочной цепью прикреплён к тяжёлому обрубку дерева. Потянет волк цепь — и за ним поползёт тяжёлое бревно. Можно было капкан и намертво прикрепить к какому-нибудь стволу, но тогда, борясь за свободу и дёргаясь изо всех сил, волк может вырвать лапу даже с риском переломать себе кости, а бревно будет поддаваться рывкам и в то же время не даст волку далеко уйти.

Всё было готово, Шушник, пятясь, вышел из вольера, подбирая за собой хвойный ковёр: никаких запахов чело-

века или железа на волчьей тропе не осталось. Когда мы это сняли, то всё ещё было рановато выпускать волка в вольтер. Пользуясь свободным временем, я решил испробовать, как действуют капканы. Положив один из них на землю, я с трудом развёл его дуги и дотронулся палкой до полотна на днище капкана.

Ого! Берёзовую палку «челюсти» перекусили, как спичку.

— Нет! Так не пойдёт! — сказал я. — Хотя он и волк, но я не хочу и не позволю причинять ему лишние и ненужные мучения!

— Да бросьте, Борис Александрович, ведь это же самый вредный хищник из всех, которые у нас водятся; нашли, кого жалеть! — зло ответил Шушник.

— Ну, нет, Фёдор Степанович, одно дело — когда эти опасные звери находятся на свободе и могут причинить много вреда; тогда для борьбы с ними все средства хороши: и ружьё, и яд, и капканы — но сейчас-то ведь наш волк безвреден; так зачем же его бессмысленно истязать?

— Излишняя жалостливость, — пробормотал Шушник.

Он с юных лет боролся с волками, остро их ненавидел и считал своими злейшими врагами. Видя, что с Фёдором Степановичем сговориться трудно, я отозвал Ивана Макаровича в сторонку.

— Иван Макарович! Нельзя ли ослабить пружины капкана? Зачем причинять зверю излишние страдания? Это совершенно неоправданная жестокость!

Иван Макарович меня поддержал.

— Ослабить пружину нельзя, но смягчить удар можно!

Через 20 минут со склада базы принесли куски войлока и мягкой резины.

Иван Макарович и недовольный, что-то ворчащий Шушник уложили между дугами капканов прокладки из войлока и туго прикрутили их резиной... Попробовали.

Капкан щёлкнул и крепко зажал палку, однако не повредил её. Чтобы окончательно убедиться в действии «облегчённого капкана», я попросил слегка раздвинуть дуги

и всунул между ними руку. Когда дуги медленно сомкнулись и зажали мою руку, я почувствовал довольно сильную, однако вполне терпимую боль. Вырвать руку, однако, я не мог, сколько ни старался.

— Вот теперь всё в порядке! Давайте заменим капканы.

Шушник продолжал ворчать, однако опять собрал охапку еловых веток и отправился в вольтер менять капканы. Думаю, что ворчал он больше для порядка, — наша «жалостливость» была ему, кажется, всё-таки по душе...

Вечереет. Густые тени залегли в глубине овражка. Пётр Михайлович просит всех лишних удалиться. Операторы и я занимаем свои места в засаде. Привезли из леса клетку с волком и выпустили его в вольтер.

Наступил ответственный момент. Что-то будет?

Первые двадцать минут волк насторожённо присматривался, принюхивался, но с места не трогался. Мы начали беспокоиться: неужели он чувствует наше присутствие?

Всё тихо! Только слышен равномерный шум безостановочно работающего моторчика. Вот волк, кажется, убедился, что находится на старом, привычном, безопасном месте, и осторожно двинулся вперёд, по направлению к приваде. Видимо, сильный, манящий запах пищи привлёк его и приглушил осторожность. Я дал сигнал начать съёмку.

Волк крадётся по оврагу, но, несмотря на острый голод и уже хорошо видимую пищу, идёт медленно, останавливаясь чуть ли не на каждом шагу, принюхиваясь к каждой травинке. Телёнок уже близко... но тут волк неожиданно сворачивает с прямого пути и начинает обходный манёвр. Он сходит с тропы и поднимается по склону овражка. Неужели всё-таки почуял запах следов Фёдора Степановича? Тогда он сейчас повернёт обратно и больше его сюда уже не заманишь.

Но нет! Идёт дальше, — хитрый зверь на всякий случай только делает обход: ведь идти напрямик уж как-то

слишком просто, — как бы чего не вышло! Сказался многовековой наследственный опыт и осторожность всех его волчьих предков.

Шушник предусмотрел и эту возможность, — путь по склону овражка также преграждён капканом. Всё ближе... ближе... ещё шаг... и щёлк! Капкан сработал, прихлопнув волчью лапу.

От неожиданности, а может быть и от боли, волк взвизгивает и валится на бок, однако сразу же вскакивает и изо всех сил начинает рваться из капкана. Рывок... другой... резко натягивается цепь, вслед за волком рывками двигается бревно и вдруг зацепляется за какую-то корягу; волк делает ещё один, отчаянный рывок и... вырывается.

Мы успеваем снять всего только несколько метров плёнки: капкан «облегчённого действия» подвёл, и волк быстрым скоком исчезает в другом конце вольера.

И как это он вырвался? Наверное, капкан ущемил только за самый конец лапы.

Из кустов вылезает Шушник. Ох, сейчас мне и достанется!

— Вот вам и благородство! Тоже мне охотнички! Ах, ах, бедный волк! Ах, ах, жалко зверюшку! А теперь ищи свщи! Второй раз ни за что не пойдёт! Глаза бы мои не смотрели!

Я виновато помалкиваю — действительно положение тяжёлое: эпизод не снят, а волка, конечно, ещё раз в капкан не заманить.

Но возникает мысль: «Джультбарс! Тут-то он нам и сыграет волка! Как удачно получилось, что вчера мы его «загримировали».

— Спокойно, Фёдор Степанович!

Ничего не потеряно! Иван Макарович, загоняйте волка в клетку. Андрюша, бегите быстрее за Джулькой!

Тени на дне овражка всё более сгущались, надо торопиться — через час будет уже совсем темно.

Через 15 минут волк был увезён, а Андрей привёл радостного, весёлого Джульбарса.

Когда Джульку впустили в вольер и подвели к капкану, он взъерошился и злобно заворчал, почуяв запах волка. Андрей с трудом его успокоил. Шушник хотел было помочь нам просунуть лапу Джульбарса в капкан, но, растревоженный волчьим запахом, Джульбарс зарычал на него — дескать, лучше не трогай. В злости наш пёс бывал очень грозен.

Заняться Джулькой пришлось мне с Андреем. Андрей растянул капкан, и я просунул лапу собаки между дугами, после чего Андрей медленно и осторожно сомкнул их.

Вначале наш пёс не понимал, что от него хотят; он доверчиво дал лапу и даже лизнул меня в щёку. Но когда мы отошли и он почувствовал себя в плену, то жалобно заскулил. Через минуту, видя, что с ним не шутят и что никто не идёт к нему на выручку, Джулька начал злиться и дёргать лапу.

Но, чем сильнее он дёргался, тем больше ему становилось, и он злился всё больше и больше. Операторы начали снимать. Чтобы раздражить Джульку ещё сильнее, я попросил Фёдора Степановича, которого Джулька, видимо, считал причиной всех неприятностей, подойти к нему поближе и немного подразнить.

Расчёт полностью оправдался, и эффект получился блестящий: Джульбарс зарычал и бросился на Шушника, но тут же был отброшен капканом назад и свалился на бок, так же как перед тем и волк. Упав, он злобно начал грызть капкан и под конец с такой силой потянул его за собой, что натянул цепь и поволок за собой тяжёлое бревно.

Боясь, как бы он не повредил себе лапу, я прекратил съёмку, — Джулька «сыграл» нам волка в лучшем виде.

Чтобы поскорее выручить пса, я бросился в вольер,

но меня уже опередил Андрей, быстро перелезший через решётку.

С двух сторон мы потянули за дуги и освободили нашего актёра. Джуль вначале немного поскулил, наверное жаловался на Шушника, потом несколько раз лизнул себе лапу, завилял хвостом и радостно запрыгал вокруг нас.

Откуда-то вдруг появились Ольга Антоновна и Машенька. Узнав, что Андрей забрал на съёмку Джульбарса, они поспешили к вольеру и, спрятавшись за деревьями, наблюдали издали в бинокль за всем происходящим.

Машенька притащила с собой большой кусок сдобного пирога с мясом; теперь она сидела рядом с Джульбарсом, обняв его за шею, и кормила пирогом, приговаривая:

— Джульчик мой, собачечка моя маленькая, обижают тебя нехорошие дяди. Кушай, маленький, поправляйся!

Поглядев на меня сердитыми глазами, Машенька прибавила:

— Ничего, миленький, вот я напишу Танечке, как с тобой здесь обращаются, обязательно напишу.

— Неужели ты думаешь, Машенька, что Джульке было больно? Ведь он скулил просто потому, что не понимал, чего от него хотят, и обиделся на нас, зачем мы ему прижали лапу. Но ты же знаешь, что это нужно было для дела?

— Ничего, ничего, всё равно напишу Тане! — сурово сказала Машенька.

За это время мы все успели очень привыкнуть к Машеньке и полюбить её. Подвижная и шаловливая, она в то же время послушна и ласкова. Характером она напоминает мне мою дочку Таню. Они одного возраста, но внешне

совершенно разные. Машенька коротко стриженная, у неё густые тёмные кудри и большие чёрные глаза с длинными, как стрелы, ресницами.

А Танька — белобрысая, с ясными голубыми глазами. Она носит две косички с бантиками, и косички эти у неё почему-то загибаются наверх, как будто в них вплетены проволочки.

Она хорошо знает Джульку, потому что до нашего выезда из Ленинграда Джульбарс долгое время жил у меня на квартире.

За это время Танька и Джульбарс успели крепко подружиться.

Я неоднократно рассказывал Машеньке о Тане, а в письмах к Тане писал много о Машеньке и о Джульбарсе.

Однажды Таня вложила в своё письмо записку, адресованную Маше, и с тех пор они начали переписываться.

Я обещал Маше, что после окончания съёмок они обязательно встретятся, что я уговорю Машиных родителей отпустить её к нам в гости, в Ленинград. Думаю, что они разрешат.

— Ну и пиши, не боюсь я вас обеих! Только тогда я уже хлопотать за тебя не буду. — Я сделал вид, что рассердился, и отвернулся в сторону.

Через секунду я почувствовал, как под мою руку про тиснулась кудрявая головёнка и послышался тихий голос.

— Джулька говорит, что ему на самом деле не было больно!

Я погладил Машу по головке, — мир был восстановлен.

ХРАБРЫЙ КАБАНЁНОК И ПОСРАМЛЁННЫЙ ВОЛК

— Иван Макарович, будьте судьёй!

Лёва и Андрей протянули соединённые в рукопожатии руки. Иван Макарович рознял.

— А о чём спор?

— Я за кабана, а Лёва за волка, — кто победит? У нас

пари на дюжину лимонада. Проигравший угощает всех. Ну, а вы как думаете, — чья возьмёт?

— Вот уж трудно сказать, ребята. Можно предположить, что волк попытается нападать. Зверь матёрый и свирепый — не чета вчерашнему. К тому же он сильно голоден, — а приманка уж больно заманчива, — не каждый день попадают на пути такие кабанята. Если волк победит или прогонит большого кабана, то, можно сказать, кабанчик у волка уже в брюхе — бери его хоть голыми руками. Но, может быть, всё повернётся иначе: кабан настолько силён, что, защищаясь, может убить волка.

— Я твёрдо уверен в своём волке, — сказал Лёва. — Ты его, Андрей, наверное, не рассмотрел как следует: какая грудь, а лапищи, а клычищи, а глазищи — даже смотреть страшно.

— Ну, а если ничья? Если никто — никого?

— Ну, тогда спор решать по очкам. Каждое нападение — очко, каждое бегство — минус очко. Судьёй будет Иван Макарович. Идёт?

— Идёт!

Разговор этот происходит у вольера перед самым началом съёмки «Боя кабана с волком», к которому мы так долго готовились.

— Можно начинать, — говорит Леонид Матвеевич; и Трофим Афанасьевич открывает дверцу, соединяющую клетку с вольером.

В этом огромном вольере уже давно обжилось сборное кабанье семейство во главе с могучим кабаном из Бело-вежской Пущи.

Волк осторожно вышел.

Оглядевшись в вольере, он заметил и пасущихся за кустом маленьких кабанят и кабана с кабанихой, которые подбирали жёлуди и подкапывались под корни дуба, метров в пятидесяти от малышей.

Убедившись, что кабаны увлечены поисками пищи, волк припал к земле и пополз на брюхе, прячась за каждым укрытием: он высмотрел самого маленького

кабанёнка, дальше всех отошедшего от родителей, и осторожно подкрадывался к нему.

Вот волк привстал и сделал несколько прыжков по направлению к кабанчику — сейчас он его схватит. Но в чём дело? Волк вдруг как вкопанный остановился перед самым носом поросёнка. Почему он не схватил кабанёнка? Это была первая неожиданность. Оказывается, кабанёнок, учуяв хищника, не бросился бежать, а развернулся навстречу врагу.

Маленький храбрец оскалил клыки и грозно заверещал, глядя прямо в глаза опешившему от неожиданности волку. Выглядело это довольно смешно — малютка кабанёнок и оробевший перед ним огромный волк.

Нужно вам сказать, что любой хищник, как бы ни был он силен и свиреп, всегда пытается напасть на свою жертву сзади. Если бы кабанчик побежал, то тут же ему пришёл бы конец.

Но если животное, даже маленькое и слабосильное, оборачивается лицом к нападающему, то на какое-то мгновение преследователь как бы робеет и не решается на него напасть.

Этот закон хорошо известен всем дрессировщикам диких зверей, поэтому они остерегаются оборачиваться спиной к своим, даже хорошо выдрессированным питомцам. Но даже безоружные, с одним хлыстом в руках, они безбоязненно наступают на диких зверей, и те почти всегда отступают.

Итак, волк остановился в нерешительности перед маленьким храбрым поросёнком, и момент для нападения был упущен.

Услышав крик кабанёнка, из-за кустов к нему на выручку бросился приёмный отец. Здесь мы столкнулись со второй неожиданностью.

Вместо ожидаемого «боя кабана с волком», всё произошло совершенно иначе. При виде взрослого кабана волк бросился бежать, и кабан погнался за ним по вольеру.

— Очко в мою пользу,— зашептал Андрей на ухо Лёве, который не отрываясь от аппарата должен был снимать позорное бегство своего подшефного.

— Ещё посмотрим, что будет дальше,— не сдавался оператор. Но дело волка, а вместе с ним и Лёвы, было явно неважно. Кабан гонял волка из конца в конец огромного вольера, а тот удирали от него, как трусливый щенок.

Но вот несчастный оказался прижатым в углу вольера, и ему не осталось ничего другого, как защищаться. Волк повернулся, изловчился и с рычаньем вцепился кабана в загривок.

— Очко! — вскричал Лёва. Шум, поднятый свалкой, был такой, что уже можно было не опасаться потревожить зверей голосом. Даже если бы мы и захотели, нам всё равно сейчас не удалось бы их разнять никакими криками.

Кабан был неуклюж и малоповоротлив, волк — ловок и гибок.

Раз за разом он вцеплялся в загривок кабана, и тогда раздавался восторженный крик Лёвы:

— Очко, очко, очко!

Но где там! Разве прокусишь крепкую, как броня, шкуру кабана. В этот момент кабана удалось прижать

волка к стволу дерева. Он навалился на беднягу всей тушей, и тот завизжал, как собачонка.

— Гол! — закричал Андрей, в волнении переходя на язык болельщиков футбола. — Это тебе уже не одно очко, а все пять.

Однако ударить волка клыками кабан всё же не смог: изловчившись, волк выскользнул, проскочил буквально между кабаньих ног и помчался, увёртываясь и петляя между деревьями.

Вслед волку каждый раз, когда он делал очередной поворот, неслись победные крики Андрея.

— Очко... очко... очко! Наша берёт! Удар... ещё удар! — совсем как на футбольном матче.

— Да! — пришлось признаться Лёве. — Не до жиру, быть бы живу!

— Эх ты! — презрительно сказал Андрей, следя за убегающим волком, — куда тебе до нашего Джульбарса. Уж тот бы не сплоховал! Ручаюсь, — он встретил бы врага лицом к лицу, и ещё не известно, кто бы бросился бежать.

Треск ломаемых сучьев, топот ног, тяжёлый храп дополнялись неистовым визгом носившихся по вольтеру, перепуганных кабанят и хрюканьем растревоженной кабанихи. Но вот и она бросилась на помощь своему супругу, — дела волка стали совсем плохи.

— На поле вышли запасные игроки, — голосом радиодиктора сообщил Андрей.

— Двое на одного — нечестно! — запротестовал Лёва. — Предлагаю считать пари несостоявшимся!

— Нет уж, дудки! Вашим всыпали всухую, так уж вы на попятный? Не выйдет!

Андрей в возбуждении почему-то перешёл на «вы».

— Гоните лимонад! Знать ничего не знаю!

— Тише, ребята, успокойтесь!

В мою задачу вовсе не входило затравить волка. Мне нужно было заснять именно то, что на самом деле происходит в жизни диких зверей; волк был побеждён кабаном — это было ясно; мало того, — он был посрамлён также и маленьким храбрым кабанёнком. Съёмку можно

было кончать, и я дал указания открыть дверцу из вольера в клетку.

Казалось, волк только этого и ждал, только на это и надеялся, потому что, преследуемый кабаном, сразу же бросился в спасительную клетку, в узкую дверцу которой толстый кабан проникнуть не мог.

Кабан вслед за волком подскочил к клетке, втиснул в дверцу свою страшную морду и застрял в ней. Волк развернулся в клетке и вцепился в кабанье ухо. Трофим Афанасьевич с трудом отогнал кабана палкой сквозь прутья решётки и вытолкнул вон. Лёва был расстроен.

— А ты, деточка, не огорчайся, не подрывай свой молодой, неокрепший организм, — лучше собирай свои цацки и дуй в Леоновское за напитками, — издевался Андрей над Лёвой, — и быстрее поворачивайся, а то мне чего-то пить захотелось!

НЕПРЕДВИДЕННАЯ И ГРОЗНАЯ ОПАСНОСТЬ

Это жаркое утро началось тихо и спокойно. Ничто не предвещало никаких тревог и волнений. Как всегда, заранее была спланирована работа: часть группы занялась перевозкой кабанов из вольера обратно на зообазу. Загнать кабанов из вольера в клетку, а потом погрузить на машину не так-то просто, поэтому туда и отправился довольно мощный отряд.

Тем временем Леонид Матвеевич, Ольга Антоновна, Лёва и я начали снимать маленького лисёнка, которого мы поймали рядом с лисьей норой. Вместе с ним будет сниматься и сорочонок, выпавший из гнезда неподалёку от нашего дома.

Мы хотим посмотреть, как будут себя вести эти «детушки» при первом знакомстве, как они приспособлены к жизни.

Мы расположились с аппаратом на опушке леса, недалеко от нашего дома, под тем самым деревом, с

которого сорвался сорочонок. Для начала мы посадили его обратно на сук рядом с гнездом и стали ждать, что будет дальше. А если вернётся сорока? Это тоже было бы интересно. Но нет! Наверное, она совсем покинула своё гнездо! А несчастный птенец давно уже не кормлен и очень голоден. Достаточно поднести к его клюву палец, и он широко разевает рот, особенно, если вдобавок ещё крикнуть над ним по-сорочьи, что так хорошо проделывает Ольга Антоновна. Он ждёт пищи от матери; ему кажется, что это кричит она. Какой он ещё глупый и неприспособленный к жизни.

Мало — разевать клюв и ждать, что тебе положат червяка или муху. Нужно и самому что-то делать, чтобы уцелеть без матери. Но крылья у него ещё слабые, лапки не цепкие, и через несколько минут сорочонок срывается и снова падает на землю. А там его уже поджидает опасность. Опасность эта очень похожа на крохотного мохнатого щенка, даже мордочка ещё совсем круглая, и только длинный пушистый лисий хвост выдаёт его владельца.

Зверёныш приближается к птенцу. Но ничего! Кажет-

ся, не страшно — лисёнок тоже ещё маленький, неопытный. Он тоже недостаточно обучен своей матерью, и хищный инстинкт, наверное, у него ещё не проснулся. Сорочонок растопырил по траве крылья, и теперь он на вид даже больше и страшнее своего врага, который нерешительно подбирается к нему и обходит издалека со всех сторон.

Интересно, — что будет дальше?

Через минуту, когда лисёнок, расхрабрившись, подошёл вплотную, глупый птенец опять широко распахнул свой клюв.

«Дай червяка!» — казалось, просил он; неужели надеялся, что добрый лисёнок накормит его? Лисёнок ещё шагнул вперёд и с любопытством заглянул вовнутрь розового клюва, голова его скрылась там почти по уши.

Тут вдруг фыркнул Лёва, и лисёнок испуганно отскочил назад.

Лёва старался не смотреть на меня, делая вид, что не замечает моих грозных взглядов, как будто ничего не произошло. Аппараты включили, так как снимать пока что было нечего.

Неужели у лисёнка так и не проснётся инстинкт хищника? А может быть, он сыт? Может быть, Прасковья Сергеевна опять нарушила наш запрет и вчера вечером незаметно покормила его? Нет, не может быть? Это было бы уже слишком!

Торопиться нечего, подождём, что будет дальше.

Через несколько минут лисёнок вновь приблизился к птенцу, неожиданно схватил его за крыло и куда-то потащил за собой. Сорочонок закричал и стал упираться.

Ни тот, ни другой не могли пересилить и топтались на месте. Был даже такой момент, когда жертва потащила за собой маленького хищника.

Мы уже хотели разнять малышей, как вдруг лесную тишину нарушил шум бешено мчащейся по лесу машины.

Лисёнок выпустил крыло и бросился наутёк, сорочонок забился под куст. Мы вскочили.

Подпрыгивая на кочках и ухабах, подъехал и на полном ходу затормозил наш УАЗ. Из кабины высунулся совершенно бледный шофёр Коля и хрипло прокричал:

— Кабан вырвался!

Оставив Лёву собирать аппаратуру и ловить разбежавшихся артистов, мы с Леонидом Матвеевичем и Ольгой Антоновной вскочили в машину и помчались к месту происшествия.

По дороге мы на минуту заехали домой к Ивану Макаровичу и захватили с собой его два охотничьих ружья.

До места, откуда сбежал кабан, по проезжим дорогам было около пяти километров.

Но мы ехали напрямик через лес, чтобы сократить путь почти наполовину. Нас бросало и кидало из стороны

в сторону, и всё же по дороге мне удалось из сбивчивых и путаных Колиных слов представить себе, что случилось.

— Понимаешь, нет? — громко кричал Коля, чтобы перекрыть грохот машины. — Загнали кабана в клетку, на-

чали поднимать на катках в машину, а он разъярился да как начал биться о прутья. Ну, думаю, сейчас разнесёт! Я, понимаешь — нет, скорее к машине — да в кабину. Тут вдруг бежит Пётр Михайлович. «Езжай, — говорит, — единым духом за нашими, — кабан вырвался!» Смотрю, на самом деле кабанище бежит, да, кажись, прямо к машине. Развернулся я — да прямо за вами. А тут, понимаешь — нет, ещё эта девчонка!

У меня даже сердце замерло.

— Какая ещё девчонка? Машенька, что ли?

— Ну да, она самая и есть — Машутка. Только я отъехал, смотрю, откуда ни возмись, бежит она между деревьями прямо к вольеру, навстречу кабану, и мне ещё рукой помахала.

— Ну, а ты что ж? Не остановился? Не попробовал перехватить кабана? Не попробовал забрать Машеньку в машину?

— Да, понимаешь — нет, боязно! Что я один-то с кабаном поделаю? Да и развернуться между деревьями негде было. Её, махонькую, может, кабан и не заметит, а меня бы сразу на клыки; я ей из кабины крикнул, чтобы бежала домой.

— Трус ты поганный и прохвост! — вскричал я и чуть было не ударил шофёра, но сдержался, иначе мы наверняка врезались бы в дерево.

Позднее я узнал, что случилось: пока кабана загоняли в узкую клетку с металлическими прутьями, потом на катках поднимали на платформу грузовой машины, один из прутьев, наверное, раскачался и ослаб в своих пазах. Когда же кабан после всех неприятностей пришёл в ярость и начал метаться в клетке, этот прут не выдержал мощного напора полутонной туши и выскочил из пазов. Не успели клетку поднять на платформу, как расшвиравшийся зверь вырвался на волю.

Но откуда там взялась Машенька? Узнав, что сегодня будут перевозить кабана, озорная девчонка, видимо, без разрешения побежала через лес к вольеру — посмотреть хоть издалека, что там будет происходить. Какой ужас!

Через несколько минут мы на полной скорости подъехали к вольеру и ещё на ходу выскочили из машины. Первое, что мы увидели, — это валявшуюся на боку клетку, а рядом с ней Петра Михайловича и двух рабочих с дубинами в руках.

— Где Машенька? — крикнул я.

— Как где? Дома! Что за вопрос? Её здесь не было.

Пётр Михайлович даже побледнел. Я бросился обратно к машине.

— Николай, где ты видел Машу?

Николай показал рукой.

— Да ведь в том же направлении скрылся и кабан! — вскричал Пётр Михайлович.

Мы опять в машине. Ударяемся и бьёмся о стенки и крышу. Едва удерживаемся на ногах, ухватившись за поручни.

— Здесь! — кричит Николай.

Выскакиваем, озираемся вокруг — ничего! Разбрелись по лесу. Ищем следы ужасного происшествия — опять ничего!

— Кабаний след! — кричит Ольга Антоновна.

Бросаемся к ней и шагов пятьдесят идём по кабаньему следу, явственно отпечатавшемуся на мягкой земле.

И вдруг, откуда-то сверху, с неба, слышится тоненький, прямо-таки ангельский голосок:

— Дядя Боря! Дядя Петя! Я здесь!

Высоко на корявом дубе удобно устроилась на суку наша Машенька. Ох! Прямо гора с плеч!

— Как ты сюда попала, деточка? — спрашивает Пётр Михайлович, едва отдышавшись от радости.

И деточка невинно отвечает:

— А я отпросилась погулять, и меня отпустили. Вот я шла и шла по лесу — собирала малину. Потом вижу — едет на машине дядя Коля и что-то мне кричит. Только я не услышала, что он кричит, и пошла дальше. А потом увидела, — бежит по лесу такая большая-большая чёрная свинья; я испугалась и сразу забралась сюда на сук. Свинья похрюкала-похрюкала и побежала вон туда. По-

том за свиньёй побежали люди, а с ними Иван Макарович и Андрюша. Они меня не видели, а я не хотела слезать, — здесь очень хорошо и всё видно. Это откуда такая большая свинья?

Хитрая девчонка делала вид, что ничего не знает про кабана и не заметила переполоха, который она устроила.

— Так вот что, — сказал Пётр Михайлович, успевший немного успокоиться, — если тебе там так хорошо, так и сиди, пока я тебе не позволю слезть. А если слезешь без моего разрешения, то я потребую, чтобы тебя сегодня же отправили домой, в Москву.

— Ты понимаешь, Машенька, что могло бы случиться из-за твоего баловства? — спросил я.

— Понимаю и никогда больше не буду! — послушно сказала она. — Честное пионерское! — И тут же прибавила с улыбочкой: — Ваша Таня, наверное, никогда бы так не делала? Да?

— Ну вот и сиди здесь в наказание, пока мы не поймем кабана, — сказал суровый Пётр Михайлович, — хоть до ночи.

— Хорошо, — покорно ответила Машенька.

От сердца немного отлегло, но кабан-то ведь на воле, и мало ли, что ещё может случиться: это зверь свирепый и страшный.

— Пётр Михайлович, что вы успели предпринять?

— Чтобы не дать ему далеко уйти и точно знать, где он находится, вслед за ним сразу же бросились все, кто здесь был. Операцией руководит Иван Макарович; он приказал людям обходить кабана с двух сторон. Меня и этих двух ребят, — указал Пётр Михайлович на видневшихся невдалеке рабочих, — он оставил здесь, чтобы соорудить загон — ловушку для кабана. И дожждаться вас.

Мы уже подходили к вольеру.

Двое рабочих, отложив в сторону дубинки, приготовленные на случай нападения кабана, устанавливали переносные решётки. Они укрепляли их с двух сторон от ворот, ведущих в вольер, так, чтобы получился загон в форме воронки. Узкий конец воронки должен упереться в открытые ворота, а широкий должен расходиться в глубь леса, в ту сторону, куда скрылся кабан.

Удалось бы только подогнать зверя к загону, а там уж ему останется только одна дорога — к узкому концу воронки и дальше в ворота вольера.

— Что сделано, чтобы оповестить местных жителей?

— Пока ничего. Успели только послать за вами на базу, — ведь прошло всего минут двадцать; к тому же нет ни свободных людей, ни лошади, ни велосипеда. Сейчас пошлём Николая в правление ближайшего колхоза — это километров восемь отсюда, — пусть оттуда позвонит в милицию и в Камышево.

— А как же пионерлагерь? Ведь их предупредить нужно в первую очередь, — там же дети!

— О ты, господи! — вскрикнул Пётр Михайлович. — Как же это я? Совсем из головы выскочило. Напрямик здесь километра три, но ехать на машине круглым путём — будет все десять!

В это время послышался приближающийся топот, и на разгорячённой лошади, в которой я сразу узнал Катку, появился перед нами Лёва.

После нашего внезапного отъезда он спешно убрал аппаратуру, схватил на конюшне зообаза подвернувшуюся ему Катьку и примчался сюда без седла и без разрешения.

Лёве, а ещё больше Катьке, я очень обрадовался.

— Лёвочка, немедленно скачите через лес и через речку к пионерлагерю, предупредите, чтобы всех ребят собрали в лагерь и не выпускали, пока не будет дан отбой. Оттуда езжайте немедленно на туристскую базу, предупредите и там. Потом спешно возвращайтесь сюда, здесь вы будете очень нужны, и обязательно приведите Джульбарса.

— Не только сам возвращайся, — добавил Пётр Михайлович, — но попробуй быстро мобилизовать побольше взрослых мужчин. У кого есть, пусть захватят с собой ружья. А Джульку приведи на цепочке!

— А ты что стоишь? — недружелюбно обратился он к шофёру Коле, — не слышал, что ли? Мигом дуй в сельсовет, предупреди колхозников и позвони в Камышево!

Через несколько секунд Коля — в машине и Лёва — на Катьке скрылись в лесу.

— Ну пошли, Леонид Матвеевич!

— Я тоже с вами, — сказал Пётр Михайлович.

— Нет уж, дорогой! Вам придётся остаться здесь; нельзя нарушать приказ главнокомандующего; а сейчас всеми командует Иван Макарович.

Пётр Михайлович был явно недоволен, хотя и чувствовал мою правоту.

— Самое важное сейчас, — продолжал я, — это быстро построить как можно более длинный и широкий загон. На помощь вам сюда будут прибывать люди. Наверное, придет и милиция. Оставайтесь командовать здесь, прошу вас! А Ольгу Антоновну советую отрядить вместе с Машенькой домой.

— Не сердитесь, дорогая, — вы хоть и отличная дрессировщица, однако ваше искусство сейчас вряд ли может понадобиться!

— Вы правы, — согласился Пётр Михайлович, — шлите сюда связного, чтобы мы были в курсе дела. Ольга

Антоновна, а вас я попрошу снять эту отчаянную девчонку с дерева и привести сюда. Когда вернётся Николай, мы отправим вас на базу.

— Пошли,— сказал Леонид Матвеевич,— ждите: вскоре пригоним беглеца обратно.

Захватив ружья, мы с Леонидом Матвеевичем устремились по кабаньему следу.

„ТОРЕАДОР, СМЕЛЕЕ В БОЙ“

Всё дальше и дальше пробирались мы через заросли папоротников, кустарников, через бурелом и коряги, здесь и там обнаруживая кабаньи следы, примятую траву и поломанные сучья. Дубовый лесок уже кончился, и следы вели по направлению к знакомому нам небольшому болотцу, поросшему осокой и окружённому орешником и старыми ивами.

— Это хорошо,— сказал Леонид Матвеевич,— добравшись до болота, кабан оттуда нипочём не уйдёт, пока стоит такая жарница. Наверное, наши уже обнаружили его там.

Мы прошли километра полтора, никого не встретив по пути, и уже подходили к болотцу.

— Пойдите! Слушайте! — остановил меня Леонид Матвеевич. — Кто-то поёт?! Вы слышите?

Действительно, впереди, метров за двести от нас, как раз по направлению кабаньих следов послышалась песня.

Мужской красивый и звучный голос пел арию:

Что день грядущий мне готовит...

Этого ещё не хватало! Кто-то, ничего не подозревая, мирно прогуливался около болотца, как раз на пути кабана, и его голос на секунду показался мне знакомым.

Мы заторопились. Надо немедленно предупредить неизвестного о грозящей ему опасности. Вскоре мы были уже на краю болота и, раздвинув кустарники, замерли от

удивления: почти на середине болота, ближе к другому берегу, барахталась в грязи и в тине огромная тёмная туша. Кабан, хрюкая, взрывал мордой грязь и получал огромное удовольствие, а тут же рядом, шагах в десяти от него, стоял прислонясь к дереву на небольшом мыске Андрей и громко пел:

Паду ли я, стрелой пронзённый? . .

Кабан слушал песню, купался, безмерно наслаждался и не обращал на Андрея совершенно никакого внимания.

Ну и ну! На секунду стало даже смешно. Чтобы не привлекать внимания кабана, мы бесшумно обошли болотце кругом и вышли к мысочку, на котором устроился Андрей.

Я тихонько окликнул его, и он подошёл к нам.

— Андрей, в чём дело? Что вы здесь затеяли?

— Где остальные? И что это за концерт?— вполголоса засыпали мы его вопросами.

Андрей ответил нам шёпотом:

— Мы догнали кабана, когда он уже добрался до этой лужи. Иван Макарович велел мне наблюдать за малюткой вон с того дерева, но оттуда плохо видно, и я перебрался сюда поближе, чтобы не упустить её из вида и вовремя дать сигнал, если она вздумает удрать. Иван Макарович решил окружить свинушку и дожждаться здесь, пока не будет выстроен загон. Сейчас он расставляет людей так, чтобы во время гона у кабана остался только один путь — к вольеру.

— Всё это хорошо, но лезьте лучше на дерево, — здесь вы подвергаетесь излишней опасности.

— Что вы, Борис Александрович, ведь это же совершенно мирная и безвредная скотинка; как говорится, — «Бог не выдаст, свинья не съест». Смотрите, ей нет до нас никакого дела, лишь бы ей не мешали купаться в грязи, — ведь какая жарница-то стоит.

— А с чего это вы ещё песни поёте?

— Это для того, чтобы наши слышали, что я на посту, что свинья, значит, тоже на месте и всё в порядке. А хрюшке мои песни даже нравятся. Смотрите, — перестал я петь, и она уже ищет меня.

Действительно, кабан приподнялся и начал озираться.

— Видите, она уже ко мне привыкла, и ей явно не хватает моих песен. Разрешите, я опять чего-нибудь ей спою, а то наши начнут беспокоиться.

— Ну, пойте, — улыбнулся я. — Но всё-таки это не она, а он! А где Иван Макарович?

Андрей указал нам направление. Выбираясь из болотца, мы слышали, как он снова запел, а где-то далеко, едва слышно, горн заиграл пионерский сбор.

Нашли мы Ивана Макаровича тут же невдалеке, шагов за сто. Он только что расставил людей и теперь сидел на пенёчке, поглядывал на небо и давал какие-то указания «Мите — на все руки». Увидев нас, он обрадовался:

— В нашем полку прибыло, — вместе с вами полк теперь насчитывает уже десять человек. Сейчас разведу вас на посты!

Кроме Андрея, Мити, Трофима Афанасьевича и троих наших рабочих, с базы успел за это время прибежать ещё молодой дрессировщик — Миша.

— Так давайте начинать облаву! — предложил Леонид Матвеевич.

— Нет, не давайте! Петру Михайловичу необходимо время, чтобы он успел построить загон подлиннее. Пока стоит такая жара, кабан из воды никуда не уйдёт. Только бы солнце не зашло, — и Иван Макарович опять с беспокойством оглядел небо: вдалеке на горизонте появились маленькие, но опасные облачка.

— К тому же нас всё ещё маловато.

Я рассказал о мерах, принятых Петром Михайловичем, и передал Жданову принесённые нами ружья.

— Это хорошо, — сказал он. — Не исключено, что ружья нам действительно понадобятся. Очень не хочется, но может случиться, что кабана придётся и пристрелить, если он не пойдёт в загон и бросится на людей! Митя! Отправляйся, дорогóй, спешно к Петру Михайловичу, предупреди, что в нашем распоряжении не больше как часа полтора — два. Пусть поторопится с постройкой загона; что-то не нравится мне небо, — не пошёл бы дождь. Скажи ещё: когда вернутся Лёва и Коля, пусть соберут и привезут сюда побольше всякого гремучего хлама; тазов, банок, листов железа, ну всё, что им удастся собрать. Помните? — улыбнулся Жданов в мою сторону, намекая на тот грохот, который я устроил, помогая ему загонять рысь.

— Всех свободных от постройки людей веди сюда! — негромко крикнул Иван Макарович вслед скрывшемуся в кустах Мите. Затем он проводил нас на наши посты и дал указания, как себя вести во время облавы.

— Я и Миша с ружьями будем держаться поближе к кабану, и если где-нибудь возникнет действительная опасность, то ничего не поделаешь, — придётся нам его прикончить; однако, надеюсь, что до этого не дойдёт.

Наши посты оказались у самого края болота. Когда погонят кабана, он обязательно должен будет пройти где-то недалеко от нас.

Расставив людей, Иван Макарович вернулся ко мне; и, выбрав место посуше, мы с ним присели.

— А молодец ваш Андрей: умница, очень способный и к тому же отчаянный парень. Люблю я таких... — сказал Жданов, прислушиваясь к песне Андрея.

— А песня не может испугнуть или растревожить кабана?

— Нет, что вы. Ведь, в связи с погрузкой да с погодой, вокруг кабана было столько шума, что эта песня для него уже не шум. К тому же Андрей поёт не умолкая, а зверя может испугнуть только неожиданный звук или неожиданная тишина; уж скорее кабан может встревожиться, если песня вдруг оборвётся. — Помолчав минутку, Иван Макарович продолжал:

— И вообще хорошие и смелые у вас ребята — и Андрей, и Лёва, и Митя, и Коля. Такие ребята особенно ярко раскрываются в момент опасности.

Я сразу вспомнил недавнее поведение Николая в лесу при встрече с кабаном и покраснел. Вот те и ребята! Рассказать, что ли, Ивану Макаровичу? Мне было стыдно за Колю, но всё же я рассказал про случай с Машенькой.

— Н-да! — Жданов нахмурился и замолчал. — А знаете, — через минуту сказал он, — ведь это ещё вовсе не значит, что ваш Коля трус по природе. Ведь все люди в минуту опасности испытывают страх, только большинство умеют взять себя в руки и не выказывают свою боязнь; такие считаются храбрецами. А ваш Коля, наверное, впервые столкнулся с настоящей опасностью, не совладал с собой и сделал гадость. Я уверен — он сейчас переживает тяжёлые минуты стыда и очень мучается.

— Давайте дадим ему возможность оправдаться перед самим собой и перед другими, — предложил я.

— Обязательно! — сказал Жданов. — Когда он придет, я поставлю его на пост поближе к кабану.

Ужасно душный день. Я взглянул на часы, — было около часа дня.

Недавно ещё маленькие, чуть видимые на горизонте, тучки превратились в большие, похожие на мятные пря-

ники, предательски растущие облака. Ветра не было, и облака, казалось, сами возникали на небе из ничего, из белёсой знойной хмари. Они всё чаще закрывали солнце, но это не уменьшало духоту. Возникла опасность, что скоро затянет всё небо и может пойти дождь.

За это время прибыла подмога: Лёва с Джульбарсом на цепи, Митя, Николай, два пионервожатых из лагеря и завхоз из туристской базы. Джульку Лёва передал мне и я приказал псу лежать тихо, однако с цепи не спустил.

Жданов расставил вновь прибывших по местам, проинструментировал их и роздал привезённые на УАЗе «инструменты для джаз-оркестра».

Одно ружьё он дал Мише, другое оставил себе.

Мне достался кусок жести.

Колю Иван Макарович поставил на стражу у дерева шагов за двадцать от нас, нарочно так, чтобы нам не упустить его из виду. Примерно на таком же расстоянии друг от друга находились и другие «охотники».

Оставшись один, недалеко от кабана, Коля, наверное, чувствовал себя неважно.

Казалось, — всё готово, однако Жданов ещё не начал военных действий.

Послышались первые далёкие раскаты грома. Становилось всё более душно. Рубашка прилипла к телу.

«Счастливей кабана, — подумал я. — Ему небось там, в болоте, прохладно и уютно, не то что нам здесь, в этой бане, среди туч пожирающих нас комаров.

И курить нельзя, и смазаться нечем».

Джульбарс тихо и терпеливо лежал у моих ног, хотя и его тоже одолевали комары и слепни.

Несчастный Андрей охрип; он уже дважды пропел весь свой репертуар, однако продолжал петь, давая знать, что кабана на месте. Не пора ли и на самом деле начинать облаву?

Как бы отвечая моим мыслям, Андрей вдруг запел громче прежнего. Он пел: «Тореадор, смелее в бой...»

В его голосе звучал призыв; всем было ясно, что это он убеждает нас скорее начинать облаву.

В этот момент, наконец-то, появился долгожданный связной от Петра Михайловича с вестью, что загон готов и можно начинать.

Снова, но уже ближе, донеслись раскаты грома.

Иван Макарович встал и звучным голосом, на весь лес скомандовал:

— Приготовились! — и через три секунды: — Начали!

Эта команда до смешного напоминала привычную обстановку киносъёмок, даже захотелось крикнуть: «Андрей, — номер!»

Но Андрей и без этого выкинул очередной номер: я увидел, как он выскочил из своей засады прямо в болото, что-то заорал во весь голос и запустил в кабана заранее припасённым камнем. Почти одновременно с этим, послышались крики, стук и лязг.

Кабан вскочил и посмотрел в сторону Андрея. Казалось, он сейчас бросится на него, однако уstraшённый непонятным шумом и появившимися сзади Андрея людьми, выбрался из болота и побежал в лесок налево. Не в сторону загона, а налево. Однако и с этой стороны его ждала засада во главе с Мишей. Отсюда тоже слышались крики, шум и тоже появились люди. Кабан развернулся и бросился в другую сторону, туда, где находился я с Джульбарсом, Коля и Иван Макарович.

Пришло время действовать и нам. Я видел, как Коля, спрятавшись за дерево, отчаянно заколотил по тазику; однако поста своего он не бросил.

Не выпуская цепочку, я выступил из укрытия навстречу кабану, забарабанил дубинкой по своей жестянке и грозно закричал.

Джульбарс рычал и рвался вперёд, но я его не выпускал, так как Джулька был наш главный козырь, последний шанс остановить кабана, если зверь прорвёт блокаду и бросится наутёк.

Кабан на секунду остановился. «Лишь бы только он с перепугу не бросился на нас, — подумал я. — Тогда крышка!» Конечно, не нам, а ему крышка, — я отлично знал меткость Ивана Макаровича и Миши.

Как только кабан остановился, помня указания Жданова, наша линия обороны сразу же прекратила шум. Кабан озирался: с левой стороны его только что напугала команда Миши, с правой — он нарвался на нас, а сзади — продолжался грохот нападающего на него третьего отряда во главе с Андреем. Ничего не оставалось делать, как броситься в четвёртую, свободную сторону, туда, где было тихо и, казалось, ничто не грозит, — иначе говоря, в сторону загона. Так кабан и сделал. Начало удачное.

Сдерживая Джульку, я бросился вперёд, чтобы преградить кабану дорогу направо. Впереди меня, немного опережая кабана, бежал с ружьём в руках Иван Макарович. Сзади, шагах в двадцати, следовал Николай, а за ним, с такими же интервалами — остальные загонщики нашей команды.

Каждый раз, когда кабан останавливался, останавливались и мы, но сзади всё время слышался грохот, производимый отрядом Андрея, и кабан опять устремлялся вперёд.

Загонщики перебегали от дерева к дереву так, чтобы в случае нападения кабана успеть скрыться или спастись на дереве по способу Машеньки. Если кабан сбивался в сторону от намеченного пути, то навстречу ему раздавался лязг, звон, стук, и он опять то шагом, то бегом двигался вперёд по направлению к вольеру.

Так постепенно приближались мы к цели.

Я оглянулся: Коля был по-прежнему шагах в двадцати сзади меня и держался не хуже других, когда кабан сворачивал в нашу сторону. То там, то здесь между деревьями перебегали люди, а с двух сторон, ближе всех к кабану, всё время оказывались Иван Макарович и Миша. Далеко впереди, в просвете между редкими деревьями, я заметил ещё нескольких загонщиков — это были люди Петра Михайловича. Освободившись от постройки загона, они выстроились по обе его стороны и теперь двигались навстречу нам.

Цель была близка. Оставалось всего лишь сотня шагов от устья загона, как вдруг кабан остановился и, несмотря

на крики, шум и грохот, производимые отрядом Андрея, не двигался с места.

Зверю было жарко; ему хотелось обратно в болото; ему ужасно надоели эти назойливые люди. Кабан начал свирепеть и решительно повернулся назад, издавая грозные звуки, одновременно напоминающие и рычание, и визг, и хрюканье. В этот момент он действительно был страшен: обнажились грозные клыки, из пасти свисали клочья пены. Налитыми кровью маленькими глазками он несколько секунд озирался по сторонам, как бы выбирая жертву или ища наиболее слабое место в нашей обороне. Воинственный рёв и устрашающий вид затравленного зверя были в этот момент настолько грозны, что от неожиданности все немного растерялись и воцарилась полная тишина, — слышались только свирепые звуки, издаваемые кабаном.

Вдруг, дрожа от ярости, зверь тараном бросился вперёд на загонщиков. Иван Макарович и Миша вскинули ружья, но стрелять было опасно, — со всех сторон находились люди. В тот же миг я спустил Джульбарса, и он стрелой кинулся наперерез кабану.

Вот тут-то и произошло самое неожиданное.

В тишине, нарушаемой только хрипом кабана, рядом со мной вдруг раздался дикий крик, напоминавший мне воинственный клич вождя команчей, и я увидел, как из-за ближайшего дерева навстречу кабану выбежал бледный от страха Коля. Он изо всех сил колотил палкой по своему дырявому тазику и истошным голосом кричал:

— Пошла вон, свинья! Понимаешь — нет, пошла вон!

Кабан, не замедляя бега, повернул в сторону Коли, но в то же мгновенье Джульбарс вцепился ему в ухо и повис на нём.

Загонщики пришли в себя — и опять грянул оглушительный грохот неистового «джаз-оркестра», всего сводного отряда загонщиков, подтянувшихся к устью загона.

На полном ходу, взрывая землю мощными копытами, кабан остановился. Пригнув морду, он пытался прижать Джульку к земле таким же приёмом, каким он вчера хо-

тел разделаться с волком, однако пёс ловко увёртывался, не выпуская кабаньего уха.

Иван Макарович и Миша, держа ружья наготове, были в нескольких шагах от кабана, но стрелять опять-таки не решались, опасаясь попасть в Джульбарса.

В следующий момент кабан могучим рывком головы стряхнул с себя Джульку, оставив в его зубах кусок уха и клочок шерсти. Затем он тут же развернулся и со всех ног бросился в свободное пространство, иначе говоря, в загон. Стрелять уже было не нужно.

Кабана по пятам преследовал Джульбарс и провожал грохот железа и жести. Направляемый суживающимися решётками загона, не замедляя бега, зверь пулей влетел в ворота вольера, которые Трофим Афанасьевич гостеприимно открыл перед ним и сразу же захлопнул перед самым носом Джульбарса. Чуть не ударившись с разбегу о решётку, Джулька остановился и недовольно заскулил — то натравливают на кабана, то не пускают догнать.

Шум сразу прекратился. Кабан оказался опять в кругу своей семьи, среди кабанят и кабанихи, которые сгруппировались в дальнем конце вольера, испуганные поднятым нами шумом.

Я уже несколько раз звал к себе Джульбарса, но он лишь теперь услышал мою команду и вернулся, весь дрожа от возбуждения только что прошедшей схватки.

Пёс вилял хвостом и засматривал мне в глаза, ожидая похвалы. Казалось, он спрашивал: «Ну, каково? Недурно я с ним разделался?» К моим ногам Джулька положил клочок жёсткой, колючей шерсти и кончик кабаньего уха, которые всё время не выпускал изо рта. Я погладил собаку:

— Да, ты действительно молодец, но тебе ведь не впервой проявлять свою храбрость. А каково было Коле? Вот кто действительно показал себя сегодня молодцом!

У вольера толпились люди, горячо обсуждая сегодняшнее происшествие, а невдалеке я заметил притаившегося за кустом, одиноко сидящего на пенёчке Колю. Я подошёл к нему. Коля тоже дрожал. Он ещё и сам не понимал, что случилось: как это он мог решиться на такой геройский поступок? Я протянул Коле портсигар:

— На закури, герой! — Коля благодарно улыбнулся. Почти одновременно к Коле подошёл Андрей и ещё несколько человек.

— Ничего, из тебя выйдет толк, — сказал Андрей, покровительственно похлопывая его по плечу. — Правда, ты ещё не совсем человек, но уже учишься на человека и, кажется, подаёшь надежды. Понимаешь — нет?

— Андрей, — сердито сказал я, — идите умойтесь. На кого вы похожи?

Андрей был весь в болотной грязи, с ног до головы. С лица его, смешиваясь с грязью, стекали струйки пота.

— Какой ты красивый, Андрюшенька! — раздался насмешливый голос Лёвы. — Не назови тебя Борис Александрович, — ей-богу, не узнал бы... разве только по походке. А ну-ка пройдишь!

Андрей подбоченился и прошёлся перед Лёвой.

— Что-то не то! Наш Андрей был орёл, а это — болотное чучело, едва ноги волочит. А может, это и не ты вовсе? Надо проверить по почерку. Распишись!

— А поди ты к чёрту! — обозлился Андрей.

Вокруг все смеялись, в том числе и Коля, довольный, что Лёва отвлёк от него внимание окружающих.

Где-то невдалеке блеснула ослепительная молния, и сразу же прямо над нами грянул гром, да такой сильный и раскатистый, что от неожиданности многие втянули головы в плечи и даже присели. Налетел ветер, упали первые крупные капли дождя.

— Эх, — сказал Лёва, — такой бы ударчик, да пораньше, — кабан давно уже был бы в вольере!

От сильных порывов ветра, предвещавших большую грозу, сердито забормотали жёсткие, кожистые, заблестевшие от дождя, дубовые листья. Посыпались на землю незрелые, зелёные жёлуди. Взлетели в воздух, закувыркались и загремели листы железа и консервные банки.

Пётр Михайлович предложил рассаживаться по машинам. Однако никто не захотел ехать в душном, закрытом автобусе или трястись в кузове грузовика; решили возвращаться на базу пешком через лес: всё равно все были мокры и от пота, и от болотной воды, и от начавшегося дождя. Тёплый, но освежающий дождь принёс огромное облегчение после духоты и напряжения сегодняшнего дня.

Только мы собрались было в путь, как из леса послышался шум мотора и к нам подъехала ещё одна машина. Из грузовика один за другим начали выпрыгивать охотники. Они были в высоких, болотных сапогах, в кожаных или брезентовых куртках и в полном охотничьем снаряжении.

В кузове повизгивали собаки. Оказалось, что это члены охотничьего общества из соседнего городка Камышева.

Узнав через милицию о бегстве кабана, председатель общества решил, что невозможно упустить такую редчайшую возможность поохотиться в местных лесах на настоящего дикого кабана.

Он быстро собрал всех желающих членов общества. Они тут же выехали на охоту. Однако, не зная точно, где нас найти, они долго плутали и только сейчас оказались на месте происшествия.

Охотников встретили добродушными шутками и смехом. Кто-то посоветовал им «обложить вольер», другой остряк предложил «по такому непредвиденному случаю выпустить кабана обратно в лес».

Петру Михайловичу стало неловко за эти шутки; он почувствовал себя в чём-то виноватым перед охотниками и начал извиняться. Он сказал: «Мы, к сожалению, кабана уже поймали». Это «к сожалению» вызвало новый прилив веселья, и сконфуженные охотники не стали задерживаться.

Тронулись в дорогу и мы, оставив у вольера двоих дежурных. Кое-кто скинул рубашку и даже брюки; в одних трусах приятно было подставлять разгорячённое тело под освежающие струи ливня. Перекрывая шум дождя, Андрей снова затянул песню:

Чтобы тело и душа были молоды,
Были молоды, были молоды,
Ты не бойся ни жары и ни холода,
Закаляйся, как сталь!

Хор лихо подхватил припев.

Когда мы подходили к базе, то гроза уже прошла, снова сияло солнце, деревья нас осыпали сверкающими,

бриллиантовыми каплями и где-то вдалеке погромыхи-вали удаляющиеся раскаты.

Прежней духоты как не бывало.

Все были свежи и сверкали чистотой. Дождь смыл грязь не только с лица и с тела, но и выстирал наши одежды. Даже Андрей выглядел совсем прилично.

На крыльце нас, как героев, встретили женщины — Ольга Антоновна, Прасковья Сергеевна и Клава, а за их спинами пряталась от Петра Михайловича провинившаяся Машенька.

Прошло ещё несколько дней, и мы успели снять здесь всё, что нам было нужно. Позавчера получили, наконец, из Москвы всю проявленную плёнку, просмотрели её на экране и убедились, что всё в порядке: Леонид Матвеевич и Лёва оказались на высоте — снимки прекрасные.

Значит, здесь всё!

Прощай зообазы; прощайте, сотрудники и помощники; прощайте, запертые в вольерах и клетках питомцы и воспитанники. Хоть подчас и трудно было, и утомительно, и жарко, но всё же хороших воспоминаний куда больше, чем плохих; даже семейство кабанов и то когда-нибудь вспомним с удовольствием.

Впрочем, я зря сказал «прощайте»; гораздо вернее сказать «до свидания», так как ещё не раз нам, наверное, придётся обращаться сюда за помощью и советом к Ивану Макаровичу и пользоваться услугами зообазы. А сейчас в путь.

Фильм далеко не окончен, — впереди ещё много важных и ответственных съёмок. Путь наш лежит теперь на Ставрополь. «Героя» — Колю — на УАЗе мы отправляем в Ленинград с лишним багажом, с плёнкой, с операторским краном.

Прасковья Сергеевна через недельку после нас вылетит в Ставрополь; она привезёт туда Ольгу Антоновну и её ассистента Мишу, которых мы пригласили помочь нам в дальнейших съёмках. Они приобретут в зооцентре двух наиболее свирепых волков и отправят их в Ставрополь грузовым самолётом; с ними прилетит туда и Джульбарс.

На холмистых просторах Ставрополя пасутся несметные отары овец; их оберегают от волков свирепые кавказские овчарки; там мы будем снимать сцены нападения волков на овец. Это главное, для чего мы туда едем и для чего везём с собой волков.

Джультбарс будет «дублёром», то есть будет подменять волка в случае, если настоящий волк что-либо проделает не так, как полагается. Опасно, конечно! Ведь дело придётся иметь со свирепыми кавказскими овчарками; но думаю, что нашего Джультку мы сумеем уберечь.

С Машенькой мы уже распрощались; у неё окончились съёмки по картине «Девочка и медведь», и завтра рано утром она возвращается в Москву. Скоро начинаются занятия в школе, и она так же, как и моя Танька, должна подготовиться к 1 сентября. Обе они идут во второй класс.

— Дядя Боря, а вы умеете держать своё честное пионерское? — спросила она на прощанье. — Будете за меня хлопотать перед папой и мамой?

— Обязательно, Машенька! Я уже написал им письмо, а по дороге в Ленинград, наверное, встречу с ними. Уверен, что ещё этой же зимой, на каникулах, ты повидаешься с Таней и Джульткой.

— А вы будете мне писать о Джультке?

— Буду! А ты? Наверное, скоро нас позабудешь?

— Ой, вы меня ещё плохо, очень плохо знаете! — сказала она укоризненно. — Если я сказала, что буду, — значит, буду. И вам, и Джультке отдельно. Только жаль, что он не умеет читать!

В КОШАРАХ

Я сижу сейчас у открытых дверей небольшой хибарки — сторожки чабана Куриджанова из седьмой кошары.

Нары для спанья, грубый стол, две табуретки, керосиновая лампа, котелок, две миски, ведро — вот, кажется, и всё скромное оборудование временного жилища чабана.

В открытую дверь иногда залетают бабочки и какие-то жуки, врывается крепкий, дурманящий запах степных трав и слышится несмолкаемый треск кузнечиков.

Солнце опускается за отдалённые холмы, усеянные белыми точками — овцами. Кажется, что по бархатным зелёным подушкам рассыпали рис; крупинки его медленно перекатываются с места на место, а между ними то там, то здесь проползают чёрные муравьи — это верховые чабаны, сгоняющие на ночь отары.

Ещё несколько минут — и солнце, на секунду очертив яркими серпами вершины холмов, скроется за ними и сразу настанет ночь. Темнеет здесь быстро, не как у нас на севере.

Я жду Петра Михайловича. Вот-вот он должен вернуться из Ставрополя с последними новостями.

Не терпится узнать результаты его переговоров с зооцентром и с директором нашей киностудии. Предчувствую, что опять у меня будет с Петром Михайловичем тяжёлый разговор, связанный с судьбой Джульбарса, которому грозит сейчас нешуточная опасность.

Какой найти выход из создавшегося положения? Это тревожит всех нас уже не первый день, и кажется, благополучный выход найти невозможно. Впрочем, расскажу всё по порядку.

В небольшом совхозном посёлке, километров в восьми отсюда, внизу под холмами находится наша основная база. Там живут наши женщины, большинство мужчин и с ними Джулька; они у нас так и называются: «поселковцы».

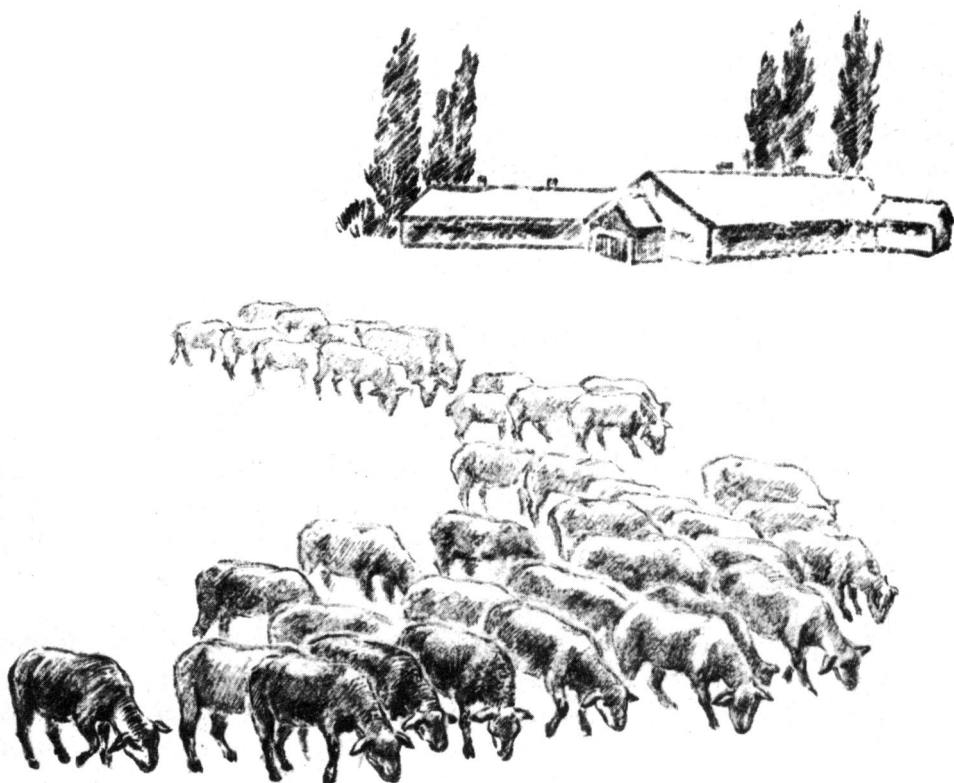
А мы «кошаровцы». Это Леонид Матвеевич, Лёва, Андрей, Митя и я.

Кошара — это своего рода полевой стан, находящийся непосредственно на пастбище.

В каждой кошаре по несколько тысячеголовых отар овец. Шесть — восемь чабанов, два десятка кавказских овчарок и ещё какие-то маленькие собачонки, на которых мы вначале не обратили внимания, пасут здесь овечьи отары.

Для съёмок мы выбрали седьмую кошару, с наиболее опытными чабанами и свирепыми овчарками.

Я и Леонид Матвеевич, который сейчас тихонько похрапывает на нарах, поселились в хибарке старшего чабана Куриджанова. Сам Куриджанов сегодня на холмах с отарами.

Андрей и Лёва — рядом в палатке.

С утра мы — «кошаровцы» — уже на месте съёмок и в случае необходимости можем сразу же приступить к работе, не дожидаясь приезда остальных.

Сюда же, в кошару, доставлены и волки. Их клетки находятся неподалёку в овражке, под охраной и наблюдением «Мити — на все руки». Мы решили начать здесь с наиболее сложной съёмки, — со съёмки волка, нападающего на овец.

В таких беспредельных, открытых просторах, при таких больших стадах никаких вольеров, конечно, строить нельзя. Придётся волка выпустить на волю, но нужно сделать это так, чтобы он оказался обязательно среди овец и напал бы на них. Как это сделать? Как направить его прямо в отару?

И вот мне вспомнилось, как мы загоняли вырвавшегося на волю кабана: попав в широкий конец загона, кабан, хочешь не хочешь, должен был бежать к узкому концу воронки и кончил своё бегство за воротами вольера. Появилась мысль — для волка тоже нужно построить загон, но сделать всё наоборот: нужно выпустить его в узкий конец загона, а там, ограниченный с двух сторон решётками, он обязательно выйдет прямо на отару, где его будут подстерегать замаскированные собаки и мы с аппаратами.

Посоветовавшись, так и решили сделать.

Пока на холмы доставлялось из Ставрополя нужное количество решёток, пока Пётр Михайлович строил загон, Ольга Антоновна с Мишей ежедневно подвозили клетки с волками на холмы и на несколько часов в день оставляли их вблизи от пасущихся овец. Эти репетиции в равной степени оказались нужны и для волков, и для овец, которые вначале выказывали беспокойство и тревогу, но затем довольно быстро успокаивались.

После всех переездов и новых впечатлений первое время и волки вели себя беспокойно, но, как говорится, «голод не тётка», и вскоре всё их внимание оказалось устремлённым на отару. Ещё бы, — волки были

голодны и злы, а тут рядом, как сказал Лёва, «бродят сплошные шашлыки!»

Ещё несколько дней — и загон будет готов, волки тоже будут подготовлены.

ДУСЬКА И ДЖУЛЬБАРС

Тем временем мы занимались и другими съёмками. Очень любопытно было наблюдать за стадным поведением овец.

При переходах они обыкновенно движутся сплошной массой, тесно прижавшись друг к другу; и если идущая впереди овца случайно сворачивает в сторону, то за ней шарахается сразу и всё стадо.

Не только овцы, но и большинство других стадных животных при переходах следуют друг за другом, а главным образом за вожакom и во всём подражают ему.

Как-то в перерыве между съёмками подбегает ко мне Андрей и ещё издали кричит:

— Борис Александрович, какую уморительную сцену я наблюдал по ту сторону холма! Часть отары спускалась вниз по склону, а на их пути лежал небольшой камень. Идущая впереди овца почему-то не обошла этот камень, а перепрыгнула через него.

Остальные последовали её примеру и тоже начали перепрыгивать через этот камень. И знаете что? Овцы устроили даже нечто вроде очереди; они терпеливо толпились перед камнем, дожидаясь, пока наступил их черёд, хотя вокруг было сколько угодно свободного места и ничего не стоило обойти камень сбоку. Что это? Игра? Состязание? Или просто глупость?

— Андрей, это инстинкт. А сила его такова, что заставляет порой совершать даже бессмысленные поступки. Животное не может идти наперекор инстинкту!

— Но к чему это? Ведь вы сами говорили, что природе противна всякая бессмысленность.

— Я и сейчас это не отрицаю. Бессмысленное на первый взгляд подражание на самом деле приносит животным большую пользу. Подражая старшим и особенно вожаку, они перенимают много полезных навыков; это очень помогает им в жизни. Из всех животных, пожалуй, у овец стадность и подражание выражены наиболее ярко; но в данном случае подражание было, конечно, бессмысленным. То, что вы сейчас подсмотрели, было бы интересно снять для нашего фильма; жаль только, что повторить такую сцену невозможно.

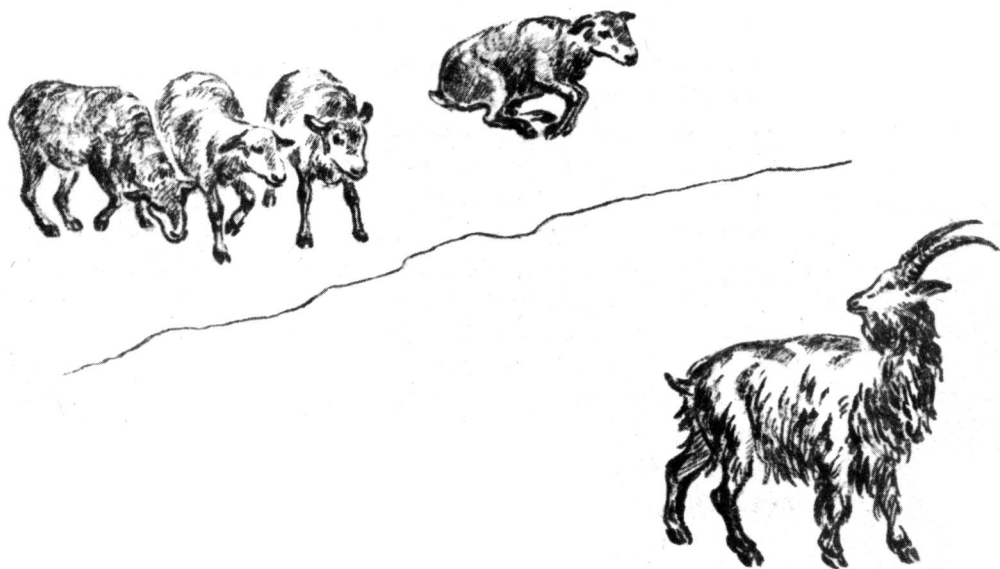
— Пойдите,— вмешался Леонид Матвеевич,— давайте попробуем сделать такой опыт...

По совету Леонида Матвеевича, мы сняли очень любопытную и смешную сценку.

На пути следования отары к водопою протянули верёвку на высоте немного более полуметра от земли.

Впереди стада выступал красавец козёл, с прекрасной козлиной бородкой и острыми, изогнутыми рогами.

Нужно сказать, что очень часто в стадо овец пускают вожаком не барана, а козла, как значительно более умное и сообразительное животное, а дурам овцам всё равно, за кем следовать, лишь бы было за кем.

Подойдя к верёвке, козёл высоко подскочил и перепрыгнул через неё. Тотчас же верёвка была опущена вниз на землю. И что вы думаете? Одна за другой овцы начали высоко подпрыгивать через лежащую на земле верёвку.

Мало этого, — я попросил Трофима Афанасьевича совсем выдернуть верёвку из-под ног овец. И всё равно, на этом гладком месте, в силу непреодолимого инстинкта подражания, все последующие овцы продолжали высоко подскакивать. Особо старательные и глупые не ограничивались одним прыжком, а скакали ещё и ещё далеко за пределами этой заколдованной черты. Опыт удался блестяще.

Когда мы кончили снимать прыгающих овец, то уселись в тени огромного зонта, который обыкновенно в жаркие солнечные дни на длинном шесте втыкали в землю рядом с аппаратом, чтобы уберечь его от палящих лучей и дать тень утомлённым операторам.

— Сравните этих дурней, с их никчёмной гимнастикой, вон с той маленькой умницей, — указал Леонид Матвеевич в сторону отары.

Там внизу, под холмом, чабан с помощью маленькой чёрной собачонки сгонял в кучу растянувшихся после прыжков через верёвку овец.

Интересно было наблюдать за их работой.

Собственно, «работала» одна только собачонка; она обегала вокруг овец и сгоняла их в ложбину, время от

времени посматривая на чабана, который стоял на возвышенности и подавал собачке различные знаки.

Вот он поднимает правую руку и слегка ею помахивает. Шустрая собачонка, послушная его сигналу, моментально поворачивает и начинает обегать овец с правой стороны, сгоняя их к центру. Некоторые упрямые овцы или козы не хотят слушаться и выставляют навстречу собачонке низко опущенные головы, норовя боднуть её: «Это что ещё за пигалица хочет нами командовать!»

Но тогда «пигалица», которая действительно лишь сантиметров на двадцать возвышается над землёй, ловко изворачивается и кусает их за задние ноги или за хвост. Наказанная овца в испуге бросается бежать к стаду и увлекает за собой остальных. Теперь чабан поднимает левую руку, и собачонка кидается налево. Высунув красный язычок, мчится она вокруг собранного ею стада, всё время оглядываясь на чабана, который теперь делает рукой плавные круговые движения — знак, что нужно обегать всё стадо вокруг. И она обегает.

— Действительно умница! — восклицает Лёва.

— Это, парень, наша Дуська! Она ещё не самая умница; есть у нас и поумнее, — говорит незаметно подошедший Куриджанов.

Чабан присел сзади нас на корточки, на самом солнцепёке. Жара ему нипочём.

— Порода эта зовется «пули»; нам в совхоз прислали этих собачек из самой Швейцарии. Лучше их ни одна собака не может пасти овец. У нас в совхозе нонче целый питомник заведён из этих «пули». На весь край поставляем собаку-пастуха, — с гордостью говорит Куриджанов.

— А на что же годятся ваши знаменитые овчарки? — спросил Лёва. — Что делают целый день эти лодыри?

— У нас, понимаешь, парень, разделение труда, как на хорошем заводе. Дуська пасёт стадо днём, а ночью спит. Где ей, махонькой, уберечь отару от волка. А на ночь выходит вперёд кавказская овчарка. Хоть и не ахти какого ума, а волка учует и разорвёт. Вот оно как! На всё есть свой порядок.

— Порядок, порядок... — насмешливо сказал Андрей. — Одна «махонькая», не может устеречь от волка, другая «не ахти какого ума» — не может пасти овец. Надо, чтоб и то, и другое могла!

— Нету, парень, таких и не может быть; каждому дано своё! Одна сторожит, другая пасёт, третья на границе служит; нет таких, чтобы всё могли.

— Нет, есть! — горячо воскликнул Андрей. — Хотите, докажу?

— А ну докажи. — Теперь уж и Куриджанов говорил насмешливо. — Небось своего Джульбарса приведёшь? Твой барс на волка, может быть, сдуру и бросится — пес-то и сам вроде волка, — ну а чтобы отару мог сбить, это ты уж брось.

— Нечего и бросать; собьёт не хуже вашей Дуськи. Дуську-то небось воспитывали, тренировали, дрессировали, а Джулька всё сразу поймёт и сделает. Ручаюсь. Борис Александрович, разрешите привести сюда Джульбарса?

Мне уже и самому было интересно, чем кончится этот спор. Интересно было ещё раз увидеть Джульбарса в работе, увериться в его исключительных способностях, тем более, что снимать сегодня было уже нечего.

— Не ручайтесь, Андрей, но попробовать можно. Только привезите и Ольгу Антоновну, — Джулька понимает её лучше всех других.

— Ой, не стоит; дайте я сам. Я знаю все команды, к которым Джуль приучен. Да он меня и без слов поймёт — справлюсь одними только знаками.

Через полчаса,

доставленный на холмы, довольный и счастливый Джульбарс попытался лизнуть в лицо кого-нибудь из нас, лежащих на траве под зонтом. Не каждому удалось увернуться.

Тем временем Куриджанов отделил от отары небольшое стадо — голов примерно в двести — и разогнал его по ложбине. Андрей пошёл занимать позицию на возвышенности, где раньше стоял чабан.

Вдруг, откуда ни возьмись, выскочила Дуська и с лаем бросилась к Джульбарсу, совсем как Моська на слона. Я даже испугался: тяпнет её Джульбарс — и нет Дуськи.

— Джулька — фу!

Не добежав несколько шагов, Дуська опешила и испугалась.

Джульбарс косо посмотрел на неё, затем нерешительно вильнул хвостом. В ответ вильнула и Дуська. Джульбарс сделал два шага вперёд, шагнула вперёд и Дуська. Сблизившись, собаки начали вежливо обнюхиваться. Чтобы обнюхать Джульбарса, Дуська обежала его вокруг так же, как она обегала отару. Чтобы со всех сторон обнюхивать Дуську, Джульбарс только поворачивал голову.

Теперь они стояли друг против друга. Джульбарс низко нагнулся и, казалось, внимательно прислушивается к тому, что рассказывает ему Дуська, высоко задравшая мохнатую мордочку.

— Нечестно! — засмеялся Куриджанов. — Дуська ему выкладывает все секреты своего ремесла.

— Обмен опытом, — веселился Лёва. — У них круговая собачья порука. Плохо ваше дело, Куриджанов!

В это время из ложбины раздался голос Андрея, призывавшего Джульбарса, и тот послушно бросился на зов, оставив своего нового друга.

Мы все, как зрители в ложе, удобнее устроились под зонтом, чтобы наблюдать за интересным спектаклем.

Джульбарс подбежал к Андрею, и тот ему что-то сказал, указав рукой в сторону стада. Джулька сразу же бросился в указанном направлении. Добежав до края стада, пёс в нерешительности остановился и оглянулся на Андрея. Андрей волновался; он старательно выписывал

правой рукой загребательные, плавательные движения, подавая знак, что нужно окружать стадо справа.

Джулька вначале не понял, вильнул хвостом и, продолжая смотреть на Андрея, присел, готовясь к прыжку. Он как будто спрашивал: «Хватать, что ли?»

Андрей в испуге быстро сделал успокаивающий жест двумя ладонями вперёд и вниз; такой же жест делала и Ольга Антоновна во время дрессировки. Джульбарс лёг, продолжая смотреть на Андрея.

Теперь Андрей медленно поднял ладони снизу наверх... и Джулька встал. Ещё раз, уже очень спокойно, новоиспечённый чабан подал кругообразный знак правой рукой, и... Джулька, кажется, понял: небыстрой рысцей он начал огибать стадо с правой стороны.

Овцы послушно бросились к центру ложбины — это тебе не маленькая собачонка, с которой можно спорить и выставлять навстречу упрямую голову.

На ходу Джульбарс всё время поглядывал на Андрея, который продолжал описывать рукой плавные круговые движения. Теперь наш пёс уже точно понял, что от него хотят, и продолжал бежать, всё больше сворачивая налево, сгоняя овец в кучу.

Я посмотрел на Куриджанова: приоткрыв от удивления рот, он с нескрываемым восторгом следил за происходящим, переводя взгляд то на Джульбарса, то на Андрея.

Правая часть стада уже сбилась в кучу, только две-три овцы, которых, по неопытности, Джульбарс не включил в круг, отбились в сторону, — это было досадно!

Вдруг так же неожиданно, как и в первый раз, откуда-то выскочила Дуська. Наверное, она издали увидела Андрея, подававшего знаки Джульбарсу; может быть, приняла эти команды на свой счёт, а может быть, она увидела рассеянное стадо и в ней просто заговорило чувство долга. Скорее же всего она заметила «неточность в работе» Джульбарса и бросилась на помощь своему новому другу, чтобы исправить его ошибки.

Как бы там ни было, но Дуська с лаем подбежала

к отбившимся овцам и, покусывая, погнала их к стаду. Раздался дружный смех. Громче всех хохотал Куриджанов.

— Ай Дуська! Ай молодец! — вскрикивал он.

Тем временем Дуська догнала Джульбарса, и теперь обе собаки бежали рядом, всё время поглядывая на Андрея. Очевидно, Андрея это мало устраивало и, желая всё же хоть чем-нибудь доказать превосходство Джульки, он сделал вдруг двумя руками подманивающий жест на себя.

Позднее он говорил, что сделал это в порыве досады на постороннее вмешательство в его опыт. Увидев этот призывный жест, Джулька опрометью бросился к Андрею прямо через стадо, которое шарахнулось в обе стороны, оставляя за собой широкий коридор. Джулька был рад повеселиться и чего-нибудь набедокурить. Дуська остановилась на месте — броситься за Джульбарсом сквозь стадо она не решилась, так как это было против всех правил, которым её обучали.

— Пускай теперь ваша Дуська собирает овец сама, если она без этого жить не может! — издалека крикнул Андрей Куриджанову.

Куриджанов продолжал смеяться.

— Хороший пёс, ух хороший. Хотя Дуська ему рассказала, всю науку передала, да и ошибки исправила, однако всё равно пёс хороший. Продай его совхозу, а?

— Нет уж, Куриджанов, Джульку мы не продадим; он нам ещё очень нужен, да и кто же продаёт своих друзей?

Я вспомнил эти слова, у меня сейчас снова защемило сердце: Джулька, Джулька! Не знаешь ты, какая опасность над тобой нависла. Впрочем, не буду забегать вперёд.

Давно спустилась ночь. Пётр Михайлович, наверное, уже не придет. Сегодня всё равно не спится — расскажу, что случилось дальше.

НАД ДЖУЛЬБАРСОМ НАВИСАЕТ ОПАСНОСТЬ

Наступил, наконец, день, когда всё было готово для съёмки. Загон построен, оба волка подготовлены; казалось, выпусти их, и они сразу же бросятся на овец. Приближался вечерний час — час, когда отары собираются в кучу и готовятся к ночному сну; час, когда хищники выходят на добычу.

Овец подогнали к широкому концу «воронки», а клетку с волками установили в узком. Для первого раза мы взяли волка поменьше: пусть это будет вроде репетиции. Более сильного и злого оставили про запас.

Леонид Матвеевич и я расположились с аппаратом недалеко от выхода из загона, чтобы заснять всё вблизи, и замаскировались плащ-палатками и травой.

Лёва и Андрей устроились на противоположном холме; они будут снимать общий вид всей сцены.

Три чабана держат наготове трёх кавказских овчарок: одну — в яме с правой стороны загона и двух других — с левой стороны, на дне неглубокого овражка.

Ни чабанов, ни собак не видно, — они хорошо замаскировались бурьяном.

Заранее условлено, что чабаны одновременно выпустят собак, когда я подам сигнал, что всё готово. Леонид Матвеевич поглядел на небо и на дальние холмы, за которые опускалось огромное красное солнце, и сказал:

— Ну что ж, самое время — выпускайте волка.

Высунувшись из укрытия, я даю знак Мите, чтобы он выпустил волка из клетки в загон. Стоя за решёткой с клеткой, Митя выдвинул переднюю стенку клетки и открыл волку выход.

Волк вышел из клетки и на две-три секунды задержался, озираясь по сторонам. Он, кажется, никого не видит, кроме овец, и вдруг, не крадясь и не прячась, большими скачками мчится вдоль решётки прямо к стаду. Леонид Матвеевич начал снимать, но мне поведение волка сразу что-то не понравилось, — уж больно не похоже на осторожные волчьи повадки.

При виде волка овцы шарахнулись, раздалось блеяние и топот множества копыт... Сейчас, кажется, он ворвётся в стадо... пора выпускать собак. Даю сигнал. Но... добежав до конца решётки... и вместо того, чтобы броситься на овец, волк круто огибает её и, вырвавшись на волю, бросается в обратном направлении уже с наружной стороны загона. Он пробегает мимо нас, сорвав маскировку и проскочив чуть ли не между ножками штатива.

То ли он учуял собак или услышал их нетерпеливое повизгивание, то ли стремление к свободе оказалось сильнее голода, но он сразу же бросился удирать, — видимо, заранее наметив себе путь к бегству. Стало ясно, почему волк не крался к добыче, а прямо от клетки помчался вдоль решётки. Эх, надо бы сразу догадаться, что он затеял, и заранее выпустить собак наперерез. Едва мелькнула эта мысль, как вслед за волком, чуть не сбив меня с ног, промчались все три овчарки.

Съёмка, конечно, не удалась.

Ну что ж, будем считать сегодняшний день репетицией.

Собственно, мы так и рассчитывали.

Подошли чабаны, подбежали Андрей и Лёва, из соседнего овражка, вылезли «зрители»: Ольга Антоновна, Миша и Пётр Михайлович.

— Ничего, товарищи, не расстраивайтесь, завтра повторим съёмку со вторым волком. Нужно только учесть все наши сегодняшние ошибки и просчёты. Собак надо разместить ближе к загону и зажать им морды, а то они у тебя, Куриджанов, что-то начали поскуливать...

— Ещё бы! Ты нас продержал в овраге целый час!

— Ладно, ладно... учтём и это. Постараемся преградить все пути к бегству, подведя решётки вплотную к собачьим укрытиям; тогда уж завтрашний волк никуда не денется.

— Уж не хочешь ли ты, — сказал усмехаясь мне в ответ Куриджанов, — расплодить ещё больше волков в наших кошарах? Один уже убёг, смотри как бы не убёг и другой!

— Теперь уже не убежит. Будут приняты все меры. Вот только, Куриджанов, собаки-то у тебя разини. Три собаки не смогли перехватить одного волка! Позор! Боюсь, как бы завтра наш волк не загрыз всю твою троицу, — сказал я в отместку чабану.

— Этого не бойся; только бы попался им на зубок — пух и перья полетят! А что касемо «не смогли перехва-

тить волка», то ещё погоди, неизвестно, чем дело кончится, — собаки-то мои ведь ещё не вернулись!

Куриджанов оказался прав — на следующий день стало известно, что волка всё-таки затравили километрах в десяти от нас. Лай погони услышали овчарки из соседней кошары и бросились навстречу волку. Волк был окружён и растерзан.

Наступил и следующий день.

С утра занялись подготовкой, а во вторую половину дня я и Леонид Матвеевич обошли позиции и всё проверили: ещё мало — дать распоряжения и указания, обязательно надо всё самому проверить; это я теперь хорошо понял. Решётки установлены теперь таким образом, чтобы волку были отрезаны все пути к бегству.

Укрытия для двух собак перенесены по овражку ближе к загону; третью собаку ещё тщательнее замаскировали бурьяном.

Чтоб собаки случайно не тявкнули, чабаны надели им на морды узкие ремешки, которые одним движением можно скинуть, перед тем как выпустить собак на волка.

Немного изменили и расположение аппаратов.

Выпускать волка решили только в том случае, если ветер потянет с его стороны, чтоб он не учуял собак.

Всё в порядке, всё предусмотрено, и никаких неожиданностей, кажется, быть не может. К вечеру все заняли свои места, а собак поместили в укрытия в самый последний момент.

Погода благоприятствовала съёмке: и закат безоблачный и ветерок со стороны волка.

Андрей, как всегда, заранее дал снять номера кадров.

Оглядев погружающиеся в мягкий сумрак холмы, Леонид Матвеевич тихо сказал:

— Можно начинать. Лучшего освещения и желать нечего! Ни пуха ни пера!

— Типун вам на язык! Это как раз тот случай, когда нужно пожелать, чтобы оправдались слова Куриджанова, — чтобы пух и перья полетели.

— Ну что ж, начнём, пожалуй!

Мы все волнуемся. А как же? Ведь это последний наш волк; случись что-нибудь — и пропадут наши многодневные усилия; да что там многодневные усилия — зря пропадёт вся экспедиция, а пожалуй, и картина.

Но нет, ничего случиться не может — всё предусмотрено.

Так же, как и в первый раз, даю сигнал Мите, и он открывает клетку.

Волк вышел не сразу; казалось, он раздумывал — стоит ли выходить, нет ли здесь ловушки?

Наконец всё-таки тихонько вышел и огляделся. Уверившись, что вокруг всё спокойно, всё своё внимание он перенёс на овец. Даже издали можно было заметить в его глазах жадный и голодный блеск.

Он припал к земле и медленно двинулся по направлению к стаду, то ползком, то в мелкую перебежку — типичное поведение настороженного и опытного хищника. Уж этот не подведёт, понял я, он не чуёт засады, его невозможно притягивает к себе близкая добыча.

Не нужно торопиться, — по всему видно, что он обязательно ворвётся в стадо; и только тогда я выпущу собак.

Всё ближе... ближе к овцам... волк уже вышел за пределы загона, но и не думает о бегстве; он весь находится во власти хищного инстинкта и бросается вперёд, прямо на овец.

Но тут случилось что-то странное и непонятное: почти одновременно с броском волка, даже, пожалуй, на секунду раньше, стадо шарахнулось ему навстречу. Да, да! Не от волка, а ему навстречу! Движение началось с противоположного конца стада. Издали было видно, как овцы разбегались по сторонам. Послышалось блеяние, стук копыт... и... Что такое? Собачий лай, приближавшийся с противоположной стороны стада!

Волк был уже среди овец, но остановился, как вкопанный. В проходе, оставленном овцами, я увидел мчащихся с бешеным лаем каких-то неизвестных и непредусмотренных собак.

Что случилось? Откуда эти собаки?

Думать было некогда, — волк повернулся и бросился обратно в загон.

Опять неудача, но, кажется, не всё ещё потеряно.

Необходимо сохранить волка — пусть спасается; в конце загона он бросится в клетку, и Митя успеет захлопнуть за ним дверцу ещё до появления собак. Эти мысли промелькнули у меня в одну секунду. Я выскочил из укрытия и закричал Мите, чтобы он открыл дверцу волчьей клетки.

Но уже со стороны ямы, справа, слышался встречный лай, и я увидел одну из наших овчарок, которая неслась наперерез волку, преграждая ему путь в загон.

— Какого чёрта, — бешено закричал я, — зачем выпустили! Вам не было сигнала!

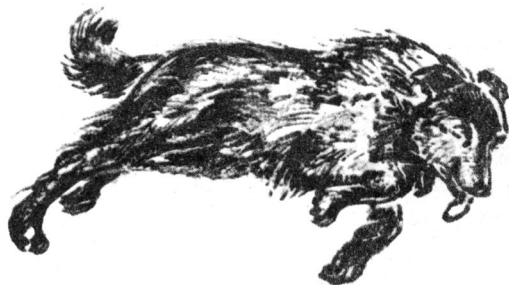
Но сзади на волка уже наседали неизвестные собаки; путь к клетке преграждала одна из наших овчарок, и волк бросился чуть левее, в сторону овражка, где притаились чабаны с двумя остальными овчарками.

Может быть, ещё можно спасти положение, если успеть выпустить овчарок из овражка навстречу волку, чтобы они встретили его на открытом месте. Тогда, возможно, хоть что-нибудь удастся снять.

Я машу платком, кричу: «Выпускай овчарок!»

Но уже поздно: волк скатывается в овражек, и там сразу же раздаётся рычание, визг и лай. Вслед за волком в овражек влетает наша третья овчарка, а за ней ещё три неизвестные собаки.

Некоторое время в овражке творилось чёрт знает что такое: рёв, хрип, рычание, возгласы чабанов. Над овражком показывалась то оскаленная морда, то спина, то хвост, вздымалась пыль, взлетали комья земли, обрывки

бурьяна, — словом, «летели пух и перья». Через минуту всё было кончено...

Удручённый и злой, сидел я на кассетнике рядом с аппаратом. Невдалеке толпились чабаны, вполголоса пререкаясь и в чём-то обвиняя друг друга. Я не вслушивался, — мне было не до этого.

Наша экспедиция в Ставрополье оказалась бесполезной.

Главное, для чего мы сюда приехали, осталось не снятым.

Подошёл Куриджанов.

— Слушай, друг, это я, старый дурень, во всём виноватый. Ты своё хозяйство проверил, а я, понимаешь, доверился вот Мамаеву. А он что? Какой он чабан? Мальчишка! — И Куриджанов указал на молодого чабана, который только что прибежал из-за дальнего холма вслед за «неизвестными собаками» и теперь стоял в группе чабанов, мрачно выслушивая их попреки.

— Что ж, собственно, произошло? — угрюмо и нехотя спросил я, не поднимая головы.

— Мамаев дежурит отару вот за тем холмом, — показал Куриджанов в сторону, откуда появилась неожиданная собачья помощь. — Вчерась я приказал ему оставить своих псов в кошаре либо к вечеру крепко привязать у отары.

А он? «До вас, — говорит, — далеко, ничего собаки не увидят и не учуют — пусть гуляют. А коли что, — говорит, — цыкну на них — и всё. Никуда не уйдут». Я говорю: «Сказано привяжи — значит, привяжи. Приду проверю!» Да не пошёл, поленился.

Куриджанов говорил не как всегда, уверенно и громко, а робко и виновато. Весь его вид показывал, насколько он огорчён происшедшим.

— А тут, сам знаешь, ветер-то со стороны волка пошёл прямо на их отару; собаки и учуяли волчий дух. Тут уж цыкай не цыкай — пошли собачки на волка. Ведь это ж их главная работа — не удержишь! Мамаев-то и не сообразил! Вот и пришли сюда собаки волка брать.

— Ну, а что же нашу-то овчарку без моего сигнала выпустили?

— А это уж Иван постарался. — Куриджанов указал теперь на чабана, который выпустил овчарку из укрытия.

— Уж больно он у нас инициаторный; всегда смущает, как и что получше сделать. Увидел, что волк, спасаясь от тех собак, вот-вот сиганёт в загон, и сообразил, что его туда пускать нельзя; думал, что ты потерялся платочком сигнал-то дать.

— Всё ясно, — сказал я. — Один не сообразил, другой сообразил. Всё ясно!

И я пошёл в кошару.

ТЯЖЁЛОЕ РЕШЕНИЕ

Скоро рассвет. Пётр Михайлович так и не приехал.

Иногда телефонный разговор с Ленинградом дают только ночью, а переговорить с директором нашей студии Пётр Михайлович решил во что бы то ни стало, чтобы, наконец, окончательно разрешить возникшие между нами разногласия.

Наверное, он приедет завтра утром.

А спать я, конечно, сегодня уже не буду. Во-первых, мешает какое-то нервное состояние, как перед боем, да и ночь такая, что трудно заснуть.

В открытую дверь по-прежнему тёплыми порывами вливается насыщенный ароматами трав воздух и виднеется небо, тёмное, почти чёрное, усеянное крупными и яркими звёздами, такими яркими, каких на севере никогда не увидишь.

Кажется, что небо опустилось ниже, а потому звёзды стали ярче и больше, а чуть опрокинутый огромный серп луны своим серебристо-таинственным, неярким светом обрисовывает соседние холмы на фоне чёрного неба.

Отары давно спят. Не слышно блеяния овец, зато ещё громче раздаётся в тишине разноголосый и непрерывный

звон цикад, напоминающий далёкие отрывочные мили-
цейские свистки.

Но вернёмся к нашему рассказу.

Съёмка волков сорвана. Фильм остался неоконченным.

На утро следующего дня после съёмки волков мы сидели на досках у дверей сторожки, поджидая приезда поселковцев, и обсуждали вчерашнее происшествие. С нами и Пётр Михайлович, оставшийся ночевать в палатке у ребят. Подошли и присели свободные от работы чабаны. Андрей на палке вырезает перочинным ножом какие-то узоры; он задумчив и молчалив.

Леонид Матвеевич сосредоточенно попыхивает трубкой, недобрым словом поминая Куриджанова и Мамаева.

Вчерашняя неудача испортила всем настроение; даже Лёва сегодня ещё ни разу не сострил.

Не унывает только Пётр Михайлович.

— Ещё не всё потеряно, — утешает он меня. — У нас же есть Джульбарс. А уж этот не подведёт. Он прекрасно сыграет волка; недаром же Ольга Антоновна потратила на него столько времени. И повадки волчьи, и внешне, после грима, не отличишь его от волка.

Я молчу. Я знаю, что он прав: верный пёс проделает всё точно по команде. Он не бросится бежать, а встретит врага грудью, пусть это будет хоть десять овчарок. Но чем это кончится? Не ждёт ли его участь тех двух волков?

Я не могу пойти на такой риск.

А Пётр Михайлович продолжает:

— Ждать, когда нам пришлют новых волков, нельзя. Это может затянуться и на месяц и на два, а на носу уже осень, и нужно кончать съёмки. Вывод ясен — нужно вместо волка пустить на отару Джульбарса, — ведь для этого, собственно, мы и купили собаку.

Пётр Михайлович не испытывает никаких сомнений: надо, так надо и не к чему, дескать, все эти переживания. Если этого требуют деловые соображения, Пётр Михайлович может быть и жестоким.

К тому же, надо сказать, у него с Джулькой никогда не было особенно дружеских отношений, таких, скажем, как у меня, Ольги Антоновны или Андрея.

— Не торопитесь, Пётр Михайлович, давайте поищем какой-нибудь другой выход; я попробую использовать те кадры, которые нам всё-таки удались; кое-что к ним досниму и смонтирую эпизод. Посмотрим, что получится, и тогда будем решать. У нас всё-таки уже снято, как подкрадывается волк, как он бросается на овец и как он убегает от собак.

— Не хитрите, дорогой, перед самим собой. Ведь вы лучше меня знаете, что таким путём полноценной картины не получить; ведь главного-то у вас нету: нет драки, нет схватки волка с овчарками. Как бы вы ни снимали отдельно Джульбарса и отдельно овчарок, из таких разрозненных кусков ничего хорошего вам склеить не удастся. Нет, без Джульбарса не обойтись!

И опять он прав. Однако рисковать Джульбарсом, предварительно не испробовав все другие пути, я не хочу.

Тут неожиданно вмешался Леонид Матвеевич:

— И что вы всё твердите — «Джульбарс... Джульбарс»! Дайте режиссёру испробовать другие возможности, а то надели на него со своим Джульбарсом!

Я первый раз в жизни видел Леонида Матвеевича таким рассерженным. Обозлился и Пётр Михайлович.

— Может быть, вы, Леонид Матвеевич, возьмёте на себя ответственность за сроки, за смету, за выполнение календарного плана? Пожалуйста, я не возражаю! Могу передать вам свои полномочия. Не знаю только, как на это посмотрит наша дирекция!

Я счёл нужным вмешаться, — мне не хотелось чтобы молодёжь и посторонние люди были свидетелями ссоры между старшими товарищами.

— Не горячитесь, Пётр Михайлович, мы всё это обсудим ещё раз позднее. А пока что, повторяю, давайте не торопиться и поищем какие-нибудь выходы. Согласитесь, что жертвовать Джулькой, не испробовав других возможностей, это по-человечески нехорошо.

— И по-собачьему — тоже! — вставил Лёва и тем самым только подлил масла в огонь.

— Ты бы уж помалкивал, собачий защитник! — ещё больше рассердился Пётр Михайлович. — Зарплату ты получать хочешь? Так знай: не сдадим вовремя картину, и банк не выплатит пятьдесят тысяч рублей. Это значит, что для всей студии, не только для тебя одного, будет задержана зарплата. Боюсь, что по головке нас за это не погладят!

И в третий раз он прав.

— Тут уж страдаем не только мы с тобой, а и все работники студии! Ведь картина горит!

— Пётр Михайлович, об этом ещё рано волноваться. Давайте лучше спешно пошлём запрос в зооцентр, а мы тем временем попробуем доснять и смонтировать то, что удастся.

— Могу послать запрос, но это бессмысленно; зря потеряем время. Лучше готовьте Джульбарса.

— Бессердечный человек, — пробормотал Леонид Матвеевич достаточно громко, чтобы его мог услышать и Пётр Михайлович. Я опасался нового взрыва, так как Пётр Михайлович резко повернулся в его сторону, но в этот момент послышался шум приближающейся машины и на склоне холма показался совхозный вездеходик.

На подножке стоял Миша и ещё издали махал нам какими-то бумажками; за ним в машине виднелись Ольга Антоновна и Прасковья Сергеевна. Рядом с шофёром сидел Джулька; он громко и весело лаял на Мишу, пытаясь тяпнуть его за рукав. Миша соскочил ещё на ходу, и вслед за ним выпрыгнул через борт и Джульбарс.

Помахивая над головой письмами, Миша закричал, подбегая:

— А ну танцуй, Андрей! А ну давай, давай танцуй! Улыбаясь, подошли и остальные поселковцы.

«Чего это они такие весёлые?» — подумал я, но тут же понял, что их веселье было надуманное, для того, чтобы поднять настроение у нас, кошаровцев. Наверное, уже издалека мы производили мрачное впечатление.

— А ну давай, Андрей! Тебе целых два! И ты, Лёва, тоже танцуй!

Андрей подумал секундочку, поглядел на улыбающихся зрителей, вскочил, взял в зубы перочинный ножик и плавно прошёлся в лезгинке. Миша подбадривал его:

— А ну веселей! Хасса, хасса! Лёва, давай!

К Андрею присоединился и Лёва, ловко обойдя его вприсядку. Вокруг прыгал Джульбарс.

— За отлично исполненный танец с кинжалами получи первую премию. — Миша протянул Андрею два письма.

— За русский танец присуждается вторая премия, — сказал он, отдавая письмо Лёве.

— И вам тоже есть. — Миша обернулся ко мне: — Придётся и вам станцевать — уж такой закон!

Не поднимаясь с места, я потопал по земле ногами, что должно было означать танец, — закон есть закон.

— Предлагаю считать сидячий танец удовлетворительным, — и Миша передал письмо также и мне. Взглянув на конверт, я увидел, что письмо от Танечки.

Джульбарс подбежал к Андрею и, вскочив передними лапами ему на плечи, чуть не опрокинул на доски — это он приглашал Андрея повозиться с ним и продолжить танцы.

Но сегодня Андрею, видимо, было не до того; он оттолкнул Джульку и вскрыл письмо.

— От Машеньки, — сказал он. — Потом прочту вслух. Андрей и Лёва углубились в чтение писем.

Я тоже разорвал свой конверт. Остальные, разбившись на группы, отошли в сторонку, чтобы не мешать читающим. Пётр Михайлович прогуливался под руку с Прасковьей Сергеевной.

Из конверта я вынул два листка: письмо Танечки и записку от моей жены, очевидно в последнюю минуту вложенную в конверт. Сперва я прочитал эту записку:

«Танечка мне сказала, что она пишет тебе секретное письмо о Джульке. Я, конечно, не против того, чтобы мы его взяли к себе насовсем.

Даже наоборот, я буду очень рада; ты ведь знаешь, как мне нравится этот ваш чудесный пёс — герой и умница. Танечка только и мечтает, чтобы Джулька был у нас, да я знаю, что и ты тоже.

Я, конечно, дам Танюше согласие, но с обязательным условием, чтобы она сама следила за ним, кормила и водила гулять — пусть девочка имеет свои постоянные обязанности, пусть приобретает трудовые навыки.

Напиши ей, что ты попробуешь меня уговорить на этих условиях. Таня переписывается с Машенькой, и они обе спят и видят, когда встретятся друг с другом и с Джульбарсом. Когда вы вернётесь, то на каникулы обязательно пригласим вашу Машеньку. По фотографиям и её письмам она мне очень нравится».

Потом я прочитал письмо Таньки, которое оказалось необычно для неё длинным.

Вот что писала она крупными корявыми буквами:

«Дорогой папочка, мама всё ещё не согласна взять Джульку насовсем; она говорит, кто будет ухаживать и гулять с Джулькой. Я говорю, я буду. Мама говорит, тебя и так не добудиться. Я говорю добудиться. Я написала Машеньке потому, что осенью Джулька будет у нас, пускай приезжает. Милый папа, уговори маму. Мама говорит, я сама за собой неряха. Я говорю, меня надо воспитывать в трудовых навыках. Когда будет Джулька, я стану ряхой. Напиши, пожалуйста, маме.

Целую тебя и Джульку ваша Таня».

Прочитав эти письма, я ещё больше помрачнел.

Андрей тоже кончил читать и сказал мне негромко и немного смущённо, тоном, каким обыкновенно говорят с тяжело больными.

— Машенька передаёт всем привет. Беспокоится, как чувствует себя Джульбарс. Пишет, что скоро поедет к вам в Ленинград на свидание с Таней и Джулькой.

К нам подходили Пётр Михайлович с Прасковьей Сергеевной.

После ссоры и примирения на зообазе из-за кабанчика и лосёнка между ними воцарились мир и дружба.

Прасковья Сергеевна стала избегать животных, боясь опять натворить каких-нибудь бед, даже овец и хороших ягнят она здесь обходит стороной.

Пётр Михайлович поручает ей различные хозяйственные дела, не связанные с животными; и теперь он очень хорошо к ней относится. Они даже подружились.

Прасковья Сергеевна, добрая душа, остро переживает, когда кто-нибудь ссорится. Она радуется, когда всё хорошо, и печалится, когда видит кого-нибудь мрачным.

Они подошли ко мне и сели рядом.

— Нет уже, Пётр Михайлович, — сказал я, отвечая на свои мысли, — давайте повременим!

— Чего повременим? — не сразу понял Пётр Михайлович.

— Это я опять о Джульбарсе. Не дам я его на эту съёмку. Выписывайте спешно новых волков.

— Опять вы за своё. Я же уже сказал, что послать запрос я пошлю, но это абсолютно безнадёжно. Я сегодня же сообщу в Ленинград о положении дел в группе, и пускай решает дирекция.

— Можете сообщить, а я со своей стороны сообщу мнение всего коллектива о том, что нельзя рисковать жизнью этого верного пса, не испробовав все другие возможности; сообщу также о вашем деспотизме и жестокости. Я откажусь жертвовать Джулькой, несмотря ни на какие приказы любых ваших дирекций.

Я был вне себя, я мог в эту минуту наговорить много лишнего и необдуманного.

Прасковья Сергеевна в испуге смотрела то на меня, то на Петра Михайловича. С одной стороны, ей очень хотелось его поддержать, но с другой — она любила Джульку

и видела общее настроение. Ей хотелось, чтобы «всё было хорошо», и, сидя между нами, она положила руки нам на плечи, как бы призывая к миру. Подошли к нам и остальные.

— Во-первых, не «моя дирекция», а «наша дирекция», — зло подчеркнул Пётр Михайлович. — Во-вторых, если будет приказ, то придётся его выполнять; если откажетесь вы, то выполнит кто-нибудь другой! А в-третьих... — тут он осекся, заметив недружелюбные взгляды окружающих, и овладел собой.

Даже Прасковья Сергеевна убрала свою руку с его плеча.

С минуту длилось напряжённое молчание.

— ...а в-третьих, откуда вы взяли, что я хочу жертвовать жизнью Джульбарса? Мне ни на секунду не приходит в голову мысль, что он может погибнуть. Я обещаю вам, что приму такие меры предосторожности, что наш пёс обязательно уцелеет. Верите вы мне? Вас это устраивает?

Прасковья Сергеевна улыбнулась мне и опять положила руку Петру Михайловичу на плечо.

— Я привык во всём вам верить, однако не представляю себе, какие это вы особые меры примете в тот момент, когда уже начнётся свалка.

— Об этом уж предоставьте мне позаботиться. Если нужно будет, я и сам полезу в драку.

«Он такой, — подумал я, — он действительно полезет».

Прасковья Сергеевна уже широко улыбалась.

Заметив некоторый перелом в настроении окружающих и желая окончательно разрядить атмосферу, Пётр Михайлович закончил:

— Давайте так: я сегодня же даю заявку на волков и одновременно попытаюсь получить в дирекции разрешение ненадолго продолжить экспедицию. Вы тем временем попробуйте что-нибудь доснять и смонтировать, хотя, честно говоря, я в хороший результат не особенно верю. Ну, а уж если из всего этого ничего не выйдет, — придётся пустить в дело Джульбарса; и я вам ещё раз обещаю: мы

примем такие меры предосторожности, что собака обязательно уцелеет. Согласны?

Я посмотрел на окружающих. Лица у всех немного прояснились. Лёва улыбнулся, Леонид Матвеевич одобряюще кивнул мне головой и пробормотал: «Ну, коли так...»

Нельзя было понять, что думают Ольга Антоновна с Андреем — они в это время о чём-то шептались.

— Ну, а вы как? — повернулся я в их сторону.

— Ну что ж... — сказал Андрей.

— Попробуем! — сказала Ольга Антоновна.

— Согласны! — ответил я Петру Михайловичу.

О дальнейшем можно рассказать очень коротко.

Прошла неделя.

Пётр Михайлович большую часть времени проводил в Ставрополе, переговариваясь с зооцентром и с его базами на местах — в Казахстане и в Сибири. Никакого положительного результата пока он не добился.

Разговаривал он также с нашей дирекцией и получил разрешение немного задержаться в экспедиции.

Одновременно он проводил в Ставрополе какую-то таинственную подготовку к защите Джульбарса во время предстоящей съёмки.

Лёву мы отправили самолётом в Москву проявить снятую плёнку.

Он был в отсутствии три дня. За это время мы кое-что досняли. Когда же Лёва вернулся и мы, на местной передвижке, посмотрели результат съёмки, то у меня опустились руки.

Удачных и нужных кадров оказалось очень мало, и стало ясно: ничего не удастся смонтировать, что бы мы ни доснимали.

Дальнейшие съёмки я прекратил.

Пётр Михайлович вот уже два дня как в Ставрополе. Он делает последние попытки экстренно получить волков, переговаривается с дирекцией и кончает свои таинствен-

ные приготовления к съёмке. Он должен был вернуться вчера вечером, но, видимо, задержался; вот я и прождал его целую ночь до утра.

Уже давно взошло солнце. Проснулся и пошёл умываться Леонид Матвеевич. Ребята ещё спят.

Пойду и я освежиться к ручью.

ОДИН ПРОТИВ ТРЁХ

Как сильно ноет левая рука.

Хорошо ещё, что пострадала левая; если бы правая — не мог бы я сейчас продолжать свои заметки...

Когда мы возвращались от ручья, то первое, что нам ещё издали бросилось в глаза, была большая, кирпично-красная, блестящая на солнце пожарная машина.

Пожар? Но вокруг была тишина; ни огня, ни дыма, только над сложенным из камней камельком, рядом с палаткой, вилась тоненькая струйка — это проснувшиеся ребята кипятили чай.

Подойдя ближе, мы увидели Петра Михайловича, который в обществе трёх пожарных стоял рядом с машиной и что-то рассказывал Андрею и Лёве.

Это была огромная пожарная цистерна с двумя длинными рукавами — шлангами.

Она сияла на солнце, как новенькая игрушка, и красные отблески играли на лицах стоящих перед нею людей.

Я догадался, в чём дело, и настроение у меня сразу упало. С волками, значит, ничего не вышло; придётся снимать Джульбарса. Цистерна — это и есть защитная мера.

Заметив нас, Пётр Михайлович пошёл навстречу.

— Здравствуйте, дорогие! — Пётр Михайлович говорил непривычно мягко и ласково.

— Ну, как дела? — не утерпел Леонид Матвеевич.

— Ничем порадовать не могу. Чего уж тянуть, лучше сразу скажу: волков можем получить не раньше как через месяц, когда отары уже сойдут на зимние пастбища; а дирекция настаивает на немедленном окончании съёмок и возвращении в Ленинград.

Вот вам телеграмма, Борис Александрович.

Я взял телеграмму.

ДАЛЬНЕЙШАЯ ОТСРОЧКА НЕВОЗМОЖНА ТЧК НЕСВОЕВРЕМЕННОЕ ОКОНЧАНИЕ ФИЛЬМА ГРОЗИТ ЗАДЕРЖКОЙ ЗАРПЛАТЫ ТЧК МЕДВЕДЕВУ (это фамилия Петра Михайловича) ДАНО РАСПОРЯЖЕНИЕ ОБЕСПЕЧИТЬ БЕЗОПАСНОСТЬ СОБАКИ ЗПТ СРОЧНО ОКОНЧИТЬ СЪЁМКИ ТЧК ПРОШУ ВЫПОЛНИТЬ ЕГО УКАЗАНИЯ ТЧК ЖЕЛАЮ УДАЧИ ТЧК

ГРОМОВ

— Я тут ни при чём, — смущённо сказал Пётр Михайлович, когда я дочитал телеграмму. — Я вовсе не просил о такой приписке. Мы и без Громова сумели с вами найти общий язык и обо всём договорились, не так ли?

Чувствовалось, что Пётр Михайлович опасается, как бы я не отрёкся от своего согласия, и поэтому торопится напомнить мне о нём.

— Когда я увидел пожарную машину, Пётр Михайлович, то сразу догадался, что волков не будет. Ну что ж, к этому мы были уже подготовлены. Это и есть ваша мера предосторожности? — указал я на машину.

— Да! А что? Вы думаете, две мощные струи воды из этих шлангов не смогут разогнать собак? Не сомневайтесь. Таким способом можно разогнать целую псарню и добрую стаю волков.

— А это что? — Я указал на сложенную рядом с машиной кучу сапог и ещё каких-то кожаных вещей.

— Это на всякий случай: высокие охотничьи сапоги и кожаные рукавицы, чтоб кого-нибудь случайно не кусали собаки.

— Спецодежда спасателей, — уточнил Лёва. — Не плохо бы, конечно, взять напрокат рыцарские латы из музея. Вы не догадались, Пётр Михайлович?

— А поди ты, шут гороховый! — огрызнулся Пётр Михайлович и снова обратился ко мне:

— Ну как?

— Что ж, давайте готовиться!

Первой приближалась овчарка, выпущенная с правой стороны, слева надвигались две остальные.

Джультбарс, ожидая нападения, как будто врос в землю, крепко упираясь в неё всеми четырьмя ногами.

Он и не думал о бегстве — не таков был характер.

Шерсть поднялась на нём дыбом, обнажились клыки — он был страшен...

Совсем не таким выглядел он сегодня утром, когда, ворвавшись в нашу сторожку, он, как щенок, вилял хвостом и на всех таял.

Желая ко мне подольститься, он притащил из угла и положил передо мной старый и рваный сапог Куриджанова, совсем так, как раньше на зообазе подавал мне по утрам мои туфли.

Вид у него был хитрый; он, конечно, понимал, что принёс не то, и, склонив голову набок, поглядывал на меня: «Ну, что скажешь?»

Я сказал: «Молодец, Джулька!» — и прибавил довольно печальным тоном: «Каково-то тебе достанется сегодня вечером? Как-то ты будешь себя вести при встрече с врагами?»

Почувствовав в голосе ласку, Джулька, по своей дурацкой привычке, которую воспитал у него Андрей, вскочил мне лапами на плечи и пытался лизнуть в щёку.

Казалось, он ободрял меня: «Ничего, не расстраивайся — я выдержу!»

А к вечеру всё было уже готово.

На этот раз маскироваться не было нужды, и мы, не

скрываясь, стояли с аппаратом рядом с тем местом, где должна произойти схватка.

Как прежде, Лёва, и с ним Андрей находились на соседнем холме.

Над нами, немного выше, стояла пожарная цистерна, ещё более ярко пылавшая в лучах заходящего солнца.

Приготовив и расправив «рукава», рядом с машиной заняли свои места пожарные.

На всякий случай к ним был прикомандирован Миша, чтобы вовремя подсказать, когда прекращать драку.

Он неохотно согласился на эту роль — ему хотелось быть поближе к месту действия.

Решётки загона были убраны, так как для Джульбарса они были не нужны, а съёмке могли помешать.

Пётр Михайлович настоял, чтобы мы с Леонидом Матвеевичем надели высокие, выше колен, охотничьи сапоги, так как будем находиться почти рядом с собаками.

Чабаны уговаривали нас ни в коем случае не вмешиваться в драку. Они уверяли, что псы в эту минуту будут в такой ярости и настолько опасны, что они и сами не рискнут вмешаться. Даже Джульбарс, уверяли они, в таком состоянии может не разобратся, кто попался ему.

Лучше всего положиться на силу двух мощных водяных струй.

Однако Пётр Михайлович, кроме высоких сапог, надел всё же и кожаные рукавицы: похоже, что он и на самом деле решил во что бы то ни стало спасать Джульку.

Ольга Антоновна привела из машины Джульбарса и посадила на то место, где раньше стояла клетка с волками.

— Ещё раз категорически приказываю, — сказал ей Пётр Михайлович, — сразу же, как только вы дадите Джульбарсу команду «фасс!», немедленно поднимайтесь на холм и, что бы ни случилось, оставайтесь там. За нарушение привлеку к самой строгой ответственности!

— Хорошо, хорошо; я знаю.

Пётр Михайлович подошёл к аппарату, что-то спросил у Леонида Матвеевича и повернулся ко мне.

— Борис Александрович, оператор говорит, что пришло время начинать. Собаки на местах, Джульбарс тоже. Пришло время начинать... ничего не поделаешь.

— Начинайте, Ольга Антоновна!

Ольга Антоновна взошла на небольшой холмик, расположенный между Джулькой и сбившейся в кучу отарой, и встала так, чтобы не попасть в поле зрения аппарата.

— Джулька! — негромко окликнула она.

Пёс наострил уши и привстал.

Дальнейшее происходило в полном молчании.

Повторилась примерно та же игра, что и во время репетиции на зообазе в дождливый день.

Ольга Антоновна «дирижировала»: она то поднимала руки, то опускала их ладонями вниз; иногда делала подманивающие движения, иногда как будто отталкивалась от чего-то невидимого; и, в зависимости от этого, Джульбарс то приподнимался, как бы выслеживая добычу, то прижимался к земле, то полз на брюхе по направлению к овцам, то замирал на месте.

Джульбарс точно воспроизводил поведение подкрадывающегося к добыче волка.

Оба аппарата начали съёмку.

Когда до отары осталось всего пять-шесть шагов, Ольга Антоновна повернула голову и посмотрела на меня; я утвердительно кивнул головой.

— Фасс! Фасс! — громко закричала она, указывая на овец, и тут же, отскочив в сторону, быстро поднялась на холм.

Джудльбарс только этого и ждал — он вырвался из за-
сады и в несколько скачков оказался среди отары.

Вздымая пыль, с топотом бросились овцы во все сто-
роны, и тогда, на внезапно опустевшем месте, я опять уви-
дел Джудльбарса: он подмял под себя одну из овец и вце-
пился ей в загривок. Однако овцу он не душил — для этого
он должен был получить ещё одно распоряжение, которое,
конечно, не последовало.

Настал самый решительный момент; и, сжав зубы, я
махнул чабанам.

Первой приближалась овчарка, выпущенная с правой
стороны; с другой стороны надвигались две остальные.
Джудльбарс, как будто врос в землю всеми четырьмя но-
гами.

Ещё не поздно... я могу ещё крикнуть: «Джудль, ко
мне!» — и тогда, послушный приказу, он успеет скрыться
под нашу защиту.

Но я этого не делаю и ещё сильнее сжимаю зубы.
Шерсть поднялась дыбом, обнажились клыки, Джудльбарс
был страшен.

Когда первая, тараном летевшая на него овчарка ока-
залась на расстоянии в полметра, Джудльбарс чуть-чуть
отодвинулся в сторону и немного присел, подставив для
удара правое плечо. Вместо того, чтобы всей тяжестью
тела опрокинуть врага, овчарка со всего разбега ударилась
о плечо Джудльбарса и перевернулась через него — это
было похоже на подножку.

В тот же момент мы увидели, как сверкнула ощерен-
ная пасть Джудльбарса, щёлкнули зубы и послышался
визг: это он на лету успел прокусить овчарке ногу.

Рядом со мной облегчённо вздохнул Леонид Матве-
евич — первая схватка была выиграна.

Теперь почти одновременно приближались ещё два
пса, на расстоянии двух метров один от другого.

Но и этого оказалось достаточно, чтобы Джудльбарс
мог встретить врагов по очереди.

Увернувшись в самый последний момент, он пропустил мимо себя первого из нападающих псов, и тот проскочил вперёд на несколько метров.

Оказавшись сбоку от второй овчарки, Джульбарс вцепился ей в лопатку и могучим рывком отшвырнул в сторону.

И второй бой был выигран.

Тем временем пришла в себя овчарка с повреждённой ногой и, воспользовавшись удобным моментом, набросилась на Джульбарса сзади.

Тут же подоспел и второй пёс, вначале проскочивший мимо, а сразу вслед за ним и третий, с прокушенной лопаткой.

Всё смешалось в сплошной клубок из шерсти, хвостов и оскаленных морд, из-под которых вздымались клубы пыли. На какой-то миг я ещё раз разглядел Джульку, когда он оказался наверху свалки, потом снова его подмяли под себя овчарки и всё заволокло пылью.

Прошло всего секунд восемь — десять от начала схватки, но этого было уже достаточно.

— Брандспойты! Давайте воду! — крикнул я во весь голос.

И в ту же секунду, как будто какая-то сила помимо моей воли бросила меня вперёд, я сбежал с холма и погрузился в облака пыли, хотя ранее и не собирался этого делать. Рычание, рёв, визг, топот ног и блеяние овец, треск ломаемых сучьев, наверное, заглушили мою команду, — во всяком случае, струи воды ударили не сразу.

Первое, что я заметил в пыли, была промелькнувшая мимо меня фигура Петра Михайловича.

Сразу вслед за этим передо мной появились оскаленные морды и переплетённые тела собак.

Мне сейчас невольно вспомнилась народная поговорка: «Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается». Сейчас, однако, всё происходило наоборот: мой рассказ, конечно, никак не может «сказываться» с такой же быстротой, с какой мчались дальнейшие события.

Две собаки наседали на Джульбарса сверху, пытаются опрокинуть его и вцепиться в глотку, а он бешено откусывался направо и налево так, что казалось, его ощеренная пасть одновременно появляется сразу в нескольких местах.

Наиболее опасным показался мне большой лохматый пёс, набрасывавшийся на Джульбарса яростнее других — это тот, который в начале схватки промчался мимо и потому остался невредим.

Сейчас он был сверху клубка и из его пасти летели клочья Джулькиной шерсти.

Изловчившись, я схватил его за уши и с силой дёрнул на себя, оторвав от Джульбарса.

В тот же миг острая боль пронзила мне левую руку пониже локтя. Я сразу и не понял, в чём дело — мне было не до этого. Ещё раз изо всех сил рванув пса за уши, я выдернул его из собачьей свалки. Но удержать сильную овчарку я уже не мог, потому что левая рука вдруг ослабла и повисла — пёс вырвался и свалил меня с ног.

Падая, я ещё раз мельком заметил Петра Михайловича, который деревянной лопатой колотил направо и налево, заметил Мишу, сбегавшего с холма, и слышал голос Ольги Антоновны, где-то рядом со мной, кричавшей:

«Джуль, ко мне! Джуль, сюда!»

Затем запахло псиной, и я почувствовал над собой горячее собачье дыхание. Сейчас вопьётся в горло!.. И я закрылся правой рукой.

Вот тут-то и ударили мощные струи воды.

Навалившаяся на меня овчарка была сразу же сбита с ног и покатилась по земле.

Плотная струя ударила меня в бок, и я дважды перевернулся по траве.

Разметав всё вокруг — и собак, и людей, — струи воды погасли так же неожиданно, как и вспыхнули.

Я приподнялся на правом локте; пыли как не бывало, всё было кончено. Пётр Михайлович стоял опершись на лопату и тяжело дышал.

Одна из овчарок валялась на земле и визжала, другую сдерживал Куриджанов, а рядом со мной над повергнутой лохматой овчаркой стоял Джульбарс и безжалостно трепал её. Но, видно, и его силы были уже на пределе.

Когда подбежавшая Ольга Антоновна оттащила Джульку от жертвы, он вдруг покачнулся и едва устоял на ногах. Он был весь в крови: в своей или в чужой, — трудно сказать.

Сделав несколько неверных шагов, Джулька приблизился ко мне и лизнул окровавленную руку. Я встал.

К нам бежали люди; среди них был и ветеринар, которого Пётр Михайлович предусмотрительно вызвал на эту съёмку.

Возбуждение борьбы, поддерживавшее силы Джульбарса, миновало; теперь он как-то сразу обмяк, ещё раз покачнулся на израненных ногах и медленно повалился на бок.

Все столпились вокруг него.

Джульбарс лежал неподвижно; глаза его замутились; казалось, что он никого и ничего уже не видит.

Неужели?.. Неужели умирает?..

Слово «издыхает» мне даже в голову не пришло: я так и подумал: «Неужели умирает?»

Глаза Джульки закрылись совсем.

Ветеринар нагнулся, чтобы послушать сердце.

— Кончается, — сказал один из чабанов и стащил с головы круглую войлочную шляпу.

Его примеру последовали и остальные чабаны.

Все стояли тихо и безмолвно.

— Жив ещё, — сказал ветеринар, — но дело плохо! Пожалуй, не стоит тревожить его.

— Неужели ничего нельзя сделать! — взмолилась Ольга Антоновна.

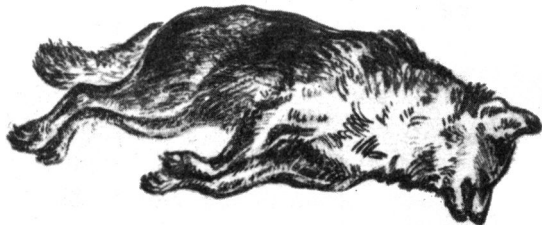
— Попробую впрыснуть адреналин.

— Сделайте всё, что возможно.

Ветеринар полез в свою сумку за шприцем и ампулой, и в этот момент... Джулька вдруг открыл глаза!

Он обвёл всех прояснившимся взглядом, затем поднял голову и... улыбнулся... Фу-ты! Я хотел сказать — «вилянул хвостом». Но это было так похоже на улыбку, — ведь виляние хвостом — это и есть собачья улыбка.

Итак, Джулька улыбнулся. Если бы вы только видели, как просияли все лица, как облегчённо и радостно, будто по команде, все вздохнули.

Затем он попробовал привстать, но ему не дали.

Ну, конечно же, это был кратковременный упадок сил после огромного напряжения короткой, но страшной схватки, а также, наверное, и от потери крови.

Ветеринар всё же сделал ему укол и быстро перевязал самые опасные раны.

— Перенесите его в машину и отправляйте в посёлок; я скоро буду следом, — сказал он.

Стало ясно, — Джулька вне опасности.

Андрей и Лёва, которые успели подбежать только к самому концу драки, бережно подняли его и понесли к машине.

Джульбарс сперва не давался, — ему, наверное, было стыдно, что с ним обращаются не как с мужчиной, а как с маленьким, но пришлось смириться.

Только теперь ветеринар и все остальные заметили, что у меня прокушена рука, а у Ольги Антоновны сильно поцарапаны собачьими когтями обе ноги.

Пётр Михайлович остался невредим.

С йодом и бинтами ко мне подошёл ветеринар и разорвал рукав рубашки до плеча.

— Эге, батенька, да у вас рука-то прокушена до самой кости. А ну, держитесь!

Ой-ё-ёй! Выливали вам когда-нибудь целую банку йода на открытую рану?

Должен сказать, что сам укус собаки вспоминался мне после этого как нежный поцелуй.

Потом очередь дошла до Ольги Антоновны. Когда ей, бедненькой, смазывали йодом обе исцарапанные ноги, то, в довершение неприятностей, рядом ещё стоял Пётр Михайлович и говорил:

— Это так-то вы выполняете распоряжение начальства? Подумаешь, героиня: с голыми ногами — да в самую свалку!

— Ладно, Пётр Михайлович, — сказал я примирительно, — всё хорошо, что хорошо кончается!

— А уж с вами, Борис Александрович, мы поговорим потом — наедине. Вы тоже сунулись не в своё дело. Всё

было бы сделано и без вас. Выдержки у вас не хватает, а может быть, и доверия ко мне!

— Хватает, Пётр Михайлович, хватает!

Я чувствовал, что он сердится только для порядка, на самом же деле рад, что всё уже позади и кончилось благополучно. Чтобы подразнить его, я продолжал в его тоне:

— Уж если кого и привлекать к самой строгой ответственности, так вас в первую очередь. Можно подумать, что только один директор имеет право соваться в собачью драку.

Как говорится, — крыть было нечем.

— Хорошо, хорошо, пойдёте уж! Прасковья Сергеевна небось заждалась в посёлке с ужином. Да и врач там ещё не спит, вы у меня ещё натерпитесь, когда вам начнут делать всякие там прививки.

Пётр Михайлович взял меня под руку, чтобы помочь дойти до машины.

Я в помощи не нуждался, но покорно пошёл рядом с ним.

На небе зажглись первые звёзды. Во внезапно наступившей тишине вновь слышался прерывистый и немолчный звон кузнечиков.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

За окном мелькают такие близкие и родные пейзажи: берёзки, ёлочки, поля и перелески, уже подёрнутые налётом первой осени.

Я лежу на верхней полке, поглядываю в окно и сквозь перестук колёс, в полудремоте, прислушиваюсь к разговору внизу.

— Вот так-то, Леонид Матвеевич, и собака цела, и план выполнили. А вы, Пётр Михайлович, изверг! Пётр Михайлович бессердечный человек! А сейчас и сами видите, что всё сделано правильно. Вот так-то!

«Вот так-то... вот так-то... вот так-то...» — ритмично стучат колёса.

Голос Андрея... О чём это он?

— Нет! Такой ценой выполнять план нельзя. Пусть уж лучше картина «горит». Я ни за что не пошёл бы ещё раз на подобный риск, ни за что ещё раз не стал бы подвергать нашего Джульку такой опасности. Уверен, что и Борис Александрович теперь тоже решил бы только так!

«Правильно, Андрей!» — хотел я сказать, но так чудесно дремалось под стук колёс:

«Только так... только так... только так...»

Внизу продолжался разговор.

— Но каков всё-таки пёс? Один откусался от трёх овчарок, из которых каждая могла бы справиться с волком...

— Смотрите: наш герой вылезает из-под лавки, понял, негодяй, что разговор идёт о нём, и уже тут как тут!

«...тут как тут... тут как тут... только так... только так... так-то вот... так-то вот...»

— Вставайте, подъезжаем! — Пётр Михайлович тряс меня за плечо. Спросонок я пробормотал:

— Так-то вот; вы уж тут как тут...

— Я пять минут бужу вас. — Он продолжал меня трясти. — Подъезжаем, уже Колпино. Вставайте!

Я вскочил. Осталось полчаса до Ленинграда.

Наши ребята уже подтаскивали чемоданы с аппаратами к тамбуру, с той стороны вагона, который обыкновенно бывает закрыт, но проводница, по Лёвиной просьбе, специально открыла его для нас, чтобы мы не мешали выходить другим пассажирам.

Я хотел помочь выгрузке, но Пётр Михайлович сказал:

— Вы уж не мешайте нам выгружаться, на это найдутся носильщики. Лучше возьмите Джульку и сразу выводите его на платформу, чтобы он не болтался под ногами.

Джулька рвался к выходу; всеобщее оживление передалось и ему.

Я надел на него ошейник, намотал поводок на руку и стал с ним у самого выхода.

Поезд подходил к перрону. Всё тише, тише... Вот на платформе показались первые встречающие. Ещё на ходу наиболее расторопные носильщики начали впрыгивать в вагоны, предлагая свои услуги, но к нам они не прыгали, — наверное, их утешал огромный пёс в открытых дверях.

Я всматривался в толпу — не встречает ли нас кто-нибудь со студии, а может быть, жена... Танька?

И вдруг...

— Папа... Джулька!.. — Танька нас разглядела раньше, чем мы её.

Мама крепко держала её за руку, а она рвалась к ещё не остановившемуся вагону так же, как Джулька рвался сейчас из моих рук ей навстречу.

Он узнал. Подумайте: через четыре месяца сразу узнал по голосу!

Обмотанный вокруг руки ремень вдруг обжёг ладонь — это Джулька рванулся из дверей, причём с такой силой, что я оказался на платформе, выдернутый из тамбура нетерпеливым псом.

Джульбарс вспрыгнул Таньке на плечи, забыв от радости, что я категорически запретил ему так проявлять свою любовь.

Танька покачнулась, но удержалась на ногах, — видимо, он всё-таки учёл, что это маленькая девочка, и рассчитал свои силы.

В один момент Джулька облизал ей всё лицо.

Танька смеялась, смеялся я, смеялись пассажиры, смеялась мама, вытирая платком мокрое Танькино лицо.

Только теперь они поздоровались со мной и с остальными.

Таньке было не до меня, — всё её внимание было устремлено на Джульбарса, но я не ревновал, а вместе со всеми любовался им.

Сейчас, когда он привлекал всеобщее внимание, я как будто заново увидел нашего красавца: огромный, похожий на волка, полный молодых сил пёс, с гладкой, лоснящейся шерстью, с широким, умным лбом.

Даже под шерстью было видно, как перекачиваются желваки мускулов на его груди и лапах.

Раны у него зажили гораздо быстрее и легче, чем какой-то ничтожный укус на моей руке.

Танька прыгала и молила меня:

— Папа, дай, я поведу Джульку; мама мне обещала!

Разматывая поводок с руки, я сказал:

— Только води его осторожно и не балуйся с ним, а то он сегодня очень возбуждён. Если не будет тебя слушаться, крикни ему «фу!» Помнишь? «Фу!»

— Я знаю, папа, — важно сказала Таня, — не беспокойся!

И я отдал Таньке ремень.

Выгрузка из вагона продолжалась.

Пока носильщики погружали на тележки наш багаж, пока Пётр Михайлович и Леонид Матвеевич разговаривали с моей женой, пока я с удовольствием осматривался вокруг, — Танька гордо разгуливала с Джульбарсом.

— Смотрите, какая любовь! — сказал Пётр Михайлович.

Я оглянулся, и как раз в этот момент Джулька рванулся вперёд и помчался вдоль по платформе, увлекая за собой Таню.

Упираясь и хохоча, однако не выпуская поводок, она во весь дух бежала вслед за развеселившейся собакой и никак не могла её остановить.

Позднее Танька мне рассказала, что, желая проверить свою власть над Джулькой, она давала ему различные приказания, которым я её когда-то обучил.

Например: «сидеть», «стоять», «вперёд». Джулька сразу же слушался и всё выполнял. Потом ей вдруг вздумалось сказать ему «иси» и тут же прибавить «вперёд».

«Иси» — это приказ обыска, это значит «ищи», а в связи с командой «вперёд» Джулька и помчался вперёд, что-то искать. Он с радостью бросился выполнять этот никчёмный приказ. Но что искать? Где искать? Он тащил за собой Таньку, время от времени останавливаясь и обнюхивая пассажиров, которые в страхе рассыпались в стороны, и снова бежал вперёд.

Это было зрелище: маленькая девочка с двумя косичками торчком во всю прыть бежала за большой собакой и, забыв все команды, кричала: «Джулька, тише; Джулька, не надо!» Команда «фу», как назло, выскочила у неё из головы.

Публика шарахалась, кое-кто смеялся, кто-то ахнул, кто-то закричал «безобразие»; какая-то женщина села на свой чемодан — в общем, начался переполох.

Они были уже далеко от нас, и потому мне пришлось напрячь голос, чтобы Джулька услышал меня:

— Джуль, фу! Ко мне!

Таким же аллюром Джульбарс и Танька вернулись обратно.

Танька была уже без сил, но всё равно смеялась, невзирая на мамин грозный выговор.

Джуль подошёл и скромно улёгся у наших ног.

Моментально вокруг собралась толпа и раздались голоса:

— Совсем как волк!

- Какой породы?
- Безобразие — выпускать таких собак с детьми!
- Ну и пёс!
- Как зовут?

Танька была горда.

В этот момент, раздвинув толпу, к нам протиснулся человек в красной шапке — это был дежурный по вокзалу.

— Граждане, не толпиться! Кто хозяин собаки? Вы? — обратился он ко мне. — Почему это ваша собака без намордника? Не знаете правил вождения собак, что ли?

Я не успел ответить — Пётр Михайлович отстранил меня:

— Со всеми вопросами обращайтесь ко мне: я директор киноэкспедиции, а это наша собака — главный актёр фильма. Без соответствующей команды она никогда никого не тронет; поэтому мы и не надеваем ей намордника.

— Кто бы вы там ни были, но давайте не будем выпускать собак без намордников!

Тут вмешался Лёва.

— Так вам же сказали, что наша собака никого не тронет без приказа... Так чего же вы ещё хотите?

— Заткнись, грубиян! — одёрнул его Пётр Михайлович. — Товарищ начальник, сейчас мы отсюда уйдём, всё будет в порядке, но, с вашего разрешения, надевать намордник на нашего актёра мы всё-таки не будем!

— Давайте не будем! — скромно попросил Лёва.

Студия прислала за нами четыре машины. В пикап погрузили аппаратуру, автобус увёз Лёву, Андрея, Праксковию Сергеевну, Трофима Афанасьевича и Митю.

На одном из двух ЗИМов уехал Пётр Михайлович, а во втором поехали домой мы вчетвером.

Как я соскучился по нашему городу!

Мелькают — Загородный проспект, улица Дзержин-

ского, Исаакиевский собор, Сенатская площадь, «Медный всадник», потом направо по набережной...

У меня такое впечатление, что Джульбарс так же жадно, как и я, смотрит на эти с детства любимые мною места.

Он сидит рядом со мной, высунув голову наружу, и тихо поскуливает. Интересно, — что он чувствует?

Я шепчу ему: «Джулька, это Ростральные колонны, а это Петропавловская крепость, — узнаёшь?»

В ответ он опять скулит.

А сзади слышен разговор:

— Мама, папа мне сказал, что навсегда...

— Да, Танечка, навсегда!

— А ты на самом деле была сперва не согласна?

— Нет, Танечка, не на самом деле!

— Значит, ты уже и тогда хотела, чтобы Джулька был у нас?

— Да, и тогда хотела!

— Значит, навсегда?

— Да! Навсегда!

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНАЯ

Прошёл год.

Таня и Машенька за это время заметно повзрослели. Машенька уже два раза гостила у нас в Ленинграде; вот и теперь она опять приехала к нам на всё лето и будет жить с Танечкой до осени здесь на даче, в Мельничьих Ручьях.

Сегодня — воскресенье, жаркий и ясный июньский день.

Девочки, а с ними и Джульбарс уже второй раз побежали на вокзал встречать Андрея, который должен приехать ко мне, чтобы получить окончательный ответ на свою просьбу. Возможно также, что приедут и Пётр Михайлович с Прасковьей Сергеевной.

Тут я должен удивить вас: знаете, какой они выкинули фокус? Они поженились! Да, да, совершенно неожиданно для всех нас, в прошлом году они поженились. Вот тебе и недруги!

Теперь уже не известно, кто кому будет делать выговоры.

Я сижу в саду в тени сосен и с удовольствием вдыхаю пропитанный запахом цветов и хвои тёплый, почти горячий летний воздух. Мимо с жужжанием пролетают пчёлы и какие-то жуки; с речки слышны отдалённые возгласы купающихся, и откуда-то издалёка доносятся звуки патефона.

Как хорошо сидеть в саду в такой чудесный, погожий день!

При моей профессии это удаётся не так-то часто — ведь летние, солнечные дни для нас самая горячая «съёмочная» пора.

Через неделю мы с Леонидом Матвеевичем должны уезжать в экспедицию на съёмки нового большого фильма.

Отдыхать осталось совсем немного.

Я задумался об Андрее.

Он должен этим летом снять свой первый фильм.

И знаете, что он придумал?

Он написал сценарий, где главный герой — собака-овчарка.

«Хитрый Андрей! — подумал я, прочитав сценарий. — Он предполагает, наверное, что я ни о чём не догадаюсь. Наверняка он рассчитывает выпросить у меня Джульбарса для съёмок своего фильма. Каков хитрец! А дал мне сценарий как будто только для того, чтобы посоветоваться».

Когда Андрей вчера приезжал ко мне узнать моё мнение о сценарии, то я сказал ему:

— Андрей, сценарий мне нравится. Но я вижу вас насквозь; сознайтесь: вас не столько интересует моё мнение о сценарии, сколько другое: вам нужен актёр, и вы хотите выпросить у меня Джульбарса! Так ведь?

Андрей немного смутился, потом поднял голову и, набравшись храбрости, решительно заявил:

— Да! И не одного актёра, а трёх!

— То есть, как это трёх?

— Джульбарса, Таню и Машеньку! В моём сценарии есть роли для всех троих.

Каково? Оказывается, он уже всё обдумал: родители Машеньки, конечно, согласятся, если я похлопочу; а чтобы мы все были спокойны, он пригласит на съёмку Ольгу Антоновну, которая будет наблюдать и за девочками и за собакой.

Я сказал, что подумаю, и сегодня должен дать Андрею ответ.

Стукнула калитка.

Ага, вот и они. Слышен смех девочек, лай Джульки, голос Петра Михайловича.

Идут. Все идут. Впереди, хвост трубою, бежит Джулька, за ним идут Пётр Михайлович с Прасковьей Сергеевной, а сзади Андрей, обняв за плечи девочек. Они, кажется, обо всём уже договорились.

Ну, что мне сказать Андрею? Согласиться?

Как вы думаете?

ОГЛАВЛЕНИЕ

Поезд подошёл к перрону	3
Где наши звери?	7
Споём, маленькие	13
И простое бывает сложным	17
Неблагодарный Пусенька	21
Некомплектные кабаны	24
Кабаньи вольеры	29
А сложное оказывается простым	32
Крик петуха	36
Осторожней со зверьми	41
Когда идёт дождь	51
В челюстях капкана	58
Храбрый кабанёнок и посрамлённый волк	68
Непредвиденная и грозная опасность	73
«Тореадор, смелее в бой»	82
В кошарах	96
Дуська и Джульбарс	100
Над Джульбарсом нависает опасность	108
Тяжёлое решение	115
Один против трёх	124
Возвращение	135
Заключительная	141

Д Л Я М Л А Д Ш Е Г О В О З Р А С Т А

Бруссе Георгий Артурович

НЕОБЫЧНЫЕ КИНОАРТИСТЫ

Ответственный редактор Н. Л. Страшкова.

Художественный редактор Г. П. Фильчаков.

Технический редактор Л. Б. Куприянова.

Корректоры Л. К. Малявко и Н. П. Васильева.

Подписано к набору 16/XI 1970 г. Подписано к печати 22/II 1971 г.

Формат 70×92¹/₁₆. Бум. № 2. Печ. л. 9. Усл. п. л. 10,53. Уч.-изд.

л. 7,37. Тираж 100 000 экз. ТП 1971 № 223. Ленинградское отделение

ордена Трудового Красного Знамени издательства «Детская

литература» Комитета по печати при Совете Министров РСФСР.

Ленинград, Д-187, наб. Кутузова, 6. Заказ № 900. Фабрика «Детская

книга» № 2 Росглавополиграфпрома Комитета по печати при Совете

Министров РСФСР. Ленинград, 2-я Советская, 7. Цена 42 коп.

